П. Н. КРАСНОВЪ

НА РУБЕЖѢ КИТАЯ

Изданіе Главнаго Правленія
Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ
ПАРИЖЪ

СОЮЗЪ
РУССКИХЪ ВОЕНН

П. Н. КРАСНОВЪ

НА РУБЕЖѢ КИТАЯ

●

Изданіе Главнаго Правленія

Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ

ПАРИЖЪ

1 9 3 9.

Мы разскажемъ, какъ служили,
Какъ границу берегли,
Хотя денегъ не нажили
За то славушку нашли.

Слава Русская большая,
Ей гордимся завсегда...

Пускай Царь нашъ не боится,
Что на Русь идетъ чума:
Наша Русская граница
Есть Китайская земля.

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ.

apron strings?

1. «Тетенькинъ хвостикъ»

Къ началу 1911-го года мнѣ стало казаться, что я скоро получу въ командованіе полкъ. Мнѣ шелъ 42-й годъ, и хотѣлось, пока есть еще физическія силы, командовать полкомъ «какъ слѣдуетъ», показать, что можно сдѣлать изъ казачьяго полка, гдѣ офицеры — воины по рожденію, а нижніе чины — казаки — люди, о которыхъ неизвѣстный мнѣ поэтъ сказалъ:

...«Гвозди-бы дѣлать изъ этихъ людей,
Крѣпче-бы не было въ мірѣ гвоздей»...

Была у меня еще особая причина, побуждавшая меня желать принять, какъ можно скорѣе полкъ. Въ 1906-мъ году въ «Военномъ Сборникѣ» были напечатаны мои статьи «О строевомъ командованіи казачьимъ полкомъ». Въ этихъ статьяхъ, на основаніи опыта Японской войны, я проводилъ свои взгляды на воспитаніе, обученіе и маневрированіе казачьяго полка. Статьи эти вызвали рѣзкую критику, и письменную и словесную. Отвѣчать, полемизировать по такому жизненному вопросу на газетныхъ столбцахъ не хотѣлось. Единственнымъ отвѣтомъ могло быть — самому стать во главѣ полка и показать на примѣрѣ правильность предлагаемыхъ методовъ. Критикѣ противопоставить дѣйствіе, или, какъ теперь говорятъ — фактъ.

Собственно говоря, никакихъ данныхъ къ тому, чтобы я могъ получить полкъ, у меня не было. Всего годъ тому назадъ, на Пасху 1910-го года, я былъ произведенъ «за отличіе по службѣ» въ полковники, на такъ называемую «атаманскую» ваканцію. Это производство лишило меня гвардейскаго мундира и чести быть Л. Гв. въ Атаманскомъ полку, такъ какъ я обгонялъ товарища, бывшаго годомъ старше меня по выпуску. Зачисленъ я былъ по Донскому Войску и надѣлъ скромный армейскій мундиръ. Какъ всего годъ тому назадъ произведенный въ полковники, я еще не былъ внесенъ въ кандидатскіе списки на полкъ и потому правъ на полученіе полка не имѣлъ ни въ очередь, ни внѣ очереди.

Я могъ получить полкъ только по особой **протекціи,** пробраться къ полку, такъ сказать, какъ описывается про поросенка въ баснѣ-стихахъ — **держась за тетенькинъ хвостикъ.**

Вотъ такой то тетеньки, такъ художественно живо описанной Юріемъ Галичемъ въ романахъ «Звѣріада» и «Синіе кирасиры», въ образѣ «тантъ Мари», дамы великосвѣтской, бывающей въ «салонахъ», вращающейся въ «высшихъ сферахъ», могущей напомнить, во время подсказать, составить протекцію за вечернимъ бриджемъ, или за чашкой дневного чая, убѣдить кого надо, что «конечно, кандидатскій списокъ есть до нѣкоторой степени законъ, но вѣдь есть пути, по которымъ можно обойти этотъ законъ. Дали же В. гвардейскій полкъ, когда онъ вовсе не командовалъ армейскимъ, или С. получилъ полкъ не будучи кандидатомъ? На то есть **высочайшая** воля... Такъ почему же моему племяннику, который такой сякой распредостойнѣйшій штабъ-офицеръ — не дать полка? Вы говорите объ омоложеніи арміи, ну вотъ — и омолодите»...

Но такой «тантъ Мари» у меня не было.

Однако, если сравнить мою судьбу съ судьбою моего сверстника, который жилъ въ провинціи, вышелъ не изъ военной сре-

ды, учился въ провинціальныхъ училищахъ, служилъ не въ столицѣ, скромно и незамѣтно тянулъ лямку строевого офицера гдѣ нибудь въ глуши, то разница между такимъ штабъ-офицеромъ и мною оказывалась значительная и не въ его пользу. Какъ ни хотѣлъ законодатель установить равенство для всѣхъ — это равенство постоянно и безъ всякихъ «тетенекъ» нарушалось — жизнью.

Въ тѣ времена, до Великой войны, — хотя наша армія была безсословной и очень много офицеровъ были изъ крестьянскаго, купеческаго и духовнаго званія, и даже на самыхъ высокихъ постахъ были вышедшіе, что называется, «изъ низовъ», были люди «безродные» — **каста** все таки сказывалась, и человѣкъ съ военной фамиліей, болѣе бросался въ глаза при всяческихъ перемѣнахъ карьеры. Я же былъ кругомъ изъ военной семьи. На верхахъ знали моего отца — ученаго военнаго, автора многихъ историческихъ и статистическихъ трудовъ о Донскомъ войскѣ, помнили моего дѣда, Георгіевскаго кавалера и командира Лейбъ-Казаковъ. Въ нынѣ разрушенномъ большевиками храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, на мраморной доскѣ золотыми буквами было записано имя моего пра-пра-дѣда, убитаго подъ Колоцкимъ монастыремъ 25-го августа 1812 года, наканунѣ Бородинскаго сраженія. Грибоѣдовское о Москвѣ (Фамусова)

...«Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь»...

было въ силѣ и въ Петербургѣ.

Я родился и выросъ въ Петербургѣ и кончилъ Петербургскіе корпусъ и училище. Я годъ пробылъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба. Мои учителя и профессора, которые знали меня кадетомъ, юнкеромъ и на младшемъ курсѣ Академіи — были теперь на верхахъ. Они меня не забыли.

Первые восемь лѣтъ своего офицерства я постоянно скакалъ на «Конкуръ иппикъ» въ Михайловскомъ манежѣ, принималъ участіе въ скачкахъ въ Красномъ Селѣ и въ только что начинавшихся тогда дистанціонныхъ пробѣгахъ. Лошадь у меня была всего 3/4-кровная, Стрѣлецкаго Государственнаго завода. На скачкахъ мое мѣсто поэтому обыкновенно бывало первымъ... съ конца. Но прыгала она великолѣпно и на стоверстныхъ пробѣгахъ бывала и на вторыхъ мѣстахъ. Но, главное, — она была такой масти, что невольно запоминалась. Свѣтло-гнѣдая — она (въ ней была примѣсь арабской и карабахской крови) была совершенно золотая. Положишь ей на крупъ золотой — мы въ тѣ времена жалованье получали золотомъ и серебромъ — и золотого не видно, такъ сливается онъ съ блескомъ ея шерсти. Звали ее Градъ. (Онъ былъ — сынъ Горца и Ивы, внукъ знаменитаго Искандеръ-бека, имѣвшаго въ себѣ кровь Абеяна Серебрянаго). Этого Града за его масть, за его прыжки въ манежѣ зналъ весь Петербургъ.

Зналъ его и Государь Императоръ, еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, а потомъ и Государемъ посѣщавшій Михайловскіе конкуры и видѣвшій Града на скачкахъ, парадахъ, маневрахъ и смотрахъ.

Въ 1897-мъ году былъ я Начальникомъ Конвоя Россійской Императорской миссіи въ Абиссиніи, потомъ долгое время адъютантствовалъ въ полку и сталъ часто писать въ «Русскомъ Инвалидѣ», подписывая свои статьи именемъ любимой лошади: «Градъ» — «Гр. А. Д.».

Когда, послѣ многихъ моихъ статей, Государь Императоръ узналъ, какой это самозванный «графъ» пишетъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», Государь сталъ и меня заочно называть «Градомъ». Такъ, любуясь въ 1910 году въ Офицерской кавалерійской школѣ, на конномъ праздникѣ лихой джигитовкой есаула Н. А. Краснова, моего однофамильца, Государь Императоръ спросилъ Начальника Школы Генерала Химеца:

— Этотъ Красновъ — не родственникъ Града?

Государь Императоръ зналъ меня и лично. Мнѣ приходилось имѣть счастье неоднократно представляться Его Величеству. Я

подносилъ Государю для Него и для Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича свои труды: — «Атаманскую Памятку», «Картины былого Тихого Дона», «По Азіи» и «Годъ войны». Государь постоянно читалъ фельетоны, подписанные Гр. А. Д. и нѣкоторые возвращались Военному Министру съ собственноручной отмѣткой Государя синимъ карандашомъ, требовавшей справки.

Знала меня и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. По возвращеніи изъ Абиссиніи въ 1898-мъ году я читалъ докладъ въ Гатчинскомъ Дворцѣ, на которомъ присутствовали Государыня, Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна Ольга Александровна. Нѣсколько лѣтъ послѣ, моя жена, извѣстная камерная пѣвица, пѣла у Государыни датскія народныя пѣсни и романсы Ц. А. Кюи, подъ аккомпаниментъ самого композитора.

Военнымъ министромъ въ 1911 году былъ Генералъ-Адъютантъ Сухомлиновъ, бывшій раньше Начальникомъ Офицерской кавалерійской Школы и носившій ея мундиръ. Онъ часто бывалъ въ школѣ и зналъ всѣхъ офицеровъ постояннаго ея состава. Онъ зналъ меня и раньше по Курскимъ маневрамъ 1903 года, на которыхъ онъ былъ Начальникомъ Штаба генерала Куропаткина, а я былъ при Куропаткинѣ ординарцемъ.

Помощникомъ Военнаго Министра былъ Генералъ-Лейтенантъ Поливановъ. Онъ, въ бытность полковникомъ и редакторомъ «Русскаго Инвалида», увлекъ меня на постоянное писательство въ «Инвалидѣ», онъ устраивалъ мнѣ командировки въ Маньчжурію, Китай, Японію и Индію, въ 1901 г., на границы Персіи и Турціи въ Закавказьѣ, въ 1902 году и на Русско-Японскую войну. Мы съ нимъ «пудъ соли съѣли», были знакомы семьями. Онъ бывалъ у насъ на музыкальныхъ вечерахъ, которые устраивала моя жена; она не разъ пѣла на вечерахъ у Поливановыхъ.

Начальникомъ Главнаго Штаба былъ Генералъ-Лейтенантъ Николай Петровичъ Михневичъ. Въ чинѣ капитана онъ читалъ лекціи Военной исторіи въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ училищѣ и я былъ любимѣйшимъ его ученикомъ.

Дежурнымъ Генераломъ Главнаго Штаба, вѣдавшимъ личнымъ составомъ арміи былъ Генералъ-Маіоръ Петръ Константиновичъ Кондзеровскій. Мы были съ нимъ одновременно фельдфебелями — онъ въ 3-ей ротѣ 2-го военнаго Константиновскаго Училища, я въ ротѣ Его Величества 1-го военнаго Павловскаго.

Но, самое главное, для назначенія на полкъ у меня были очень хорошія отношенія съ Инспекціей кавалеріи.

Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи былъ Генералъ отъ кавалеріи Всеволодъ Матвѣевичъ Остроградскій, его помощникомъ — Генералъ-лейтенантъ Константинъ Антоновичъ Ширма и Начальникомъ штаба — Генералъ маіоръ баронъ Николай Александровичъ фонъ Дистерло.

У перваго я работалъ по составленію казачьихъ уставовъ, по обученію регулярной кавалеріи работѣ пикой и т. п. Я часто бывалъ приглашаемъ завтракать къ радушному и хлѣбосольному Всеволоду Матвѣевичу и былъ знакомъ съ его семьею. Это былъ исключительно благожелательный къ подчиненнымъ человѣкъ и это онъ не разъ говорилъ:

— Пора вамъ, Петръ Николаевичъ, командовать полкомъ.

Второй еще недавно былъ — моимъ командиромъ полка. При немъ я былъ полковымъ адъютантомъ. На моей свадьбѣ онъ былъ моимъ посаженымъ отцомъ. Когда онъ ушелъ изъ полка между нами установились самыя искреннія, дружескія отношенія. Въ 1910 году я сопровождалъ генерала Ширму въ его инспекторской поѣздкѣ въ льготные лагери Донского, Терскаго, Уральскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, а послѣ я съ нимъ объѣзжалъ Запасные кавалерійскіе полки, и по указаніямъ генерала Ширмы писалъ для него доклады въ Инспекцію. Онъ былъ вполнѣ «свой» человѣкъ и очень меня любилъ.

Генералъ-маiоръ Дистерло до назначенiя начальникомъ штаба Генералъ-Инспектора кавалерiи былъ Правителемъ дѣлъ въ Офицерской кавалерiйской Школѣ. Мы съ нимъ много вмѣстѣ работали, были на «ты» и въ чисто товарищескихъ отношенiяхъ.

А вѣдь это именно Штабъ Генералъ Инспектора кавалерiи распоряжался всѣми назначенiями на должности командировъ полковъ въ кавалерiи и казачьихъ войскахъ.

Такимъ то образомъ и выходило, что и безъ всякой «тантъ Мари» былъ у меня совсѣмъ особый и, пожалуй, и очень даже крѣпенькiй «тетенькинъ хвостикъ», держась за который и пробирался я совсѣмъ для себя незамѣтно къ полку, преодолѣвая всѣ преграды законовъ и кандидатскихъ списковъ. Ибо въ концѣ то концовъ люди, а не боги пишутъ законы и люди же призваны ихъ исполнять.

Несправедливость? — Нѣтъ, — жизнь.

Потому что такъ естественно старшему начальнику назначить на отвѣтственный постъ, дать повышенiе человѣку, котораго онъ лично и хорошо по службѣ знаетъ и предпочесть его тому, о комъ онъ можетъ судить лишь по аттестацiи третьяго лица, назначить, такъ сказать, «на вѣру».

Свой глазъ — алмазъ — чужой стеклышко.

2. На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся

Въ этомъ году шла чистка на верхахъ казачьихъ войскъ, и очень часто освобождались казачьи полки. Ихъ получали, между прочимъ, люди нѣсколькими годами моложе меня ,но болѣе счастливые въ производствѣ, попавшiе раньше въ полковники и бывшiе уже въ кандидатскомъ спискѣ. Меня раздражало не то, что они получали полки, а я нѣтъ, — мы были воспитаны въ сознанiи необходимости и неизбѣжности очереди; насъ не удивляло и не возмущало, что Л. Гв. въ Гусарскомъ полку полковники были тридцати лѣтъ, а въ Кавалергардскомъ и Л. Гв. Кирасирскомъ Ея Величества полкахъ и за сорокъ лѣтъ сидѣли въ ротмистрахъ. Это была фортуна. Мнѣ было досадно, что многiе, получавшiе полки были совершенно равнодушны къ строю, смотрѣли на полкъ, какъ на неизбѣжное зло при прохожденiи службы, какъ на служебный стажъ, необходимый для карьеры. Притомъ все это и были самые свирѣпые критики моихъ статей «о командованiи полкомъ» и они-то, конечно, ничего изъ моихъ предложенiй примѣнять не будутъ.

Въ 1910-мъ году Офицерская Кавалерiйская Школа праздновала столѣтнiй юбилей своего существованiя и получила права и преимущества старой гвардiи. Съ этого года Государь Императоръ сталъ въ день Школьнаго праздника, 9-го мая, приглашать офицеровъ Постояннаго состава Школы къ завтраку во дворецъ. Такъ какъ въ этотъ же день былъ полковой праздникъ и Кирасиръ Ея Величества, то приглашались мы вмѣстѣ съ кирасирами.

Такое приглашенiе получили мы и въ 1911-мъ году, въ Александровскiй дворецъ, въ Царскомъ селѣ.

Наканунѣ я отравился рыбнымъ ядомъ и былъ боленъ всю ночь. Къ утру, овладѣвъ собой, силой воли заставилъ себя встать, затянулся въ мундиръ и поѣхалъ въ Царское Село. Видъ у меня былъ не слишкомъ «авантажный», но никто ничего въ волненiи не замѣтилъ.

Мое мѣсто за завтракомъ было напротивъ и нѣсколько наискось отъ Государя. Военный министръ былъ въ командировкѣ, генерала Поливанова тоже не было — ихъ замѣщалъ начальникъ Главнаго Штаба Генералъ Михневичъ.

Я почти ничего не ѣлъ и не пилъ и, возможно, что больное лицо мое не имѣло нуж-

наго праздничнаго отраженія и было грустно. Я съ трудомъ перемогался.

Государь часто на меня поглядывалъ и, казалось мнѣ, — ласково и, быть можетъ, про меня говорилъ сидѣвшему по лѣвую его руку генералу Безобразову, тогда командиру Гвардейскаго Корпуса, въ недавнемъ прошломъ Начальнику нашей Школы, хорошо меня знавшему и очень ко мнѣ расположенному. (Тоже, если хотите: — «тетенькинъ хвостикъ»).

По окончаніи завтрака, Государь обошелъ столъ и направился къ Генералу Михневичу, сидѣвшему съ моей стороны. Проходя мимо меня Государь взялъ меня за руку выше локтя и подвелъ къ Михневичу.

— Николай Петровичъ, — сказалъ Государь, — когда же вы дадите Краснову полкъ?

— Сколько мнѣ извѣстно, Ваше Величество, — отвѣчалъ генералъ Михневичъ, — полковникъ Красновъ не числится въ кандидатахъ на полкъ.

— Надо, надо ему дать полкъ, — сказалъ Государь, отпустилъ мою руку и пошелъ изъ столовой.

— Вотъ занесутъ васъ въ кандидатскій списокъ, — сказалъ Михневичъ, видимо недовольный этимъ разговоромъ, — тогда и будемъ о васъ думать.

Къ Михневичу подошелъ генералъ Безобразовъ и своимъ барскимъ, безпечнымъ голосомъ сказалъ:

— Для Краснова вы должны и можете сдѣлать исключеніе, разъ этого желаетъ Государь.

— Законъ, — сухо сказалъ Михневичъ и вышелъ вмѣстѣ съ Безобразовымъ изъ столовой.

Въ ушахъ у меня звенѣло, въ глазахъ темнѣло и отъ усталости и болѣзни и отъ радостнаго волненія. Государь сказалъ!.. Государь самъ пожелалъ, чтобы мнѣ дали полкъ!

Дня черезъ два сказались и результаты этого разговора. Часовъ около 11-ти ночи ко мнѣ прибѣжалъ вѣстовой изъ Офицерскаго собранія и доложилъ, что по телефону передали, что меня немедленно къ себѣ требуетъ генералъ Поливановъ. Своего телефона у меня не было и сношенія шли черезъ собраніе, помѣщавшееся напротивъ моей казенной квартиры. Меня это нисколько не удивило. Такъ уже установилось, что почти каждую недѣлю и, всегда ночью, въ двѣнадцатомъ часу, когда генералъ Поливановъ кончалъ свои текущія работы, онъ вызывалъ меня къ себѣ и указывалъ, что долженъ я написать въ очередномъ фельетонѣ «Русскаго Инвалида» — «Вторники у Генерала Бетрищева». Темы были самыя разнообразныя: — писалъ я о количествѣ калорій въ солдатской пищѣ по новой раскладкѣ, о шкалѣ наказаній въ кадетскихъ корпусахъ, когда основательно раздѣлалъ проектъ установленія, «въ видахъ справедливости», опредѣленныхъ наказаній за опредѣленные проступки, не считаясь съ индивидуальными свойствами каждаго кадета. Писалъ я и о Задонскомъ коневодствѣ и о домѣ для инвалидовъ Японской войны на Охтѣ и т. д. и т. д. Въ большинствѣ вопросы, по которымъ я долженъ былъ писать, мнѣ были совершенно неизвѣстны. Генералъ Поливановъ давалъ мнѣ соотвѣтствующій матерьялъ — книги, «министерскія дѣла», доклады, иногда самъ диктовалъ мнѣ, что и какъ я долженъ былъ освѣтить въ своемъ очередномъ фельетонѣ, а я, сидя за громаднымъ столомъ въ его кабинетѣ на Малой Итальянской улицѣ противъ цирка Чинизелли, быстро, карандашомъ записывалъ подъ его диктовку. Часто бесѣда заканчивалась словами:

— Съѣздите, посмотрите сами... Я предупрежду о вашемъ посѣщеніи. Тогда и опишете то, что сами увидите.

Эта моя работа въ «Русскомъ Инвалидѣ» (а иногда по очень боевымъ вопросамъ мнѣ приходилось писать такія статьи и въ «Новомъ Времени») была нужна Военному Министерству для подготовки общественнаго мнѣнія для принятія того или иного предложенія Министра. Она была нужна и для «комиссіи по оборонѣ» Государственной Ду

мы и для самой Думы. На «вторникахъ у генерала Бетрищева» какіе то вымышленные мною люди обсуждали вопросы, а черезъ нѣсколько дней по этимъ вопросамъ приходилось говорить въ Думѣ, или комиссіи по оборонѣ, и неизвѣстный Гр. А. Д. невольно подсказывалъ рѣшенія, благопріятныя Военному Министерству.

Я сейчасъ же поѣхалъ къ генералу Поливанову.

Поливановъ встрѣтилъ меня въ своемъ кабинетѣ, ласково улыбаясь своей кривой, и отъ этого всегда кажущейся насмѣшливой, улыбкой.

— Простите, — сказалъ онъ, — что я вызвалъ васъ такъ поздно. Но, думаю, вы не посѣтуете на меня — это вамъ будетъ интересно. Вы знаете, что освободился 12-й Донской казачій полкъ? Знаете вы этотъ полкъ? Хорошій это полкъ?

— Отличный полкъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я, — догадываясь, къ чему клонитъ Поливановъ. — Онъ стоитъ въ Радзивиловѣ. Я знаю, что недавно Инженерное вѣдомство построило ему прекрасныя казармы. Мнѣ писалъ оттуда мой бывшій однополчанинъ, онъ командуетъ теперь тамъ сотней — отличныя казармы. Полкъ въ полномъ порядкѣ, отличныя лошади, свои Донскіе казаки.

— На желѣзной дорогѣ, — вставилъ Поливановъ, — на прямой линіи на Вѣну. Такъ, что вамъ полкъ нравится?.. А что скажетъ командирша?

— Я думаю, что она будетъ только счастлива.

— Вы можете иногда прокатиться въ Вѣну и отдохнуть тамъ. А? Что вы объ этомъ думаете?

— Я объ этомъ и не мечтаю.

— Такъ вотъ... Если вы согласны? Я васъ представлю, и послѣ завтра, много черезъ три дня вы прочтете въ «Инвалидѣ» о вашемъ назначеніи.

— Покорно благодарю ваше превосходительство.

— Вотъ только за этимъ я васъ и потревожилъ. Можете быть свободны. Я очень занятъ сегодня, бесѣдовать мы не будемъ. Радъ за васъ. Покойной ночи. Впрочемъ вы, пожалуй, и спать сегодня не будете...

И опять та же кривая, ласковая усмѣшка освѣтила серьезное лицо Поливанова.

Я не шелъ, а летѣлъ домой. Полкъ!.. Полкъ!.. И какой блестящій!.. Свой, Донской!.. Прекрасная стоянка, при желѣзной дорогѣ. Мнѣ писали — изъ оконъ офицерскаго собранія видна австрійская земля — всего четыре версты до границы!.. Война?! Тѣмъ лучше: — Шашки къ бою! и... на войну! Впрочемъ, о войнѣ, да еще съ Австріей мы не думали. Въ Австріи сидитъ престарѣлый Францъ Іосифъ, своимъ престоломъ обязанный Россіи...

Но... прошло три дня, а на четвертый я прочелъ въ «Инвалидѣ» о назначеніи командиромъ 12-го Донского казачьяго полка очередного армейскаго кандидата, а вовсе не меня.

Генералъ Поливановъ хотѣлъ провести меня въ приказъ до возвращенія изъ командировки Военнаго Министра, котораго онъ замѣщалъ, но генералъ Сухомлиновъ вернулся днемъ раньше, а между Военнымъ Министромъ и его ближайшимъ помощникомъ существовали такія отношенія, что стоило генералу Поливанову предложить что нибудь, чтобы Сухомлиновъ сдѣлалъ напротивъ.

Меня такое назначеніе огорчило, хотя я по нималъ, что сдѣлано оно было совершенно правильно — «по линіи», и мнѣ оставалось только ждать, когда эта линія подойдетъ ко мнѣ.

Въ Школѣ заканчивались экзамены, шли случайныя лекціи. Полковникъ Баженовъ читалъ о французской кавалеріи, на маневрахъ которой онъ недавно былъ, князь Багратіонъ разбиралъ только что вышедшую книгу германскаго генерала фонъ Бернгарди о роли кавалеріи въ будущей войнѣ — незавидной роли — ѣздящей пѣхоты.

Я былъ очень занятъ. Помимо занятій въ казачьемъ отдѣлѣ и редактированія «Вѣстника Русской конницы», я по вечерамъ бывалъ въ комиссіи по выработкѣ новыхъ ка-

валерійскихъ уставовъ и наставленій. Комиссія собиралась на квартирѣ начальника Штаба Генералъ Инспектора кавалеріи генералъ маіора фонъ Дистерло. Въ ней засѣдали вмѣстѣ со мной, извѣстный своими крайними взглядами и острымъ умомъ, генералъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Залѣсскій, полковникъ Василій Викторовичъ Бискупскій и другіе. Наши засѣданія заканчивались поздно ночью семейнымъ ужиномъ у барона Дистерло.

Такъ прошло еще около недѣли, когда меня вызвалъ къ телефону генералъ Дистерло и сказалъ мнѣ:

— Рѣшено дать тебѣ 1-й Читинскій, или 1-й Аргунскій казачій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска. Стоянка — одного въ Читѣ, другого на станціи Даурія. Ты ничего не имѣешь противъ?

Я имѣлъ очень много противъ. Въ 1901 году я съ женой верхомъ исколесили всю Маньчжурію и были въ Забайкальи. У моей жены осталось очень тяжелое впечатлѣніе отъ этихъ мѣстъ. Во время Японской войны я видѣлъ Забайкальскіе полки 1-й очереди въ отрядѣ генерала Мищенко и 2-й очереди въ отрядѣ генерала фонъ Ренненкампфа. Маленькія, монгольскія лошади... Ѣздящая пѣхота... Много бурятъ среди казаковъ. Хроническій недостатокъ офицеровъ. Очень ужъ самобытный народъ, трудно управляемый. Буранныя зимы, жаркое лѣто съ «гнусомъ» въ степи и тайгѣ... Сибирь! Мѣста весьма отдаленныя!.. Своего рода — ссылка!

Но, съ дѣтства усвоивъ сказанныя отцомъ слова: — «на службу не напрашивайся — отъ службы не отказывайся», — я отвѣтилъ согласіемъ. Чѣмъ труднѣе условія, тѣмъ интереснѣе работать.

Прошло еще два дня, въ которые мы съ женой внутри себя переживали это назначеніе. Чита, или Даурія — не все ли равно?.. Какъ то тамъ придется жить?

На третій день, когда я шелъ изъ собранія домой я встрѣтилъ генерала Дистерло.

— А я къ тебѣ, — сказалъ мнѣ Дистерло. — У меня къ тебѣ и отъ себя и отъ полковника Крымова большая просьба.

Въ ту пору полковникъ Генеральнаго Штаба Крымовъ читалъ у насъ въ Школѣ лекціи и я съ нимъ часто встрѣчался. Всѣ мы любили этого крѣпкаго энергичнаго и способнаго штабъ офицера.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ я.
— Не согласишься ли ты помѣняться полками съ Крымовымъ. Ему даютъ 1-й Сибирскій казачій Ермака Тимофеева полкъ. Это въ Джаркентѣ, на границѣ Китайскаго Туркестана, 1096 верстъ отъ желѣзной дороги. А у Крымова, самъ знаешь, семья. Въ Джаркентѣ кромѣ городского училища ничего нѣтъ, въ Читѣ гимназія, у Крымова сынъ и дочь въ гимназіи. Васъ двое. Твоя жена спортсменка — ей легче сдѣлать этотъ путь, чѣмъ Крымовой съ дѣтьми, а для тебя, ей Богу, даже лучше. Прямо — совѣтую мѣняться. Въ Читинскомъ полку ни копѣйки экономическихъ суммъ, не говоря про хозяйственныя... 200 тысячъ рублей долга. Придется тебѣ только платить долги, а не совершенствовать полковое хозяйство. Въ Сибирскомъ полку экономическія суммы полностью и даже хозяйственныхъ есть что то около трехъ-сотъ рублей, есть съ чего начинать. Соглашайся. Доброе дѣло сдѣлаешь.

Чита, Джаркентъ, Забайкальцы, Сибиряки, не все ли равно — все одно, чужіе люди, незнакомыя мѣста. Я согласился.

3. Тяжелыя «ауспиціи»

Мое назначеніе прошло по всѣмъ нужнымъ инстанціямъ. Оставалось только закрѣпить его Высочайшимъ приказомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Назначеніе это меня далеко не удовлетворяло, но опять таки — «отъ службы не отказывайся». Воля Государя Императора была для меня священна, а эта воля была, чтобы я командовалъ Сибиряками.

Положеніе мое было не изъ легкихъ. Съ Сибирскимъ казачьимъ войскомъ, въ бытность мою начальникомъ казачьяго отдѣла Офицерской кавалерійской школы, у меня были счеты — и непріятные счеты. Я тогда ставилъ отдѣлъ по новому. Вводилъ, кромѣ ѣзды, выѣздку молодой лошади, вольтижировку, джигитовку, работу съ пиками, широко поставленную зимнюю и лѣтнюю полевую ѣзду, подготовлялъ отдѣлъ и къ парфорснымъ охотамъ. Мнѣ нуженъ былъ возможно болѣе молодой составъ учениковъ, во всякомъ случаѣ не старѣе сорока лѣтъ. Черезъ Начальника Школы, вполнѣ сочувствовавшаго моимъ начинаніямъ, я подалъ соотвѣтствующую докладную записку, направленную во всѣ войсковые штабы.

Всѣ войска, кромѣ Терскаго и Сибирскаго сразу откликнулись на мою просьбу посылать офицеровъ, физически годныхъ для новой и трудной работы въ отдѣлѣ. По вторичной просьбѣ и Терское сдало. Мой отдѣлъ помолодѣлъ и не уступалъ Офицерскому отдѣлу Школы. Но Сибирское войско опять точно нарочно прислало въ Школу есаула Р., человѣка за пятьдесятъ лѣтъ. На рубкѣ есаулъ Р. обрубилъ уши одной изъ лучшихъ лошадей отдѣла, сѣрой кобылѣ «Рыбкѣ». Идти на препятствіе для него было мукой. Не меньшей мукой было и для меня посылать этого старого человѣка на препятствія. Его постоянно обносили лошади и онъ только портилъ лошадей отдѣла. На пасхальной нашей преподавательской конференціи я представилъ есаула Р. къ отчисленію отъ Школы. Помощникъ начальника Школы князь Багратіонъ, бывшій тогда Правителемъ дѣлъ Школы полковникъ баронъ фонъ Дистерло и начальникъ офицерскаго отдѣла полковникъ Божеряновъ меня поддержали. Начальникъ же Школы генералъ Химецъ и начальникъ отдѣла наѣздниковъ полковникъ Мерчуле совѣтовали мнѣ не дѣлать этого по гуманитарнымъ соображеніямъ.

— Вы разрушаете карьеру офицера. Ему не дадутъ сотни.

— Все равно онъ не способенъ ею командовать. Гуманность? А если онъ убьется на нашемъ Красносельскомъ кругу? На мнѣ ляжетъ еще большая отвѣтственность.

— Вы вооружите противъ себя все войско! — говорили мнѣ.

— Я долженъ поступать по совѣсти, не считаясь ни съ кѣмъ. Ни по физическимъ качествамъ, ни по моральнымъ, есаулъ Р. не можетъ командовать сотней.

Есаулъ Р. выпивалъ не въ мѣру.

Его отчислили отъ Школы. Я вооружилъ противъ себя Сибирское войско. Въ это войско теперь я ѣхалъ командовать полкомъ.

Въ ожиданіи приказа я собиралъ свѣдѣнія о полкѣ. Я поѣхалъ въ Главный Штабъ къ дежурному генералу.

Генералъ Кондзеровскій сейчасъ-же меня принялъ.

Меня провели въ громадный высокій кабинетъ въ глубинѣ Главнаго Штаба, и я снова увидѣлъ своего стараго товарища. Онъ нисколько не измѣнился. Та-же наружная холодность, скрывающая внутреннюю сердечную теплоту и доброжелательство и таже внѣшность безпристрастія, за которой сквозитъ дружеское, товарищеское отношеніе.

— Вотъ, какъ мы съ вами встрѣчаемся, — привѣтствовалъ меня Петръ Константиновичъ, — садитесь, прошу.

Я сѣлъ противъ него за его огромный столъ, заваленный бумагами. Нѣкоторое время мы молчали, глядя другъ на друга, какъ будто стараясь угадать, какія перемѣны

внесло въ насъ время и измѣненіе служебнаго положенія.

— Итакъ... Полкъ?.. Командиръ 1-го Сибирскаго, да еще Ермака Тимофеевича полка. Что-же довольны?

Я пожалъ плечами, что означало: — долженъ быть доволенъ.

— Очень трудно было васъ провести. Инспекція очень хотѣла, да вѣдь вы еще не были въ кандидатскомъ спискѣ. Вотъ и пришлось дать вамъ то, отъ чего кандидаты отказались. Стоянка всѣхъ пугала. Граница Китая.

Кондзеровскій опять помолчалъ немного, какъ будто обдумывалъ, говорить ему или нѣтъ. Наконецъ, тихимъ сердечнымъ голосомъ онъ продолжалъ:

— Я долженъ васъ дружески предупредить, Петръ Николаевичъ, — вамъ будетъ очень трудно. Въ полку, куда вы назначены, офицеры возмущены вашимъ назначеніемъ. То есть, конечно, открытаго возмущенія не было — дисциплина тамъ высокая, — но васъ ожидаютъ непріятности... Не лично вами недовольны... Нѣтъ.... Къ вамъ лично, по вашимъ писаніямъ отношеніе хорошее. Но войско возмущено. Въ войскѣ всего три полка и вотъ уже второй разъ двумя полками командуютъ Донцы. Въ войскѣ есть свои отличные штабъ-офицеры.

— Я тутъ не при чемъ, Петръ Константиновичъ, — сказалъ я. — Я не искалъ Сибирскаго полка и никого ни о чемъ не просилъ. Мнѣ хотѣли дать 12-й Донской, потомъ предполагали дать 8-й — оба прошли мимо меня. Получили ихъ люди младшіе меня годами. Я принялъ полкъ по долгу службы и присяги.

— Я это тоже знаю и потому и предупреждаю васъ. Будете гнуть — ибо знаю, что гнуть будете — не переломите. Народъ серьезный. Желаю вамъ всего, всего хорошаго. Не хотите ли теперь же, не выходя изъ штаба, ознакомиться съ личнымъ составомъ полка? Я прикажу вамъ дать всѣ наши свѣдѣнія о полкѣ.

Кондзеровскій позвонилъ и сказалъ вошедшему писарю, чтобы тотъ проводилъ меня къ чиновнику, вѣдающему личнымъ составомъ.

Офицеры, не служившіе въ Главномъ Штабѣ, дальше пріемныхъ никогда не бывали. Главный Штабъ былъ святое святыхъ, недоступное постороннему глазу.

Я съ любопытствомъ проходилъ длинной анфиладой комнатъ, высокихъ и точно серьезныхъ и строгихъ, гдѣ въ полной тишинѣ сидѣли офицеры и писаря, гдѣ на столахъ лежали папки въ синей бумагѣ — «дѣла», а по стѣнамъ висѣли карты.

Писарь ввелъ меня въ угловой просторный и очень высокій кабинетъ, гдѣ и въ лѣтній свѣтлый и жаркій день было полутемно и прохладно. Два громадныхъ окна не могли освѣтить большого покоя. По всѣмъ стѣнамъ его и, отчасти закрывая окна, стояли высокіе шкафы. За тремя столами сидѣли — военный чиновникъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника и два писаря. Писарь подвелъ меня къ чиновнику.

— Вамъ любопытно познакомиться съ вашимъ полкомъ? — любезно сказалъ мнѣ чиновникъ и подошелъ къ высокому шкафу, гдѣ, какъ билеты въ какой нибудь Куковской конторѣ были плотно наставлены тетрадки въ красныхъ, зеленыхъ, синихъ, желтыхъ и иныхъ цвѣтныхъ обложкахъ. Не ища, чиновникъ досталъ маленькую узкую тетрадку въ красной обложкѣ и положилъ ее передо мною. На обложкѣ четкой писарской рукою было написано: — «1-й Сибирскій Казачій Ермака Тимофеева полкъ Сибирскаго казачьяго Войска».

— Вотъ, извольте, пожалуйста... Смотрите сколько угодно. А я вамъ сейчасъ и аттестаціи изъ секретнаго отдѣла достану. Вамъ будетъ, я полагаю ,интересно узнать вашихъ офицеровъ.

Изъ розовой книжки я узналъ, что штабъ полка и 1-ая, 4-ая и 5-ая сотни стоятъ въ городѣ Джаркентѣ, 2-ая и 6-ая въ городѣ Вѣрномъ и 3-я въ урочищѣ Кольджатъ. Узналъ я, что помощниками моими — по хозяйственной части Войсковой Старшина Ефимъ Никитичъ Осиповъ, по строевой М. П. Первушинъ. Осиповъ окончилъ Орен-

бургское казачье училище, Первушинъ — 1-е Военное Павловское и старше меня тремя годами. Сотнями командуютъ... Младшіе офицеры... Казаковъ строевыхъ въ полку... Нестроевыхъ... лошадей... Экономическія суммы въ полку полностью, хозяйственныхъ — 355 рублей.

— Если хотите, можете выписать себѣ, что найдете нужнымъ, — сказалъ чиновникъ и подалъ мнѣ тонко отточенный карандашъ и листъ бумаги.

— А вотъ вамъ и аттестаціи.

Я читалъ аттестаціи и дѣлалъ у себя помѣтки.

«Выдающійся»... «Отличный»... хорошій, хорошій... удовлетворительный... неудовлетворительный... «невозможенъ въ семейной жизни... Запойный пьяница...» и опять — «выдающійся... отличный»...

Вся физіономія полка начинала вставать передо мною въ тиши полутемнаго кабинета.

Часа два просидѣлъ я за выписками, стараясь вспомнить имена и характеристики. Когда я прощался съ чиновникомъ, тотъ сказалъ мнѣ:

— Вы очень удачно принимаете полкъ. Онъ теперь собранъ, а то, годъ тому назадъ, полкъ былъ растянутъ по всей китайской границѣ постами по четыре, по шесть человѣкъ. Естественно, никакого обученія вести нельзя было, ну и внутренній порядокъ хромалъ, а теперь у васъ — до Вѣрнаго всего 325 верстъ, до Кольджата — 111 верстъ, а вотъ во 2-мъ полку тамъ хуже — тамъ одна сотня стоитъ въ Бахтахъ, это, если ѣхать черезъ Китайскіе предѣлы, — добрыхъ пятьсотъ верстъ, а если по своимъ землямъ, вдоль границы и вся тысяча наберется.

Удивленный такими познаніями чиновника, я спросилъ его:

— Вы тамъ сами служили?

— Я пятнадцать лѣтъ изъ этого кабинета не выхожу и службу началъ въ Штабѣ, такъ мнѣ всѣ полки Россійской арміи извѣстны, какъ родные братья.

Въ хозяйственномъ отдѣленіи Офицерской кавалерійской Школы сѣдобородый чиновникъ — дѣлопроизводитель по хозяйственной части — при мнѣ щелкалъ на счетахъ, высчитывалъ поверстный срокъ и прогонныя деньги для меня. Однако — цѣлое путешествіе предстояло мнѣ.

— Ѣхать вамъ на Ташкентъ — говорилъ мнѣ дѣлопроизводитель, — это по желѣзной дорогѣ пять тысячъ верстъ. Поверстный срокъ по желѣзной дорогѣ считается 300 верстъ въ сутки — значитъ семнадцать сутокъ, а проѣдете вы скорыми поѣздами всего около восьми. Въ Ташкентѣ явитесь командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа Генералу отъ Кавалеріи Самсонову. Оттуда вернетесь на станцію Кабулъ-Сай и тамъ уже на почтовыхъ.... 1096 верстъ. Дорога грунтовая, по ней считается 75 верстъ въ сутки — всего 15 сутокъ... Ну, это какъ поѣдете — этого никогда не угадаешь. Разно бываетъ. Такъ вотъ вамъ и выходитъ, что торопиться ни къ чему. Успѣете. Вы, какъ поѣдете? Съ супругой? Съ лошадьми?

Вопросы эти встали теперь передо мною во всей своей остротѣ. Жена моя непремѣнно хотѣла ѣхать со мною, дѣлить всѣ радости и горести кочевой казачьей жизни. Но она была пѣвица и приходилось задуматься — какъ-же ея концерты? Ея слава извѣстной пѣвицы: — Алиса Барби и она?..

«Военный дорожникъ Россійской Имперіи», «Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ», щелканіе фишекъ на счетахъ подъ пальцами сѣдобородаго дѣлопроизводителя погнали тысячи заботныхъ мыслей, воспоминаній и соображеній. Да, — «служба казачья — доля собачья»... Мы были женаты пятнадцать лѣтъ и уже прожили въ разлукѣ больше трехъ лѣтъ.

115

4. Развѣдка

За годъ до Японской войны 1-й Нерчинскій казачій полкъ Забайкальскаго войска, стоявшій въ самой глуши Приморской Области принялъ въ командованіе мой большой другъ Полковникъ Александръ Александровичъ Павловъ, въ прошломъ — Лейбъ Гусаръ.

Онъ блестяще откомандовалъ полкомъ, участвовалъ съ нимъ въ Японской войнѣ, заслужилъ въ полку всеобщую любовь и уваженіе, а теперь былъ генераломъ и командовалъ Л. Гв. Уланскимъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полкомъ.

Александра Александровича я зналъ съ корнетскаго чина. Онъ былъ моимъ учителемъ коннаго спорта. Вмѣстѣ скакали мы въ Красномъ Селѣ на стипль-чезахъ — онъ былъ на первомъ мѣстѣ, я на послѣднемъ, вмѣстѣ скакали въ Михайловскомъ манежѣ, тамъ и у меня не разъ бывало первое мѣсто, вмѣстѣ участвовали на первомъ въ Россіи стоверстномъ пробѣгѣ, гдѣ Павловъ былъ первымъ — я вторымъ. Будучи холостымъ, сколько разъ ночевалъ я у него въ Царскомъ Селѣ, на его квартирѣ-дачѣ.

Умъ свѣтлый и острый, характеръ независимый, часто весьма непріятный, природный военный кавалерійскій талантъ, какое то сверхъ естественное чувство и пониманіе лошади — Павловъ садился на совершенно невыѣзженную лошадь и ѣхалъ на зимнюю парфорсную охоту и лошадь подъ нимъ шла и прыгала занесенныя снѣгомъ канавы, дѣлала то, на чемъ ошибались и выѣзженныя лошади. Точно онъ умѣлъ говорить лошади, внушить ей то, что надо. Его прочили въ Русскіе «Зейдлицы», про него уже тогда ходило много анекдотовъ о его острыхъ словахъ, о его, временами, жестокомъ и непріятномъ характерѣ.

Разсказывали, что въ бытность Павлова командиромъ 1-го Нерчинскаго полка, ближайшимъ начальникомъ его былъ человѣкъ, въ годахъ уже не молодыхъ, наѣздникъ неискусный, по экономическимъ соображеніямъ не державшій собственной лошади, но требовавшій на смотры себѣ подъ сѣдло лошадь отъ того полка, который онъ смотрѣлъ. На смотръ Нерчинскаго полка потребовалъ онъ себѣ такую лошадь. Въ штабной запискѣ, полученной Павловымъ значилось: — «дать подъ сѣдло Его Превосходительства смирную лошадь».

Пошутилъ-ли надъ старикомъ генераломъ А. А. Павловъ и далъ ему не слишкомъ смирную лошадь, показалась-ли старику таковой лошадь, поданная ему, но во время смотра генералъ обратился къ Павлову и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Развѣ у васъ въ полку не нашлось болѣе смирной лошади?

— Есть, ваше превосходительство, — подчеркнуто почтительно отвѣчалъ Павловъ, — деревянная кобыла въ учебной командѣ. Прикажете принести ее?

Павловъ былъ неисправимый холостякъ, всегда занятъ службой, лошадьми, скачками, спортомъ. Странно было его видѣть въ дамскомъ обществѣ. И вдругъ, уже полковникомъ, женился, тихо, неслышно, такъ что многіе его товарищи ничего объ этомъ не знали. Какъ-то одинъ изъ его пріятелей встрѣтилъ Павлова въ вагонѣ трамвая. Рядомъ съ Павловымъ сидѣла молодая, красивая дама.

Павловъ и его пріятель разговорились.

— Да вотъ, — сказалъ Павловъ, — давно мы съ тобой не видались. Представь — женился!

— Да что ты!.. Шутишь!.. Какая же дура за тебя пошла?.

— Позволь тебя познакомить съ этой «дурой», — приподнимаясь и оборачиваясь къ дамѣ, сказалъ Павловъ, — ротмистръ Х. моя жена.

Я зналъ, что никто другой, какъ Павловъ, не дастъ мнѣ искренняго и правдиваго совѣта, основаннаго на личномъ и недавнемъ опытѣ. Я написалъ Александру Алек-

сандровичу и просилъ его дать мнѣ совѣты, какъ командовать полкомъ на далекой окраинѣ. Павловъ пригласилъ меня къ себѣ въ Петергофъ на квартиру завтракать. Послѣ завтрака мы остались вдвоемъ, и я ему чистосердечно повѣдалъ всѣ свои сомнѣнія и колебанія.

— Какъ твоя жена? — спросилъ меня Павловъ.

— Хочетъ непремѣнно ѣхать со мною.

— Это прекрасно. Я иного и не ожидалъ отъ нея. Но ты самъ? Скажи мнѣ совершенно откровенно — ты принимаешь этотъ полкъ, чтобы откомандовать имъ два, три мѣсяца на цензъ, какъ это многіе и дѣлаютъ, чтобы, такъ сказать, имѣть трамплинъ для дальнѣйшаго карьернаго прыжка?

— Ты меня, Александръ Александровичъ, достаточно хорошо знаешь. Я хочу приложить всѣ, всѣ свои силы, знаніе и умѣнье, чтобы такъ командовать полкомъ, какъ ты командовалъ своими Нерчинцами, — отвѣчалъ я.

— Тогда, сказалъ Павловъ, — вези всю свою обстановку и чѣмъ она у тебя роскошнѣе, тѣмъ лучше. Это для того, чтобы никогда и ничѣмъ не подать и вида своимъ господамъ офицерамъ и казакамъ, что ты сидишь на чемоданахъ, командуешь полкомъ изъ номера гостинницы. Какъ хорошо въ данномъ случаѣ, что ты женатъ и что у тебя жена, которую ни дальность, ни глушь не испугаетъ, что она прекрасно ѣздитъ верхомъ и притомъ извѣстная пѣвица — все это тамъ потомъ оцѣнится и поможетъ тебѣ. Устраивайте пріемы, обѣды, перенесите на далекую окраину частицу Петербургскаго міра и Петербургской красоты жизни.

Павловъ помолчалъ немного, потомъ съ силой продолжалъ:

— Вѣдь, кто ты такой, въ глазахъ тѣхъ, кого Государь Императоръ даетъ тебѣ подъ команду? Ты — Петербуржецъ, гвардеецъ — ты — фазанъ! Отношеніе къ тебѣ будетъ настороженно-внимательное. «А не гнушаешься ты нами? Не презираешь ты насъ съ высоты твоего Петербургскаго величія»?.. Вотъ и покажи, что ты совсѣмъ не фазанъ. Тамъ тоже — люди... И какихъ прекрасныхъ офицеровъ ты найдешь на окраинѣ! Вотъ съ мѣста и покажи имъ, что ты совсѣмъ и навсегда съ ними. Что ихъ не чуждаешься, что ты подлинный командиръ, а не гастролеръ, дѣлающій на ихъ шкурѣ свою карьеру.

Совѣты эти мнѣ глубоко запали въ душу и очень понравились.

Я съѣздилъ въ транспортную контору и переговорилъ о перевозкѣ въ Джаркентъ моего имущества. Перевозка обойдется мнѣ немногимъ дешевле, чѣмъ стоятъ и самыя вещи, но вѣдь въ Джаркентѣ такихъ вещей не достанешь? Доставка продолжится три, четыре мѣсяца. Рояль пришлось оставить и вмѣсто него я купилъ хорошее пьянино.

Нашу Петербургскую квартиру наполнили упаковщики и начался разгромъ и разореніе насиженнаго нашего гнѣзда.

Среди офицеровъ ввѣреннаго мнѣ Казачьяго Отдѣла проходилъ курсъ 1-го Сибирскаго полка есаулъ С. Это былъ прекрасный почтенный старикъ, пятидесяти лѣтъ, человѣкъ серьезный и усердный. Переговоривъ съ нимъ, я написалъ письмо полковому адъютанту сотнику Анатолію Павловичу Калачеву и просилъ его, не въ службу, а въ дружбу, подъискать мнѣ квартиру комнатъ на пять, не стѣсняясь цѣною, нанять для меня туземную прислугу — повара, садовника и, если возможно, горничную, — русскую или туземку. Подготовить намъ и садъ.

Въ бытность мою съ женой во Владивостокѣ, пришлось намъ какъ то обѣдать у довѣреннаго фирмы Кунстъ и Альбертсъ. За обѣдомъ неслышно служили и подавали блюда рослые китайцы, одинаково одѣтые въ шелковыя синія курмы и юбки. Такъ это было красиво! Такую же прекрасно вымуштрованную китайскую прислугу видали мы и въ Пекинѣ у нашего посланника Лессара; видѣлъ я и слугъ японцевъ у нашего военнаго агента въ Токіо, полковника Генеральнаго Штаба Ванновскаго. И мнѣ казалось, что въ Джаркентѣ, Китайскомъ Туркестанѣ, можно будетъ подыскать такую же.

Я говорилъ объ этомъ есаулу С. Тотъ молча качалъ головою. Онъ не возражалъ, но и не утверждалъ, что это такъ и будетъ.

Моя жена, великая мастерица въ самой невѣроятной обстановкѣ казарменной квартиры, чухонской кишты прикрасносельской деревушки устроить вполнѣ элегантный «home», примиряясь съ мыслью ѣхать въ пустыни Центральной Азіи, мечтала устроить нашъ домъ, какъ она видала на Востокѣ, устроить садъ и насадить красивые цвѣты.

Джаркентъ!..

Была восточная, знойная музыка въ самомъ словѣ... Центральная Азія — Китайскій Туркестанъ!.. Индія недалеко!., Мерещились сады тропической красоты и роскоши, туземные слуги въ бѣломъ, богатая растительность, жаркій, можетъ быть, слишкомъ жаркій климатъ — и вся красота громадныхъ снѣговыхъ горъ и богатой природы оазисовъ.

Есаулъ С., которому мы все это разсказывали — ничего не опровергалъ, но и не подтверждалъ. Онъ загадочно улыбался и мягкимъ, стариковскимъ голосомъ говорилъ:

— Да, вотъ, пріѣдете, такъ тамъ и увидите... Садъ, это, конечно, можно... Розы замѣчательныя въ Джаркентѣ. Фрукты, такихъ вы въ Петербургѣ и не видали. Да, можетъ быть, все это и можно... Не знаю, не знаю, какъ это все у васъ выйдетъ.

Онъ просто не вѣрилъ, что мы въ серьезъ собираемся жить по настоящему въ Джаркентѣ. Мы для него были другіе люди, чѣмъ они и мы не могли жить тамъ, гдѣ жили — они — Сибиряки.

5. Въ путь дорогу!

23-го іюня состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи меня командиромъ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка.

Въ ночь, послѣдовавшую за этимъ большимъ и показавшимся мнѣ безконечно долгимъ днемъ — я не спалъ ни одной минуты.

Охватившее меня чувство было очень похоже на то, что я испытывалъ при производствѣ въ офицеры. Новая жизнь начиналась. Но тогда, при производствѣ, я былъ на двадцать два года моложе, и сердце много легче переживало и усваивало сложную гамму впечатлѣній крутого поворота жизни.

Полкъ — это уже совершенно самостоятельная работа. Будучи Начальникомъ Казачьяго Отдѣла Школы, я пользовался правами командира полка, но жилъ то я по Школьному приказу и по школьному росписанію занятій. Теперь я самъ буду отдавать приказъ и составлять росписаніе, теперь я поведу занятія такъ, какъ я это найду нужнымъ. Поведу такъ, какъ насъ этому училъ на Военномъ полѣ нашъ бывшій Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи, Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ по его указу учила меня Школа. Вотъ стоитъ скульпторъ передъ безформеннымъ кускомъ глины — сейчасъ его сильные пальцы начнутъ лѣпить то, что онъ задумалъ, что давно выносилъ въ сердцѣ своемъ. Его думы, его грезы и мечты претворятся въ живой образъ.

За двадцать два года службы въ офицерскихъ чинахъ я много — и какихъ! — полковъ перевидалъ — и въ мирной обстановкѣ и на войнѣ. Я былъ не новичокъ. Я зналъ, чего хотѣлъ. Я прошелъ Великокняжескую Школу!

Хотѣлось прибыть къ полку до прихода молодыхъ казаковъ, чтобы установить правильный ритмъ занятій и начать лѣпить свой полкъ.

Скорѣе?

Жизнь говорила — «не торопись, успѣешь!»

Оставались обязанности въ Школѣ. Мои офицеры только что и — слава Богу — блестяще, сдали смотръ. Восемь человѣкъ изъ нихъ по ихъ личнымъ просьбамъ получили разрѣшеніе участвовать въ парфорсныхъ охотахъ въ Поставахъ — первый разъ за все время существованія школьныхъ охотъ, казаки ѣхали въ Поставы. Надо было подобрать имъ лошадей и приготовить ихъ тренировкой. Надо было дождаться представленія офицеровъ Перемѣннаго Состава Государю Императору и еще «явиться» всему Петербургскому начальству.

Наша жизнь шла на два дома. Въ Петербургѣ кончали укладку мебели и разборку квартиры. Часть вещей оставалась и распредѣлялась по родственникамъ, жившимъ въ Петербургѣ, часть отправлялась въ Джаркентъ, часть раздаривалась въ самой Школѣ. Наше гнѣздо, гдѣ мы такъ счастливо прожили три года, было разорено. Оставались голыя стѣны.

Постоянный Составъ Школы по обычаю устроилъ глубоко тронувшія меня проводы. Офицеры поднесли мнѣ прекрасный, Хлѣбниковской работы, тяжелый, литой изъ серебра, приборъ на 36 человѣкъ — ложки, ножи, вилки, дессертный приборъ — все въ красивой рѣзьбѣ и съ моими инициалами.

— Чтобы ты могъ принимать у себя всѣхъ офицеровъ полка и на пріемахъ вспоминалъ насъ, — сказалъ мнѣ, передавая тяжелый дубовый ящикъ, Школьный адъютантъ, ротмистръ баронъ Таубе.

Послѣ ужина кто-то сбѣгалъ въ лежавшую рядомъ со Школой деревушку Вилози, гдѣ на дачѣ жила моя жена — предупредить ее, что весь Постоянный Составъ Школы идетъ къ ней пожелать ей счастливаго пути. Въ двѣнадцатомъ часу ночи — съ хоромъ трубачей во главѣ, всѣ пошли на нашу маленькую дачу. Ея стеклянный балконъ и гостиная наполнились красивыми черными венгерками съ золотыми жгутами. Говорились хорошія ,сердечныя слова, пожеланія счастливой службы. И не столько насъ поздравляли, сколько жалѣли, что вотъ, молъ, ѣдемъ чортъ знаетъ куда, на край свѣта, куда «Макаръ телятъ не гонялъ», куда «воронъ костей не заносилъ»...

Хорошія, безъ тѣни ревности и зависти, въ Школѣ были отношенія между офицерами. Дружной крѣпкой семьей жилъ съ Генераломъ Химецомъ Постоянный Составъ.

Играли трубачи. Моя жена подала гостямъ кофе. Шампанское искрилось въ хрустальныхъ собранскихъ бокалахъ. Блѣдный Петербургскій разсвѣтъ освѣщалъ дорогія мнѣ лица друзей. Надъ Дудергофскимъ озеромъ низкій лежалъ туманъ...

Черезъ два дня мы уѣхали. Чтобы выгадать время пока придутъ лошади и кое какія вещи, посланныя съ ними, я къ поверстному сроку взялъ еще двадцати-восьми дневный отпускъ и поѣхалъ съ женою въ Кисловодскъ.

Время отпуска прошло, какъ въ какомъ-то колдовскомъ, несказанно прекрасномъ снѣ. Было много Петербургскихъ и Павловскихъ знакомыхъ и друзей, устраивались пикники — поѣздки къ Лермонтовскому гроту, къ скалѣ Тамары, ходили пѣшкомъ то къ краснымъ, то къ синимъ камнямъ, слушали музыку въ курзалѣ, ѣли шашлыкъ и пили кахетинское вино въ Кавказскомъ духанѣ подлѣ парка — это былъ послѣдній, яркій отблескъ Европейской жизни.

Черезъ Петровскъ и Дербентъ проѣхали мы въ Баку и въ день пріѣзда, въ 11 часовъ вечера на Меркурьевскомъ пароходѣ отплыли въ Красноводскъ.

Ночь была свѣтлая. Парчевая дорога луннаго блистанія залегла по морю. Каспійское море было тихое, какъ уснувшее озеро. Я долго сидѣлъ на палубѣ, любуясь моремъ, прощаясь съ Европой.

Рано утромъ пришли въ Красноводскъ. Низкая, бѣлая постройка станціи, за нею такой-же низкій, плоскій и тоже бѣлый городъ. Впрочемъ, можетъ быть, все это только казалось низкимъ и плоскимъ на фонѣ песчаной ровной пустыни.

Вставало солнце. Голубые миражи играли въ золотистой, прозрачной, дрожащей дали. У самой станціи, у высыхающей, блестящей солонцами лужи бродили розовыя цапли —

фламинго. И эти фламинго, и нѣсколько туземцевъ въ бѣлыхъ халатахъ и чалмахъ, стоявшихъ на колѣняхъ на коврикахъ, и дрожащіе миражи пустыни — все говорило — мы въ Азіи.

Небольшой составомъ поѣздъ изъ громадныхъ Пульмановскихъ вагоновъ бѣлымъ видѣніемъ стоялъ въ розовѣющихъ на солнцѣ пескахъ пустыни. Въ вагонахъ тотъ полный Русскій комфортъ, котораго не знаетъ заграница.

Поѣздъ очень скоро отошелъ. Я не успѣлъ оглядѣться въ Красноводскѣ, полюбоваться, какъ слѣдуетъ, синимъ Хвалынскимъ моремъ, мирно дремавшимъ въ плоскихъ берегахъ, какъ уже поплыли мимо — лужа съ фламинго, постройки станціи и показались пески и бурханы.

Колеса вагона то пѣли какіе-то торжественные марши, то отстукивали на стыкахъ рельсовъ, когда приближались къ станціямъ. Кругомъ была пустыня. Мелькнетъ иногда вдали селеніе — бѣлыя постройки, бѣлыя стѣны вокругъ нихъ, чахлая пыльная растительность. Очень рѣдки были станціи и такъ много говорили мнѣ ихъ названія. Путь Кауфмана, Скобелева, Анненкова. Вспоминались прекрасные романы забытаго и мало оцѣненнаго у насъ писателя Н. Н. Каразина, картины художника В. В. Верещагина.

Мервь... Геокъ-Тепе... Самаркандъ.

Какъ будто стояла передъ моими глазами изумительная по лѣпкѣ картина Верещагина — Самаркандская мечеть, гдѣ на полотнѣ чувствовался солнечный зной и яркость бѣлизны и красота рѣзьбы. Бѣлые дома, безъ оконъ на улицу, мечети, башни минаретовъ, стѣны съ зубцами, толстыя ворота и солнце!.. Солнце!.. Оно слѣпило, одуряло, волновало, чаровало.

Въ вагонъ-ресторанѣ на дессертъ подали желтыя съ зелеными пятнами Бухарскія дыни съ бѣлымъ нѣжнымъ сладкимъ и ароматнымъ мясомъ, персики, груши и виноградъ. Бѣдна показалась Европа съ ея плодами передъ этою роскошью фруктовъ Азіи.

На пятый день пути мы приближались къ Ташкенту. Рано утромъ я подошелъ къ окну. Пустыня кончилась. Поѣздъ шелъ по широкой долинѣ между лиловѣющихъ вдали причудливыхъ, точно прозрачныхъ горъ. Солнце еще не вставало. Въ ровномъ утреннемъ свѣтѣ, по обѣ стороны пути, въ низинѣ, были безконечные, до самыхъ горъ, красивые сады. Канавы-арыки, обсаженныя кустами и высокими, стройными, такими громадными, какихъ я не видалъ въ Европѣ, пирамидальными тополями — раинами раздѣляли эти сады на правильные ровные прямоугольники. Въ однихъ — высокими бесѣдками — кустами, по Азіатской манерѣ, были подняты и заплетены большія, тѣнистыя виноградныя лозы, въ другихъ стояли персиковыя и грушевыя деревья, яблони, сливы, рейнклоды, всѣ въ плодахъ, въ третьихъ низко по землѣ стлались арбузы и дыни и ихъ плоды выглядывали изъ нѣжной узорчатой зелени длинныхъ плетей. Шла уборка фруктовъ. Навьюченные корзинами ослы, посѣдланныя лошади надсмотрщиковъ, тяжелыя арбы, запряженныя волами — стояли по узкимъ дорогамъ. Полуголые люди съ бронзовыми торсами собирали виноградъ и фрукты.

Бѣлая оконная занавѣска трепетала на вѣтру, извнѣ тянуло свѣжестью утра и прянымъ ароматомъ зрѣющихъ дынь, краснаго перца, персиковъ, грушъ и яблоковъ.

Индія?.. Красивѣе Индіи!

Стая бѣлыхъ голубей вспорхнула у самаго поѣзда и полетѣла, трепеща серебряными крыльями въ голубомъ небѣ.

Солнце всходило.

Поѣздъ замедлилъ свой бѣгъ. Мы подходили къ Ташкенту. Кругомъ все были тѣ-же сказочные сады, та-же восточная прелесть безчисленнаго множества фруктовъ.

6. Ташкентъ

Въ Ташкентѣ — широкія бѣлесоватыя, пыльныя улицы - шоссе, залитыя золотомъ утренняго свѣта, аллеи тополей, карагачей и акацій вдоль журчащихъ арыковъ, сады и одноэтажные дома. Бѣлый трамвай спѣшитъ куда-то, позванивая. Извощики — «фаэтоны», какъ въ Крыму, въ Одессѣ, на Кавказѣ, съ бѣлымъ полотнянымъ тентомъ, плоско натянутымъ надъ головою сѣдока. Русскіе носильщики съ бѣлыми фартуками съ бляхами и носильщики сарты смуглые съ черными ласковыми глазами.

Мы поѣхали въ гостинницу.

Длинное, бѣлое — здѣсь тоже все было бѣлое, ровное и плоское, какъ и въ Красноводскѣ, какъ повсюду въ Туркестанѣ, одноэтажное зданіе съ высокими большими окнами было чисто и привлекательно. Вдоль гостинницы, весело журча, бѣжалъ арыкъ. Въ окна глядѣлись зеленые тополя.

Въ просторномъ номерѣ постели подъ «мустикерами», паркетные полы, довольно чисто. Мелкая, всюду проникающая лессовая пыль лежитъ на стеклахъ и на подоконникѣ и... яркое солнце.

Переодѣвшись въ парадную форму я поѣхалъ «являться».

Главнокомандующимъ войсками Туркестанскаго Военнаго Округа былъ Генералъ Александръ Васильевичъ Самсоновъ. Четыре года тому назадъ онъ былъ Наказнымъ Атаманомъ Войска Донского и я по его порученію и подъ непосредственнымъ руководствомъ писалъ популярную исторію Донского войска: — «Картины былого Тихаго Дона». Я жилъ тогда въ Новочеркасскѣ и почти каждый день бывалъ у Атамана, то одинъ, то съ женой. Генералъ Самсоновъ и его жена были людьми неотразимо обаятельными, ласковыми, доброжелательными, умными и просвѣщеными. Съ ними легко было общаться и пріятно работать. И потому я ѣхалъ къ Самсонову смѣло, не сомнѣваясь въ ласковомъ пріемѣ.

И не ошибся.

Грозный Правитель Средне-Азіатскаго Государства принялъ меня радушно и ласково. Онъ подтвердилъ мнѣ слова генерала Кондзеровскаго о недовольствѣ Сибирскихъ казаковъ назначеніемъ Донца на постъ командира полка.

— Не безпокойтесь, — сказалъ мнѣ Самсоновъ, — я хорошо знаю Сибиряковъ по японской войнѣ, да вѣдь и вы были тогда у меня подъ Кайджоо. Это прекрасный, очень лойяльный и честный народъ. Тамъ будутъ у васъ большія возможности развернуться и работать. Пишите мнѣ обо всѣхъ вашихъ нуждахъ и по командѣ, а если что нибудь будетъ у васъ личное — пишите мнѣ прямо, какъ вашему старому Атаману и другу. Я вамъ повѣрю.

«Вотъ и опять», — подумалъ я, — «есть у меня этотъ спасительный «тетенькинъ хвостикъ», есть опора». — Легче стало думать объ ожидающемъ меня трудѣ... и о возможныхъ непріятностяхъ.

Когда я уходилъ, въ пріемной, адъютантъ Самсонова, Донской офицеръ, есаулъ Быкадоровъ, котораго я зналъ хорошо по Новочеркасску, далъ мнѣ адресъ Начальника Штаба и Опальнаго Великаго Князя, сказавъ:

— Непремѣнно заѣзжайте и распишитесь и у Князя Искандера. Это такъ у насъ принято дѣлать. Кромѣ того, Главнокомандующій приказалъ показать вамъ нашу гордость Ташкентскій кадетскій корпусъ, рынки и базары. Завтра въ десять часовъ утра за вами заѣдетъ здѣшній полиціймейстеръ, очень обязательный человѣкъ, вы съ нимъ и поѣдете.

Вечеромъ мы сидѣли съ женой у окна, мимо проходили туземцы и часто проѣзжали верховые. Я подмѣтилъ три основныхъ типа здѣшней лошади. Проѣзжали туркмены на нарядныхъ рослыхъ — 3-4 вершка — жеребцахъ съ сухими головами на длинной и тонкой шеѣ, напоминавшихъ своими благородными формами чистокровныхъ англій-

скихъ лошадей. Вымаханныя и вытренированныя поколѣніями въ далекихъ на сотни верстъ по пустынямъ набѣгахъ — аламанахъ — туркменскія лошади естественно создавались совершенно такъ, какъ искусственно, скачками, создавалась англійская лошадь. Онѣ въ этихъ аламанахъ выработали могучее сердце, развили грудную клѣтку и получили рѣзвость и силу. На скачкахъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и въ Британской Индіи не разъ туркменская лошадь опережала англійскую чистокровную.

Мелкой тропотой проѣзжали сарты. Эти сидѣли на безвершковыхъ, нарядныхъ, широкогрудыхъ лошадяхъ, отдаленно напоминавшихъ кабардинцевъ. Наконецъ, попадались въ этой чередѣ всадниковъ и киргизы на своихъ небольшихъ головастыхъ лошадяхъ.

Электрическіе фонари загорѣлись по городу, стало люднѣе, фантастичнѣе, красивѣе, чѣмъ-то напоминалъ городъ Севастополь и Одессу. Только не было запаха моря и его вѣчнаго біенія волнъ.

На другой день я былъ въ корпусѣ, высокомъ красивомъ многоэтажномъ зданіи, окруженномъ тѣнистымъ садомъ. Я видѣлъ кадетъ въ бѣлыхъ рубашкахъ съ погонами, видѣлъ все то, что было въ каждомъ кадетскомъ корпусѣ. Громадныя залы съ паркетными навощенными полами, съ большими портретами Государей, съ картинами военной жизни, видѣлъ свѣтлые классы съ чистыми ясеневыми партами, веселыя лица дѣтей и серьезныя воспитателей. На дворѣ раздавался барабанный бой, горнистъ сигналомъ обрывалъ часы уроковъ. Россія прочно несла свою культуру въ далекіе Азіатскіе предѣлы. Россія знала, что дѣлала и шла по вѣкамъ, отъ Петра Великаго и Анны Іоанновны проторенному пути.

Потомъ были мы и на рынкѣ, крытомъ, какъ въ Константинополѣ. Бродили въ тѣсной туземной толпѣ, любовались пестрыми коврами, вышивками, шелковыми издѣліями, мѣдными мангалами и кунганами, издѣліями изъ бирюзы, соломенными циновками и всякимъ другимъ восточнымъ товаромъ. Насъ оглушали крики торговцевъ, какой-то старикъ пѣлъ, аккомпанируя себѣ на подобіи мандолины съ очень длинной шейкой, кричали ослы, ревѣли волы. Пахло ванилью и ладаномъ, воняло подгорѣлымъ бараньимъ жиромъ — былъ востокъ, была Азія.

На фруктовомъ базарѣ поражало обиліе фруктовъ и разнообразіе сортовъ винограда. На лоткѣ величиной три квадратныхъ сажени, подъ парусиновымъ тентомъ, лежалъ мельчайшій, сладкій, янтарный кишмишъ, изъ котораго дѣлаютъ изюмъ, такой же мелкій черный для коринки, а рядомъ — были громадныя, почти въ аршинъ грозди черного съ сизымъ отливомъ «бычьяго глаза», гдѣ ягоды были величиною со сливу. Длинные блѣдно-зеленые «дамскіе пальчики» и золотистая «шассла», зеленый мускатъ и мускатъ золотистый, почти черная съ бѣлесымъ налетомъ «Изабелла», чего тутъ не было! Были ягоды съ мелкую ружейную картечь и были съ фунтовое ядро. Были почти бѣлыя — и черныя, были всѣхъ оттѣнковъ зеленаго цвѣта и всѣхъ оттѣнковъ золотисто-желтаго. Нигдѣ, ни на Кавказѣ, ни въ Крыму, я не видалъ такого богатства сортовъ и красоты винограда. И такое же было обиліе персиковъ, грушъ, яблокъ и сливъ. Одни персики были блѣдно-желтые, продолговатые, какъ лимонъ съ такими же выступами на концахъ, какъ у лимона и такіе нѣжные, что ихъ нельзя было трогать пальцами — оставался тающій слѣдъ, и были громадные, румяные, жесткіе для консервовъ и компота, были персики съ черной, гладкой, какъ у сливы кожей, я ихъ и принялъ сначала за сливы — персики «арапки» и были почти бѣлые съ золотистымъ отливомъ.

А груши! Какіе сорта, какая величина, какая нѣжность и ароматъ! Яблоки... Десятки сортовъ дынь разной величины и самой причудливой окраски.

Какъ гордился я, проходя этимъ базаромъ. Гордился быть Русскимъ. Толчокъ всему этому дала Россія. Пройдетъ еще немного времени — ускорятъ свой бѣгъ поѣзда, полетятъ самолеты — и это обиліе станетъ достояніемъ всей Россіи. Сейчасъ

для большинства, и самыхъ лучшихъ и нѣжныхъ сортовъ, перевозка невозможна.

Три дня прожили мы въ шумномъ и людномъ Ташкентѣ, на четвертый, поздно ночью, выѣхали обратно на станцію Кабулъ-Сай, откуда шелъ почтовый трактъ на Пишпекъ, Семипалатинскъ, на Вѣрный и Джаркентъ.

7. Почтовая станція

Раннимъ утромъ бѣлый скорый поѣздъ Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги остановился на двѣ минуты на маленькой станціи Кабулъ-Сай, затерянной въ пустынѣ. Онъ выбросилъ на песчаный перронъ полковника въ сѣромъ пальто и даму въ легкой дорожной накидкѣ и соломенной шляпѣ, оставилъ нѣсколько чемодановъ и пакетовъ и умчался дальше въ Европу, въ «Россію».

Еще нѣсколько минутъ гудѣли, точно пѣли прощальную пѣсню рельсы — потомъ наступила нѣмая, мертвая, томящая тишина пустыни.

Путь шелъ въ выемкѣ между невысокими песчаными холмами. Надъ головою — высокое, бездонное, голубое небо безъ единаго облака. У станціи двѣ полузасохшихъ акаціи. Въ бѣлой постройкѣ сонное царство. Даже телеграфъ не стучитъ. Покой... дремота... сонъ... Пустыня...

Отъ станціи, поднимаясь на холмъ, идетъ пыльная дорога. На холмѣ бѣлая низкая постройка, бѣлый глиняный заборъ, невысокіе сараи, двѣ киргизскія юрты. Постройка казеннаго типа съ низкимъ крыльцомъ, съ высокими прямоугольными пыльными окнами.

Мы пошли къ ней. У крыльца полосатый столбъ, черный съ бѣлыми и оранжевыми полосами, на столбѣ доска — по бѣлому полю нарисованъ черный Государственный гербъ, ниже надпись: — «почтовая станція Кабулъ-Сай... Лошадей... До Ташкента — верстъ... До Чимкента... До Вѣрнаго...» Подлѣ фонарь, въ немъ догораетъ керосиновая лампа-коптилка.

Мы поднялись на крыльцо и открыли высокую дверь. За нею просторныя сѣни, направо помѣщеніе смотрителя, налѣво — «комната для проѣзжающихъ». Нигдѣ — ни души. Въ комнатѣ для проѣзжающихъ три большихъ кожаныхъ черныхъ дивана, большой черный столъ, на немъ подносъ, графинъ со ржавой водой и два стакана. Въ углу столъ поменьше, на немъ припечатанная къ нему на веревкѣ «жалобная книга», чернильница и перо. Высокія окна на двѣ стороны — на пустыню и на дворъ затянуты мутнымъ слоемъ пыли. И... мухи!.. Все черно отъ нихъ! Когда мы вошли и потревожили ихъ — комната наполнилась тихимъ и мѣрнымъ жужжаніемъ. На большомъ столѣ валялась оборванная книга безъ начала, безъ конца — романъ. Приложеніе къ газетѣ «Свѣтъ».

Я пошелъ на развѣдку. На дворѣ, подъ навѣсомъ стояло около двадцати мелкихъ лошадей. Старый смотритель въ длинномъ черномъ сюртукѣ шелъ по двору.

— Я ѣду въ Джаркентъ, по казенной надобности. Мнѣ нужно лошадей, — сказалъ я.

— Вижу, — сквозь очки вглядываясь въ меня, сказалъ смотритель. — Очень даже это все понимаю. Подорожная у васъ есть?

Я подалъ выданную мнѣ въ Школьной канцеляріи вмѣстѣ съ предписаніемъ подорожную, которая обязывала смотрителей безотлагательно давать мнѣ лошадей и оказывать мнѣ всяческое содѣйствіе при моемъ проѣздѣ. Подорожная была на три лошади.

Смотритель просмотрѣлъ подорожную и спросилъ:

— Вы какъ платить будете?

Я не понялъ его.

— То есть — какъ? По таксѣ.

— Тутъ у насъ такъ заведено, чтобы давать проѣзжающему трехъ лошадей, а тому платить за двухъ. Такой обычай.

— Я платить буду за трехъ.

— Какъ угодно-съ... Можете и за двухъ... Мы не въ претензіи.

Смотритель, однако, смягчился.

— Вы какъ поѣдете? — спросилъ онъ. — Экипажъ у васъ свой будетъ, или отъ почто-держателя?

— У меня своего экипажа нѣтъ.

— Неладно, пожалуй, это будетъ... А съ барыней и вовсе въ телѣгѣ тяжело.

Мы проходили по двору. Подъ навѣсомъ и прямо на дворѣ стояли телѣги съ поднятыми кверху оглоблями, съ тяжелыми грубыми, желѣзомъ окованными колесами. Нѣсколько въ сторонѣ стояла коляска.

— Эта коляска ваша?.. — спросилъ я смотрителя.

— Наша.

— Могу я нанять эту коляску до Джаркента?

— До Джаркента дать не могу. А если заплатите за нее особо, могу дать на свои пять становъ. Коляска хорошая, генералъ-губернатора въ такой коляскѣ возить. Очень вамъ въ ней будетъ даже удобно.

— Почему-же не можете отпустить ее до Джаркента?

— Первое — потому что не выдержитъ, поломается... Второе — тамъ дальше другой хозяинъ будетъ — ворочать будетъ не ладно.

По всему Туркестану, по Семирѣчью, по всей Сибири, по всей необъятной Россіи, широкой сѣтью раскинута казенная почтовая гоньба. Эта почта сдается съ торговъ по участкамъ вольнымъ предпринимателямъ. Кто беретъ себѣ нѣсколько перегоновъ — такъ Кабулъ-Сайскій хозяинъ держалъ почту на два перегона дальше Чимкента, кто беретъ и только одну станцію, кто двѣ, три. Каждый хозяинъ сообразно съ числомъ станцій держитъ опредѣленное положеніемъ число лошадей, почтовыхъ телѣгъ и ямщиковъ. Разстояніе между станціями около двадцати верстъ. Но, конечно, есть перегоны и больше, есть и меньше. На пути, который я проѣхалъ, самый большой перегонъ былъ 35 верстъ, самый малый всего восемь. Въ сухое время года двадцати верстный перегонъ дѣлаютъ обыкновенно въ одинъ часъ. На каждомъ перегонѣ перепрягаютъ лошадей, а при перемѣнѣ хозяина мѣняютъ и телѣги, почта перекладывается въ повозки новаго хозяина, отчего и ѣзда носитъ названіе «на перекладныхъ». Тамъ, гдѣ мѣняютъ только лошадей — задержка очень маленькая — 5-10 минутъ, здѣсь перепрягаютъ быстро и — «Айда, пошелъ!». Тамъ, гдѣ приходится мѣнять телѣги, тамъ почта задерживается на полчаса и больше, пока не перебросятъ всѣ тяжелые почтовые баулы.

Вмѣстѣ со смотрителемъ прошелъ я въ помѣщеніе станціи, росписался въ книгѣ для проѣзжающихъ, внесъ прогонныя деньги, получилъ квитанцію, казалось бы — запрягать и ѣхать. Но смотритель и не думалъ посылать на желѣзно-дорожную станцію за нашими вещами, приказывать запрягать коляску. Онъ пошелъ «на день глядя» укладываться спать.

Я пошелъ къ нему. Онъ уже лежалъ на грязномъ диванѣ.

— Когда же вы дадите мнѣ лошадей? — спросилъ я.

— Когда будутъ — тогда и дамъ. Нѣтъ сейчасъ лошадей.

— Какъ нѣтъ? Я самъ видѣлъ семь троекъ у васъ стоитъ.

— Это для почты и я ихъ никому не могу дать. Хоть самъ губернаторъ проси — и ему не могу отпустить. Вотъ придетъ почта изъ Ташкента, тогда поглядимъ на сколькихъ тройкахъ, если останутся лошади — ну тогда и подамъ. А нѣтъ — придется вамъ обождать.

— Сколько же ждать?

— А это уже разно бываетъ. И сутки ждутъ и по недѣлямъ ожидаютъ. Да это вамъ лучше еще. Не набѣжитъ ли еще попутчикъ какой, вотъ вмѣстѣ и поѣдете и вамъ дешевле будетъ, полцѣны заплатите.

— Мнѣ попутчика не нужно. Когда-же придетъ почта?

— Кто ее знаетъ. Ждемъ сегодня, а придетъ, нѣтъ-ли — одному Господу извѣстно.

Разговоры были безполезны. Тутъ жить не торопились. Надо было вооружиться терпѣніемъ.

— Ну, а поѣсть у васъ можно будетъ что нибудь?

— Буфетовъ или ресторантовъ мы не держимъ, однако, поговорите со стряпухой, можетъ быть, она вамъ чего и изготовитъ.

Стряпуха, полная, пожилая Русская женщина очень охотно согласилась за 20 копѣекъ приготовить куриный супъ и подать и курицу съ рисомъ, а за сорокъ копѣекъ добавляла къ этому еще и чай съ баранками.

Около полудня мы обѣдали. Не Богъ вѣсть, какъ чисто было все подано. Миска, тарелки, ложки, ножи и вилки — все носило на себѣ слѣды тонкой лессовой пыли. Но все было вкусно и горячо подано. Мутный самоваръ пѣлъ заунывныя пѣсни, баранки были, какъ изъ камня, сахарница сейчасъ-же покрылась черною сѣтью мухъ.

Мы вспоминали нашихъ отцовъ и дѣдовъ, ихъ медлительную жизнь, поѣздки на долгихъ, тарантасы. Вся поэзія прошлаго — по вѣсти Пушкина и Сологуба вспоминались намъ. Кругомъ были тишина и безлюдье. Ни одинъ поѣздъ не прошелъ по пути, никто не пріѣхалъ, никто не пришелъ. Жужжали мухи, чуть подувалъ знойный вѣтерокъ за окномъ, подымалъ пыль, закручивалъ ее смерчами и снова укладывалъ, ровнымъ бѣлесымъ пластомъ стирая слѣды колесъ.

Командиръ лихихъ Ермаковцевъ и его жена — извѣстная пѣвица, сидѣли на кожаныхъ диванахъ, читали романъ безъ начала и конца и сознавали, что тутъ жизнь остановилась и не «летитъ быстро-летное время».

Время не летѣло, но все таки шло. Тѣни отъ станціоннаго дома и отъ фонарнаго столба стали длиннѣе и синѣе. Румяное солнце, окончивъ свой дозоръ, опускалось къ невысокимъ холмамъ. Ночь приближалась.

Взошла луна. Все стало призрачнымъ, фантастическимъ ,неземнымъ. Горы заискрились серебряными зубцами, парчевый туманъ закрылъ долину. Одинокимъ желтымъ пятномъ свѣтился фонарь на желѣзно-дорожной станціи.

Мы пошли гулять. Въ лунной дымкѣ вилась дорога. Необъятная даль разстилалась передъ нами. У кн. Голицына-Муравлина въ его «Даль зоветъ» есть выраженіе — «звенящая даль». Именно — точно звенѣло что то вдали, будто звало къ себѣ. Кругомъ была пустыня, — ни куста, ни дерева, ни дорожнаго чертополоха, ни травки. Песокъ, камни и голыя далекія горы.

Моя жена шла и пѣла романсъ Гречанинова:

... — «Степью иду я унылою,
Нѣтъ ни цвѣточка на ней,
Деревца нѣту зеленаго,
Гдѣ-бы могъ спѣть соловей».

Вернувшись на станцію, мы снова пили чай и грызли отъ скуки каменныя баранки.

Часовъ около одиннадцати ночи я вышелъ на крыльцо. Было томительно тихо. Вдругъ вдали народился смутный волнующій шумъ. Онъ быстро приближался. Звенѣли колокольцы, бормотали бубенцы, слышался быстрый топотъ многихъ скачущихъ лошадей и грохотъ колесъ.

Смотритель вышелъ со станціи. Въ облакахъ пыли, въ лунномъ блистаніи показались силуэты несущихся троекъ.

Еще издали крикнулъ смотритель:

— На сколькихъ?

Изъ серебряныхъ облаковъ бравый голосъ отвѣтилъ:

— На ша-сти!.

— Ну вотъ, — обратился ко мнѣ смотритель — ваше счастье, почту снаряжу и вамъ подавать буду.

Сонная станція ожила. Откуда-то, точно изъ подъ земли, появились киргизы конюха. Они выкатывали со двора телѣги, вели лошадей, тащили тяжелыя дуги. Быстро, со звономъ, подлетѣли тройки. Съ нихъ на ходу соскакивали почтальоны въ черныхъ

азямахъ, съ шашками на боку. Они вбѣгали на станцію, усаживались въ комнатѣ смотрителя и пили блѣдный, горячій чай. Тѣмъ временемъ киргизы ямщики безцеремонно перебрасывали громадные тяжелые кожаные баулы, застегнутые металлическими застежками съ замками съ однихъ телѣгъ на другія. Баулы съ трескомъ падали на дно телѣгъ и гора ихъ росла все выше и выше. Лошади звенѣли колокольцами, передъ ними стояли киргизы-ямщики, сдерживая ихъ. Все это въ лунномъ свѣтѣ казалось дикимъ и фантастическимъ.

— Готовы, что-ль? — крикнулъ съ крыльца смотритель.

— Готовы, — отвѣтили отъ троекъ.

— Пошелъ! — крикнулъ смотритель.

Дрогнули и залились «малиновымъ звономъ» бубенцы, отпрянули въ сторону киргизы, тройки сорвались и, какъ бѣшеныя, понеслись, покатились, исчезая во мглѣ.

Смотритель постоялъ на дорогѣ, прислушиваясь, какъ затихало вдали бормотаніе бубенцовъ.

— Ну, — сказалъ онъ, — теперь и за вами чередъ.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи мы выѣхали со станціи и такъ-же, какъ почта растворились въ лунномъ сумракѣ пустыни.

8. На перекладныхъ

Если хочешь ѣхать на почтовыхъ быстро — ѣдешь не тогда, когда хочешь, а тогда, когда можешь. Есть лошади ночью — ѣдешь ночью, нѣтъ днемъ лошадей — коротаешь скучные дни то съ книгой, то съ случайными проѣзжими.

Дорога не радуетъ взора. Пустыня. Справа, вдали сѣровато- розовыя, безлѣсныя голыя горы. Вѣроятно земля въ дни мірозданія была такой. Вспоминались повѣсти Эдгара Поэ. Что-то нездѣшнее, потустороннее таилось въ пустынѣ. Оазисы были рѣдки. Проѣхавъ 79 верстъ за ночь, утромъ оказались въ крѣпости Чимкентъ. Глинобитныя высокія стѣны, съ большими, «какъ на картинкахъ», зубцами, прямая улица, тополя-раины, туземный базаръ, конные сарты, ослы подъ вьюками, караванъ рослыхъ двугорбыхъ Азіатскихъ верблюдовъ, запахъ чеснока, бараньяго, пригорѣлаго сала, пряный ароматъ дынь. За крѣпостью — хлопковыя поля, поля джугары, ячменя и пшеницы, уже сжатыя, и опять пустыня, песокъ, сѣрая верблюжья травка и суслики.

Когда оставили коляску — ѣхать дальше пришлось въ тяжелыхъ, тряскихъ, безъ дрожинъ, почтовыхъ телѣгахъ. Эта ѣзда скоро сказалась на нашихъ вещахъ.

Провожая насъ изъ Петербурга, наши старинные друзья — М. И. и С. Е. Крыжановскіе — Марія Ипполитовна была подругой по гимназіи моей жены — подарили намъ прекрасный дорожный погребецъ отличной работы Мюллера на Морской. На все тамъ были свои гнѣзда, все было приспособлено для похода и дороги. Тарелки, стаканы, рюмки, все лежало неподвижно, каждая вещь въ своемъ помѣщеніи. Всякій разъ, какъ мы его открывали на станціи — все станціонное населеніе собиралось вокругъ, жадными глазами разглядывая наше богатство. Теперь, при ѣздѣ «на перекладныхъ», каждый перегонъ приносилъ намъ новое огорченіе. Стаканы и рюмки исчезли, стеклянная пыль показывала ихъ былое присутствіе. Прибитыя красивыми мѣдными гвоздиками ременныя гнѣзда выскочили съ мѣстъ. Европейскій погребецъ не выдержалъ азіатской скачки въ телѣгѣ по каменистой пустынѣ и швырянія изъ телѣги въ телѣгу.

Мы ѣхали пятыя сутки, а все справа тянулись стѣною однообразныя голыя горы — Александровскій хребетъ, какъ сказала мнѣ карта, по которой я слѣдилъ нашъ путь.

Мы ѣхали въ Центральную Азію, въ Туркестанъ, — значитъ — въ жару, въ зной. На

плоскогорьѣ, за Ауліе-Ата, налетѣлъ ледяной Сибирскій вѣтеръ съ дождемъ и снѣгомъ. Жена моя замерзала въ легкомъ пыльникѣ и куталась въ пледъ и бурку. Я дрожалъ въ пальто. Къ ночи пріѣхали на станцію — лошадей дальше не было. Мы расположились ужинать и пить чай, когда примчалась намъ навстрѣчу — пара — молодой офицеръ и барышня, лѣтъ семнадцати.

Братъ и сестра? Женихъ и невѣста? Совсѣмъ посторонніе. Съѣхались вмѣстѣ по объявленію. Въ Сибири и въ Семирѣчьи, передъ тѣмъ, какъ ѣхать, въ мѣстныхъ газетахъ печатаютъ объявленіе: — «ищу попутчика-попутчицу, — такого-то числа ѣду туда-то». И дешевле ѣхать вдвоемъ и веселѣе. Такъ и собрались они въ Семипалатинскѣ — молодой офицеръ, ѣдущій служить въ «Россіи» и она, отправляющаяся на курсы въ Петербургъ. Вторую недѣлю путешествуютъ на почтовыхъ.

Наивная, премилая пара.

— Ну, посмотрите на него, — говорила намъ, не представляясь и не знакомясь съ нами, дѣвушка, раскутывая съ головы мокрый Оренбургскій платокъ, — такая погода, а онъ въ легкомъ пальтишкѣ!.. Развѣ можно такъ? — простудится! Совсѣмъ ребенокъ!

— А сами-то хороши, — стѣсняясь насъ, говорилъ офицеръ. — Только платокъ ее и грѣетъ. Совсѣмъ замерзла.

Мы пригласили ихъ ужинать и пить чай съ нами. Они затoропились достать и свои домашніе припасы, сухари, коржики и соленья. Я угостилъ озябшихъ проѣзжающихъ коньякомъ и разговоръ завязался.

— Да вотъ, какъ видите — ѣдемъ, — говорила бойкая дѣвушка, — въ Россію. Онъ служить будетъ, солдатами командовать... Куда ему! Дите совсѣмъ. И усовъ даже нѣтъ. Я — учиться...

Узнавъ, что мы изъ Петербурга, барышня обрадовалась.

— Послушайте, — сказала она, — вы не знаете тамъ Жуковыхъ?

— Нѣтъ. Трудно въ Петербургѣ всѣхъ знать.

— Ахъ... Ну, какъ-же такъ? Да это-же — моя тетка.

— У васъ ея адресъ есть?

— Ну, какъ-же! Конечно! Только я письмо къ ней съ адресомъ заложила на самое, самое дно чемодана. Теперь и не достать никакъ. Видите — она меня никогда не видала. Мнѣ и дали письмо, какъ пріѣду къ ней, въ ея домъ, такъ и покажу.

— Какъ же вы думали ѣхать, не зная адреса? — спросила моя жена.

— Да какъ? Очень даже просто. Поди въ Петербургѣ то на станціи извощики есть? Ну вотъ я выйду и скажу — вези меня къ Жуковой, Аполинаріи Никитишнѣ, что изъ Семипалатинска.

— Нѣтъ, милая барышня, такъ васъ никогда не повезутъ. Надо указать улицу и номеръ дома. Петербургъ городъ громадный.

— А я думала, что, какъ у насъ въ Семипалатинскѣ, всѣ знаютъ домовладѣльцевъ, сказать извощику, если не знаетъ — спроситъ у другого. Навѣрно кто нибудь и знаетъ.

— Я вамъ совѣтую, — сказала моя жена, — непремѣнно достать адресъ и хорошенько запомнить его. Безъ этого пропадете. Хорошо-бы вамъ и телеграмму ей послать, предупредить ее, когда вы пріѣдете.

— Да, конечно, непремѣнно. Вотъ, значитъ, какъ въ вагонъ сяду, тутъ и телеграмму. Вѣдь изъ вагона можно послать телеграмму?

— Нѣтъ, милая барышня, до этого у насъ еще не дошло, вы можете дать телеграмму съ любой большой станціи.

Эта дѣвушка никогда въ жизни не видѣла желѣзной дороги, она не имѣла понятія объ устройствѣ вагоновъ. Она родилась, выросла и училась въ Семипалатинскѣ и дальше ближайшихъ станицъ никуда не ѣздила. Она знала почтовые тракты, перекладныя телѣги и тарантасы. Передъ нами въ XX вѣкѣ стояло прелестное, наивное существо начала XIX. Все въ этой парѣ было мило, просто и естественно, напоминало романы прошлаго, Тургеневскихъ героинь, нашихъ

бабушекъ, когда тѣ были молоденькими дѣвушками.

Дорожныя встрѣчи, по большей части, мимолетныя, короткія встрѣчи. Пришелъ станціонный смотритель и сообщилъ, что лошади накормлены и онъ можетъ отправить насъ «на обратныхъ».

Въ темную ночь, въ дождь и снѣгъ, въ непогоду, мы сѣли въ открытыя телѣги — мы поѣхали на сѣверъ, молодая пара на югъ.

Мы ѣхали, когда могли, когда были лошади, безъ передышки, безъ роздыха. Отъ тряски телѣги, отъ неудобнаго въ ней положенія — полулежа, отъ отсутствія правильнаго сна — мы доходили до галлюцинацій.

Вдругъ покажется моей женѣ, что мы катимся назадъ и она хватаетъ меня за руку и проситъ, чтобы я остановилъ ямщика. Я грезилъ съ открытыми глазами. Мнѣ казалось въ темнотѣ ночи, что мы ѣдемъ мимо большого тѣнистаго парка. Высокія березы обступили дорогу, я слышалъ ихъ свѣжій запахъ. Я зналъ, что тутъ никакого парка не могло быть, что кругомъ пустыня, я встряхивался и долго видѣлъ миражъ сада и дома съ темными окнами. Потомъ сознаніе прояснялось — надъ нами темное небо, яркія звѣзды сверкаютъ въ немъ, силуетъ киргиза — ямщика въ малахаѣ, песокъ, камни, рѣдкіе, кривые столбы телеграфа, проволока поетъ таинственную пѣсню... пустыня.

Днемъ, вдругъ покажется вдали зеленое пятно. Высокія раины, густые сады, дома. По деревянному, низкому мосту, а чаще въ бродъ мы переѣдемъ широкій мелкій арыкъ, бѣгущій въ аллеѣ кустовъ. За арыкомъ убранныя поля, высокія скирды и селеніе. Это «старые» поселенцы. Лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ они прибыли сюда изъ Харьковской, Полтавской, Черниговской губерніи, устроились въ новомъ краю, благодаря заботамъ Переселенческаго Управленія, и любо-дорого смотрѣть всѣ эти громадныя Русскія села, какъ Мерке, Теке и другія.

На пять-семь и больше верстъ идетъ прямая ровная улица. Иногда она мягкая, пыльная, иногда мощеная круглымъ булыжникомъ. Больше полъ-перегона ѣдешь селомъ. Улица — аллея акацій, липъ, ясеней, раинъ, раскидистыхъ мощныхъ карагачей уходитъ вдаль. Она такъ широка, что деревья не образуютъ свода надъ нею. За деревьями большіе фруктовые сады, за садами просторные высокіе дома, подъ соломенной крышей, но чаще подъ желѣзомъ. Посерединѣ села площадь, на ней кирпичная красная церковь кораблемъ, двухъ-этажное кирпичное, сельское четырехъ-классное училище, волостное правленіе, домъ священника и лавки. Церкви и школы въ одномъ селѣ, какъ въ другомъ — вездѣ одинаковыя, кирпичныя, одной и той-же архитектуры. Переселенческое управленіе ставило ихъ по одному плану, по одному рисунку, одного и того-же размѣра. Отъ этого, отъ одинаковыхъ прямыхъ и длинныхъ улицъ - аллей трудно было различать одно селеніе отъ другого и запоминать ихъ.

На окраинѣ одного такого села, на почтовой станціи сидѣлъ я, ожидая лошадей. Вдругъ раздался барабанный бой и звуки пѣхотнаго горна. Играли такъ извѣстную мнѣ «козу». Въ селеніе легкимъ бодрымъ вымаханнымъ шагомъ входила саперная рота. Бѣлыя фуражки съ назатыльниками, бѣлые холщевые шаравары, скатки, ранцы, большой шанцевый инструментъ — все напомнило мнѣ картины Каразина, Скобелевскія времена. Рота идетъ походомъ болѣе мѣсяца и прошла не одну сотню верстъ. Сзади ѣдетъ ротная телѣга и тарантасъ, въ немъ дама съ ребенкомъ — офицерская семья.

За городомъ Пишпекомъ, типичнымъ Сибирскимъ городомъ съ узкими улицами, съ березовыми и еловыми садами за деревянными заборами съ булыжными мостовыми, выматывавшими душу и съ панелями изъ досокъ, снѣговыя горы надвинулись на насъ. Стала видна красота ихъ изумрудныхъ скатовъ, покрытыхъ лѣсами, темная зелень кедровника, ярко-зеленые отблески альпійскихъ луговъ, мхи, черныя скалы и яркое блистаніе вѣчнаго снѣга ледниковъ.

На одиннадцатый день по выѣздѣ изъ Кабулъ-Сая — телѣга загремѣла по булыжной мостовой, мы подъѣзжали къ столицѣ Семирѣченской Области, городу Вѣрному, въ прошломъ — Алма-Ата, Алматинская станица Семирѣченскаго казачьяго войска. По сторонамъ были частые хутора и поселки. Навстрѣчу намъ попадались и мы обгоняли телѣги, запряженныя лошадьми и арбы съ волами въ ярмахъ, груженыя яблоками и хлѣбомъ. На верху, на соломѣ лежали дѣвушки въ пестрыхъ платкахъ, казаки въ шараварахъ съ малиновыми лампасами и въ пестрыхъ исподнихъ рубахахъ ѣхали сзади на крѣпкихъ, головастыхъ лошадяхъ.

Казаки — «Семирѣки»...

Улицы въ садахъ, въ аллеяхъ, городскіе дома, фонари, троттуары. Мы въѣхали въ городъ и подъѣхали къ лучшей и, кажется, единственной гостинницѣ города Вѣрнаго — «Европейской».

Длинное одноэтажное зданіе, обычное городское крыльцо, съ зонтомъ, швейцаръ въ рубашкѣ. «Душистый» корридоръ встрѣтилъ насъ, не обѣщая ничего хорошаго. Комната намъ отведенная была, какъ въ провинціальной гостинницѣ средней руки, съ кроватями за перегородкой, съ пузатымъ комодомъ, диваномъ и столомъ, съ мягкими креслами и тюлевыми гардинами на высокихъ окнахъ. Все остальное по грязи не поддается описанію. Когда я сказалъ объ этомъ хозяину, онъ только руками развелъ.

— Помилуйте, сударь. Вѣдь и публика у насъ! Какіе у насъ постояльцы? Это-же не Европа! У нихъ даже и никакого понятія нѣтъ, что такое культура.

Но столъ былъ — хорошій.

9. Мое непосредственное начальство. Ген.-маіоръ М. А. Фольбаумъ. Пріемъ 2-хъ сотенъ полка

На другой день, съ утра я собрался «являться по начальству». Надо было поѣхать въ Штабъ, узнать адреса — такъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось. На дѣлѣ все оказалось гораздо проще. Едва я вышелъ въ парадной формѣ на крыльцо, парный извозчилъ съ коляской подкатилъ ко мнѣ.

— Ваше высокоблагородіе, пожалуйте... По начальству.

— А ты почемъ знаешь?..

— Помилуйте, не васъ перваго вожу по Вѣрному. По всему начальству предоставлю, куда надо. И къ командующему войсками, и къ начальнику штаба, и къ архіерею, и къ прокурору...

— Къ прокурору то зачѣмъ же?..

— А какъ же?.. По всѣмъ господамъ обязательно надо. Вы вѣдь у насъ — новое лицо.

«Новое лицо» сѣло въ коляску и коляска покатила по красивой, тѣнистой улицѣ, полого спускавшейся къ рѣчкѣ. Мы выѣхали на большую площадь, обсаженную деревьями и я увидалъ громадный соборъ блѣдно-розоваго цвѣта съ бѣлыми разводами и съ большими окнами, съ колокольней и широкою папертью. Мнѣ показалось, что онъ выстроенъ изъ кирпича и оштукатуренъ, но оказалось, что громадный соборъ этотъ являетъ изъ себя чудо Русскаго архитектурнаго искусства. Онъ построенъ изъ дерева, изъ бревенъ, въ клѣтку на связяхъ и сдѣланъ такъ, что при землетрясеніи онъ будетъ гнуться, но не разрушится, такъ какъ связи сдѣланы подвижными.

Въ эти дни весь Вѣрный жилъ воспоминаніями бывшаго въ немъ недавно землетрясенія. Вездѣ, куда я ни приходилъ, только и разговора было о томъ, кто и какъ пережилъ и что перечувствовалъ во время него.

Извощикъ показалъ мнѣ трещины въ длинномъ каменномъ одноэтажномъ зданіи женской гимназіи.

— Видите какъ качало, мало-мало не повалило совсѣмъ. Хорошо народа въ ней не было, — говорилъ мнѣ извощикъ.

Недалеко отъ гимназіи, на той же тѣни-

стой, покрытой садами улицѣ былъ одноэтажный каменный особнякъ — домъ губернатора. У крыльца у полосатыхъ будокъ, стояли парные часовые стрѣлки.

Военный губернаторъ — онъ же и командующій войсками Семирѣченской области и Наказный Атаманъ Семирѣченскаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Михаилъ Александровичъ Фольбаумъ сейчасъ же и принялъ меня въ большомъ и тихомъ угловомъ кабинетѣ, гдѣ отъ садовыхъ деревьевъ, глядѣвшихъ въ него, былъ уютный сумракъ. Послѣ оффиціальнаго рапорта — мы разговорились.

Генералъ Фольбаумъ былъ пятью годами старше меня, прошелъ тѣ же петербургскія учебныя заведенія, что и я, и началъ службу Л. Гв. въ Павловскомъ полку. Онъ помнилъ и моего «Града» и меня зналъ, какъ «Гр. А. Д.». Я же зналъ Фольбаума, какъ талантливаго рисовальщика-каррикатуриста. Еще такъ недавно въ одномъ московскомъ иллюстрированномъ журналѣ были помѣщены его каррикатуры на «аттестаціи». Модный тогда это былъ вопросъ. Только что вышло положеніе объ аттестаціяхъ, гдѣ было указано, на какіе вопросы долженъ былъ отвѣтить аттестующій начальникъ о своемъ подчиненномъ. Фольбаумъ и изобразилъ въ рядѣ прекрасно исполненныхъ картинъ эти отвѣты.

— «Какъ относится къ маневрамъ и вообще къ службѣ въ полѣ?»

Аттестуемый подполковникъ былъ изображенъ сидящимъ въ полѣ на буркѣ передъ скатертью-самобранкой, уставленной бутылками и закусками, кругомъ толпятся его офицеры, въ сторонѣ денщикъ, снявъ сапогъ, голенищемъ раздуваетъ самоваръ. Подпись: — «маневры — любитъ. Въ полѣ находчивъ».

— «Каковъ въ семейной жизни?»

Подполковникъ изображенъ обнимающимъ и цѣлующимъ горничную.

Подпись: — «примѣрный семьянинъ». И такъ далѣе...

Съ разговора о Семирѣчьи, о полкѣ, о томъ, чего отъ меня ожидаетъ Командующій — разговоръ перешелъ на петербургскія воспоминанія, на общихъ знакомыхъ, на мои статьи, на рисунки Командующаго, затѣмъ послѣдовало приглашеніе моей жены и меня къ шести часамъ на обѣдъ и я почувствовалъ, что мой «тетенькинъ хвостикъ» уже растянулся черезъ Ташкентъ до самаго Вѣрнаго и въ лицѣ моего корпуснаго командира я имѣю не строгаго и придирчиваго начальника, но доброжелательнаго друга, которому я могу все довѣрить и обо всемъ откровенно сказать.

На другой день я принималъ сотни, стоявшія въ Вѣрномъ.

Сотни имѣли очень недурныя казармы-бараки и конюшни. При каждой былъ большой дворъ для занятій. Мѣста тутъ, видимо, не жалѣли.

Одной изъ сотенъ командовалъ есаулъ Алексѣй Георгіевичъ Грызовъ. Человѣкъ выдающійся, серьезный, нѣсколько показавшійся мнѣ угрюмымъ и недовольнымъ, онъ внимательно выслушивалъ мои указанія во время осмотра сотни и все говорилъ: — «объ этомъ позвольте мнѣ вамъ послѣ доложить въ частномъ порядкѣ».

Послѣ осмотра помѣщеній, опроса претензій, выводки лошадей, пріема оружія и снаряженія казаковъ, уже вечеромъ я навѣстилъ Грызова.

Алексѣй Георгіевичъ былъ почти моихъ лѣтъ. Я былъ полковникомъ и командиромъ полка — онъ недавно принялъ сотню. Раньше онъ долго служилъ въ Войскѣ по администраціи, прекрасно зналъ бытъ казаковъ и ихъ станичную жизнь. Онъ былъ семейный. Въ небольшой его городской квартирѣ, въ просторномъ, низкомъ кабинетѣ съ книжными шкафами, скудно освѣщенномъ, у насъ былъ острый разговоръ о службѣ и казакахъ.

А. Г. Грызовъ смотрѣлъ на казака съ точки зрѣнія станицы и войска, семейнаго воспитанія въ духѣ войсковыхъ традицій — я смотрѣлъ на казака, какъ на воина, призваннаго служить Престолу и Отечеству. Алексѣй Георгіевичъ былъ тонкій знатокъ семейнаго быта казака — я — «строевой трынчикъ»,

exemplary

педантъ, муштровщикъ казаковъ, какъ солдатъ, дрессировщикъ лошадей, и потому мои требованія, моя программа ученій, продиктованное мною расписаніе занятій не нравились Алексѣю Георгіевичу. Онъ спорилъ, въ духѣ дисциплины, какъ можно спорить и возражать въ частной бесѣдѣ командиру полка, и изъ этого спора, изъ возраженій этихъ, все больше и больше выяснялось, что мой сотенный командиръ горячо и страстно любитъ Сибирское свое войско, что онъ самолюбивъ полковымъ самолюбіемъ не меньше меня, что и, не соглашаясь со мною, онъ пойдетъ за мною, такъ какъ видитъ, что въ своей ломкѣ прошлаго я исхожу не изъ прихоти, не изъ самодурства, но изъ такой же горячей любви къ арміи, къ строю, къ своему полку и къ его боевой подготовкѣ.

Такъ оно впослѣдствіи и вышло. 2-ая Грызовская сотня въ Вѣрномъ блистала порядкомъ и выучкой.

За пять дней пребыванія въ Вѣрномъ я закончилъ пріемъ сотенъ, далъ указанія, составилъ примѣрныя расписанія занятій, произвелъ ихъ первую ранжировку, провѣрилъ знанія казаковъ. Естественно, что все это пришлось сдѣлать наспѣхъ. Отвлекали меня отъ этого и визиты. Былъ я у Архіерея, у Начальника 6-ой Туркестанской Стрѣлковой бригады, у Начальника Штаба и у Штабныхъ офицеровъ, у командира 20-го Туркестанскаго Стрѣлковаго полка, командира Мортирной батареи, у Областного Медицинскаго и Ветеринарнаго Врачей, у какого то инженера-гидротехника, мой извозчикъ хотѣлъ везти меня еще и къ начальницѣ Женской гимназіи, но я отъ этого уклонился.

Отъ 2-хъ до 5-ти часовъ колесилъ я по городу съ его улицами-аллеями, домами, спрятанными въ густыхъ садахъ и почти на каждомъ поворотѣ восхищался несказанно красивымъ видомъ на горы.

Каждый день, въ шесть часовъ, мы обѣдали у Фольбаумовъ, гостепріимство которыхъ было необычайно трогательное.

Михаилъ Александровичъ былъ влюбленъ въ свое Семирѣчье. Онъ завелъ обычай дарить каждому новому поселенцу гнѣздо породистыхъ крупныхъ куръ — Плимутъ-роковъ и гнѣздо такихъ же породистыхъ, совсѣмъ необыкновенныхъ утокъ. Онъ гордился, что во всемъ Семирѣчьи нельзя было найти скверной, не породистой птицы, что всюду былъ крупный племенной скотъ, его заботами созданный, что, благодаря его настояніямъ, въ Пржевальскѣ была создана заводская конюшня съ жеребцами Деркульскаго, Ново-Александровскаго, Лимаревскаго и Стрѣлецкаго заводовъ, что первыя улучшенныя лошади уже появились въ Семирѣченскихъ станицахъ. Онъ мечталъ пересѣчь въ Китайскихъ предѣлахъ рѣки Кунгей и Текесъ, истоки Или, устроить громадный арыкъ и оросить всю пустынную При-илийскую долину, сдѣлать ее годной для жительства и культуры хлѣбовъ, садовъ и хлопка. Партія инженеровъ гидротехниковъ ожидалась въ Вѣрномъ, и Фольбаумъ очень хотѣлъ, чтобы я дождался ихъ и познакомился съ ними.

Но я торопился къ полку.

Наканунѣ отъѣзда до поздней ночи сидѣлъ я въ кабинетѣ у Фольбаума, гдѣ былъ Областной Ветеринаръ, нарочно приглашенный Михаиломъ Александровичемъ, чтобы стравить меня съ нимъ.

Рядомъ въ большомъ залѣ собралась вся многочисленная семья Фольбаума. Моя жена пѣла подъ рояль.

— Какъ полагаете вы, — обратился ко мнѣ Фольбаумъ, — какими жеребцами надо покрывать киргизскихъ матокъ?

Я уже былъ предупрежденъ, что Областной ветеринаръ презираетъ чистокровную англійскую лошадь и выше киргизской лошади не знаетъ ничего.

— Въ первую очередь, ваше превосходительство, полагаю надо взять арабскихъ жеребцовъ, или Арабо-кабардинцевъ, какіе, и прекрасные, уже есть на Строгановскомъ заводѣ на Минеральныхъ водахъ. Арабская лошадь ближе подойдетъ къ киргизской.

— **Отобранными киргизами,** — внушительно и строго говоритъ ветеринаръ и смотритъ на меня уничтожающимъ взглядомъ. «Что, молъ, еще поетъ этотъ столичный

гусь — спортсменъ, стоитъ слушать его мнѣніе!».

Кое что и я повидалъ на своемъ вѣку. Я отвѣчаю спокойно:

— Опыты улучшенія киргизской лошади самой въ себѣ въ Оренбургской, Тургайской и Кустанайской конюшняхъ не дали ожидаемыхъ отъ этого результатовъ. Лошадь прибавила роста на полъ-вершка, но осталась тою же киргизской.

— Со всѣми ея достоинствами, полковникъ, — величественно говоритъ ветеринаръ.

— И недостатками, — говорю я, и продолжаю: — улучшить породу можетъ только чистокровная лошадь, для того вѣками созданная и провѣренная на скачкахъ.

— Конечно, — иронически восклицаетъ ветеринаръ и взмахиваетъ съ досадой рукой.

— Но, — продолжаю я, — какъ показалъ опытъ калмыцкаго отдѣленія Деркульскаго Государственнаго завода сразу приливать англійскую кровь первобытнымъ породамъ нельзя. Лошадь даетъ большой ростъ, англо-калмыки были до четырехъ вершковъ, но отпадаетъ крѣпость костяка, нѣтъ нужнаго благородства формъ, лошади оказались съ короткими затылками и дурными тяжелыми головами. Нужно одно или два поколѣнія провести черезъ арабскую кровь и тогда такимъ полукровкамъ приливать англійскую кровь...

Позднею ночью я съ женой возвращаемся пѣшкомъ въ гостинницу. Ярко горятъ круглые электрическіе фонари въ улицахъ города. Громадныя акаціи, карагачи и тополя бросаютъ на мостовыя и троттуары трепетный узоръ красивыхъ тѣней. Тепло. Вдали, за городомъ, подъ самымъ небомъ сверкаютъ ледники. Въ городѣ тихо, городъ спитъ, нигдѣ ни души. Тутъ такъ недавно было землетрясеніе, были убитые, была ни съ чѣмъ не сравнимая тревога. Теперь — тишина, и мощными шагами, точно торопясь, идетъ строительство края. Уже провѣшена Туркестано - Сибирская желѣзная дорога, соединяющая Сибирь съ Туркестаномъ. Идетъ прокладка пути. Первые автомобили проѣхали въ Кульджу. По рѣкѣ Или задумано пароходство, каналы должны оросить Семирѣчье — богатѣйшій край расцвѣтетъ и станетъ богаче Калифорніи. Завтра, на разсвѣтѣ, я выѣзжаю, чтобы принять участіе въ строительствѣ, воспитывая и совершенствуя **Высочайше** мнѣ ввѣренный полкъ.

10. Бездомный командиръ

Три дня я ѣхалъ отъ Вѣрнаго до Джаркента. То не было лошадей, то не хотѣли везти ночью черезъ Алтынь-Емельскій перевалъ. На четвертый день рано утромъ я пріѣхалъ на послѣднюю передъ Джаркентомъ почтовую станцію Борохудзиръ — порусски — Голубевское. Здѣсь ожидалъ меня очень удобный тарантасъ на мягкихъ дрожинахъ, запряженный тройкой прекрасныхъ сѣрыхъ киргизовъ, какъ снѣгъ бѣлыхъ, съ казакомъ-ямщикомъ Прокофьевымъ, высланный за мною отъ полка.

Изъ Вѣрнаго, въ первый же день пріѣзда туда, я послалъ письмо полковому адъютанту, увѣдомляя о своемъ прибытіи къ полку и напоминая мои порученія «не въ службу, а въ дружбу» о квартирѣ и прислугѣ. Послѣ цѣлаго мѣсяца безпріютнаго скитанія, ночлеговъ въ вагонѣ, въ гостинницѣ, въ комнатахъ «для пріѣзжающихъ», а то и просто въ телѣгѣ, въ степи, такъ хотѣлось пріѣхать, наконецъ, «домой» устраивать свой уголъ, наново вить на чужедальней сторонѣ прочное гнѣздо.

Я спросилъ Прокофьева, нѣтъ ли мнѣ какого письма.

— Со вчерашняго дня васъ ожидаю, — отвѣчалъ казакъ, — однако, письма вамъ нѣтъ. Лошади ваши съ донскими казаками и собакой, недѣля, какъ пришли къ намъ.

— А квартира? — спросила моя жена.

— Такъ что квартиры вамъ нѣтъ.

— Но, позволь, — сказалъ я, — я писалъ полковому адъютанту, сотнику Калачеву, — просилъ его нанять намъ квартиру.

— Сотникъ Калачевъ болѣе не адъютантъ, они уѣзжаютъ на льготу, адъютантомъ у насъ сотникъ Самсоновъ.

— Куда же мы поѣдемъ?.. Опять въ гостинницу?.. — съ ужасомъ вспоминая Вѣрненскую «Европейскую» гостинницу, сказала моя жена.

— У насъ, барыня, гостинницъ даже никакихъ нѣтъ. Я предоставлю васъ на въѣзжую, а тамъ уже видно будетъ, что, куда и какъ.

«Ну вотъ оно и начинается» — подумалъ я и вспомнилъ о томъ, что я нежеланное полку лицо и что какая то «обструкція» должна же меня встрѣтить въ полку. Но — «терпи казакъ — атаманомъ будешь»... Погрузились мы въ тарантасъ, и со звономъ колокольцевъ и бубенцовъ менѣе чѣмъ въ часъ примчали пятнадцать верстъ, что отдѣляли Голубовское отъ Джаркента.

Прокофьевъ лихо остановилъ тройку на площади у почтовой станціи съ обычнымъ крыльцомъ, полосатымъ столбомъ и фонаремъ.

«Комната для пріѣзжающихъ... Въѣзжая...» Командиръ полка въѣхалъ въ расположеніе своего полка.

Едва успѣли мы помыться и снять пыль, покрывшую насъ во время дороги, какъ въ дверь постучали палкой и на приглашеніе войти, въ комнату, мелкими шажками, чуть прихрамывая, вкатился средняго роста и средней полноты генералъ-лейтенантъ, въ бѣлой кабардинской папахѣ, въ защитномъ кителѣ и шараварахъ съ алымъ казачьимъ лампасомъ, въ высокихъ мягкихъ кавказскихъ сапогахъ.

Я сейчасъ же догадался, что это мое прямое и непосредственное начальство — Командующій Отдѣльной Сибирской Казачьей Бригадой — генералъ-лейтенантъ Калитинъ.

Я просилъ меня извинить, что представляюсь не въ парадной формѣ, такъ какъ застигнутъ врасплохъ и хотѣлъ рапортовать, но Калитинъ заключилъ меня въ объятія и быстро заговорилъ:

— Знаю... Знаю-съ... Давно и жадно васъ ожидаю-съ. Барынѣ вашей меня представьте. Ручку дозвольте ея поцѣловать.

Генералъ порывисто снялъ съ головы папаху и шмякнулъ ее на столъ. У него были густые сѣдые волосы, расчесанные на проборъ. Кустистые брови нависали надъ острыми, сѣрыми глазами, длинные усы и небольшая клинушкомъ бородка на красивомъ чисто русскомъ лицѣ, совсѣмъ простомъ, дѣлали его лицо пріятнымъ: — «дѣдушка Калитинъ»...

Онъ бросилъ палку на диванъ и, не садясь, живчикомъ вертѣлся по комнатѣ, подлѣ раскрытыхъ чемодановъ.

— Не разбирайтесь. Напротивъ, застегните ваши чемоданы. Сейчасъ поѣдете къ себѣ... Вы тамъ писали Калачеву... Ну что онъ можетъ!.. Квартиръ тутъ нѣтъ! Надо и барынѣ угодить. Вотъ поищемъ, посмотримъ можетъ быть, что нибудь подходящее и найдемъ... Я вамъ приказалъ комнату писарскую подлѣ канцеляріи приготовить... Жена моя и дочери уѣхали въ Петербургъ — я вамъ ихъ постели хорошія поставилъ — вотъ и живите покамѣстъ... Лошади ваши пришли. Какіе ваши Донцы — молодцы!.. Лошади хороши чистокровныя, ай хороши лошади!.. Не для нашихъ только мѣстъ такія лошади!.. Тутъ тя-гу-чая нужна лошадь — по прозванію киргизъ, или туркменъ. Ну да увидите... Ѣдемте-съ...

Тотъ же Прокофьевъ подалъ между тѣмъ къ станціи просторную, хорошую «командирскую» коляску, запряженную тоже тройкой, на этотъ разъ чисто вороныхъ, одинъ, какъ другой киргизовъ. Алая росписная дуга, бубенцы на ожерелкахъ и на сбруѣ — словомъ — шикъ!..

Мы сѣли втроемъ, вещи наши забралъ пріѣхавшій съ подводой казакъ. Мы сейчасъ же и пріѣхали.

Коляска остановилась у одноэтажнаго бревенчатаго барака, надъ дверью вывѣска —

«Канцелярія 1-го Сибирскаго Казачьяго Ермака Тимофеева полка».

Баракъ стоялъ за двойной аллеей высокихъ тополей, въ тѣнистомъ саду.

Въ узкихъ сѣняхъ было двѣ двери — направо и налѣво одна противъ другой.

— Извольте видѣть, — говорилъ генералъ Калитинъ, — тутъ вотъ канцелярія — вамъ и ходить недалеко, все подъ рукой, а тутъ, — генералъ толкнулъ дверь направо, — тутъ будетъ вамъ помѣщеніе. Писарей я отправилъ въ сотню, недалеко отсюда, а здѣсь помыли, почистили, побѣлили. Отлично здѣсь заживете.

Передъ нами была высокая комната-казарма въ три окна, ничѣмъ не занавѣшенныхъ, выходившихъ на городскую улицу. Свѣже побѣленныя стѣны пахли известкой, бѣлый некрашенный полъ и такой же потолокъ — все это мало походило на командирскую квартиру. Въ комнатѣ были поставлены вдоль стѣнъ двѣ большія пружинныя хорошія кровати, простой умывальникъ, столъ и четыре стула. Въ короткой стѣнѣ была узкая дверь, Калитинъ открылъ ее. Зеленый сумракъ густого запущеннаго сада, игра солнечныхъ блестокъ сквозь листву были за нею. Тополевая аллея шла шаговъ на пятьдесятъ отъ крыльца и упиралась въ высокую глиняную стѣну. Влѣво, шаговъ на двѣсти, квадратомъ расли высокія плодовыя деревья, между ними сонно журчали арыки. Дорожекъ не было. Все заросло травой, все было давно запущено.

Вся наша квартира состояла только изъ одной этой длинной комнаты-казармы и запущеннаго сада.

Генералъ Калитинъ продолжалъ расхваливать квартиру:

— Отличное помѣщеніе... Тутъ и жили бы, да жили. На что вамъ своя квартира?.. Домъ деревянный, такихъ домовъ въ Джаркентѣ разъ-два и обчелся. Никакое землетрясеніе вамъ не страшно. Никогда не обвалится. Развѣ что покосится. И платить — тратиться вамъ не нужно. Домъ казенный — полковой.

— А писаря? — сказалъ я.

— Писаря... Ну что — писаря!.. Обойдутся какъ нибудь. Я вамъ и денщика назначилъ. Отличный казакъ. Грудь у него слабая, къ строевой службѣ признали негоднымъ... Онъ, я думаю, не изъ грузинъ ли будетъ?.. Не потомокъ ли ссыльно-каторжнаго какого. Тутъ есть такіе... Стогніевъ! — крикнулъ генералъ въ сторону канцеляріи.

Въ дверяхъ появился красавецъ-казакъ, ростомъ безъ малаго — сажень, съ тонкими чертами лица и съ хмурыми, но хорошими глазами. Онъ вытянулся въ дверяхъ.

— Вотъ, Стогніевъ, — сказалъ генералъ, — служи его высокоблагородію и барынѣ какъ слѣдуетъ. Понялъ?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— А сейчасъ, Стогніевъ, забирай судки и бѣги въ собраніе, принеси «ашать» командиру и барынѣ.

Но я послалъ раньше Стогніева за лошадьми.

Итакъ командирская жизнь моя начиналась въ этой комнатѣ-казармѣ съ окнами безъ занавѣсей, съ чужими постелями, съ обѣдомъ изъ гарнизоннаго собранія — все приготовлено милымъ и добрымъ генераломъ — дѣдушкой Петромъ Петровичемъ Калитинымъ. Безъ него — разбивай палатку и становись на полковой площади.

Я прошелъ въ канцелярію и приказалъ отдать въ приказѣ: — «прибывъ сего числа ко ввѣренному мнѣ полку предписываю по всѣмъ дѣламъ службы обращаться ко мнѣ»... На завтра назначилъ пріемъ полка и по настоянію генерала Калитина, для пріема полку быть построеннымъ въ конномъ строю, въ мундирахъ, въ парадной формѣ. Сѣдловка со вьюкомъ. Знамени быть при полку, знамя имѣть безъ чехла.

Къ пяти часамъ дня жена моя переодѣлась въ амазонку, намъ подали нашихъ лошадей — Ново-Александровскаго завода «Гризетку» и польскаго завода Рубана — «Ванду», мы сѣли на нихъ и два часа ѣздили по городу, выѣхали за головной арыкъ и верстъ восемь скакали по пустынѣ. Собака, Олонецкая лайка, «Мышка» не поспѣва-

ла за нами. Никого мы не встрѣтили, городъ казался пустыннымъ и мало обитаемымъ. Но за нами наблюдали и слѣдили и я узналъ потомъ, что наша прогулка верхомъ по пустынѣ въ первый день пріѣзда, произвела хорошее впечатлѣніе на полкъ.

Было горько, больно и одиноко на душѣ. Казалось, что мы остались только съ лошадьми, да милыми вѣстовыми Донцами, которые ихъ привезли и должны были черезъ два дня ѣхать обратно въ Школу. Собака «Мышка»... Да вотъ еще этотъ милый, немного странный, но такой заботливый генералъ «дѣдушка Калитинъ»...

11. Генералъ-Лейтенантъ Петръ Петровичъ Калитинъ

Если я, пріѣхавшій изъ Офицерской Кавалерійской Школы, только что прослушавшій и прочитавшій все то новое, что дѣлалось въ кавалерійскомъ мірѣ, для молодежи полка, бывшей на двадцать съ лишнимъ лѣтъ моложе меня — уже казался человѣкомъ прошлаго вѣка и, вводя новое, всегда чувствовалъ, какъ эта молодежь, еще и не знающая этого нового, сейчасъ-же воспринимаетъ его и очень быстро о б г о н я е т ъ меня, такъ что мнѣ приходится стараться, такъ сказать, попасть ей въ «пэйсъ», — то генералъ Калитинъ для меня казался тоже человѣкомъ прошлаго, временъ даже не Берданокъ, но Крынокъ, бѣшеныхъ атакъ въ шашки на плохо вооруженныя текинскія орды, временъ Скобелевскихъ походовъ, завоеванія Туркестана и той особой молніеносной тактики, такъ прекрасно примѣнявшейся Скобелевымъ.

Петръ Петровичъ Калитинъ былъ Скобелевцемъ — поклонникомъ, апологетомъ и выученикомъ «Бѣлаго Генерала» Михаила Димитріевича Скобелева.

Судьба его была не совсѣмъ обыкновенна.

Петръ Петровичъ происходилъ изъ мелко-помѣстнаго дворянскаго служилаго рода Псковской губерніи. Калитины были близки, едва-ли не сосѣди съ Куропаткиными. Въ самой наружности, въ внѣшнемъ обликѣ генерала Калитина было нѣчто схожее съ Алексѣемъ Николаевичемъ Куропаткинымъ.

Жизнь для Петра Петровича началась неудачно. Вспыльчивый, горячій, несдержанный, въ кадетскомъ корпусѣ, онъ повздорилъ съ товарищемъ, и въ «запальчивости и раздраженіи» пырнулъ противника перочиннымъ ножомъ. На бѣду рана оказалась смертельной. Калитина удалили изъ корпуса съ «волчьимъ билетомъ». Карьера его была сломана. Въ ту пору начинались Скобелевскіе походы въ Среднюю Азію. По протекціи Куропаткина Калитина отправили въ Скобелевскій отрядъ.

Петя Калитинъ, иногда, подъ горячую руку, тоже вспыльчиваго и горячаго Скобелева — «Петька» — жилъ при Скобелевѣ. Мальчикъ, охотникъ-доброволецъ, почти «казачекъ» для услугъ, помощникъ денщика и вѣстовыхъ, Калитинъ прижился при начальникѣ отряда.

— Петя, откупори бутылку!.. Петя, открой сардины!.. Петя, сбѣгай къ Алексѣю Николаевичу... Петя, прикажи подать лошадей!

Петя жилъ подлѣ Скобелевской палатки, спалъ, завернувшись въ кошмы, въ свободное время сидѣлъ съ денщиками, линейцами, казаками, туркменами и сартами-переводчиками. Шутя, какъ все дается въ дѣтскіе годы, — научился свободно говорить по туркменски, по сартски и киргизски, благо корни этихъ языковъ были одни и тѣ-же, научился писать и читать, изучилъ мусульманскіе обычаи и нравы, сталъ среди туземцевъ своимъ человѣкомъ. У Пети Калитина была большая жажда учиться. Но, гдѣ тамъ учиться?! Шли походы — война! Калитинъ видѣлъ, какъ въ бѣшеной атакѣ казаки — Уральцы, Оренбуржцы и Сибиряки рубили головы коканцамъ, видѣлъ и нашихъ порубленныхъ солдатъ и казаковъ. На

маленькомъ Сартовскомъ конькѣ неутомимо скакалъ онъ за Скобелевымъ, прислушивался къ тому, что тотъ говорилъ, учился «наукѣ побѣждать» у непобѣдимаго.

Шли годы. Положеніе Пети надо было узаконить и какъ то оформить. Калитина зачислили вольно-опредѣляющимся въ Линейный Туркестанскій батальонъ, по веснѣ предложили держать экзаменъ на офицера. Экзаменовали свои, тѣ, кто хорошо зналъ и полюбилъ ловкаго, смѣлаго, услужливаго, и бойкаго юношу. Петя Калитинъ сталъ прапорщикомъ, потомъ подпоручикомъ. Исполняя порученіе Скобелева, съ туркменами продѣлалъ онъ какой то чуть не трехсотъверстный пробѣгъ по пустынѣ, передалъ весьма нужное приказаніе, проѣхалъ черезъ враждебныя племена и получилъ за этотъ подвигъ орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Когда устраивался завоеванный край, и былъ учрежденъ институтъ уѣздныхъ начальниковъ — въ Ауліе-Атинское ханство, преобразованное въ уѣздъ, былъ назначенъ уѣзднымъ начальникомъ молодой штабсъ-капитанъ Калитинъ. Онъ пришелся очень къ мѣсту. Человѣкъ, прекрасно говорящій на туземныхъ языкахъ ,знающій до тонкости мусульманскіе обычаи — онъ явился тѣмъ Русскимъ администраторомъ-колонизаторомъ, которые, не раздражая туземное населеніе и не потакая ему, воспитываютъ его въ вѣрности и страхѣ передъ Бѣлымъ Царемъ.

Къ этому времени Калитинъ пополнилъ свое образованіе. Кажется, не было такой книги на Русскомъ, или французскомъ языкахъ, написанной про Азію, про походы Искандера — Александра Македонскаго, Тамерлана, Бековича Черкасскаго, Кауфмана и др., которую Калитинъ не пріобрѣлъ бы въ свою библіотеку и не прочелъ-бы.

Когда Русское правительство рѣшило создать Туркменскій Конный дивизьонъ — формированіе его было поручено подполковнику Калитину — и Калитинъ былъ первымъ его командиромъ. Дивизьонъ былъ особенный и служба въ немъ была особенная. Весь на прекрасныхъ, злыхъ жеребцахъ — ихъ на коновязи нельзя было держать — такъ они дрались между собою, съ природными наѣздниками-всадниками, со множествомъ рыцарскихъ, деликатныхъ восточныхъ обычаевъ и традицій — это была лихая, красивая, пестрая, конная часть, ни съ кѣмъ не сравнимая и, конечно, совсѣмъ не регулярная. Рубили такъ, какъ никто на свѣтѣ не умѣлъ рубить. На веревкѣ подвѣшивали арбузъ — и на скаку кривымъ клычемъ рубили его ломтями. Рубили живого барана начисто пополамъ. Когда Калитинъ все это разсказывалъ Сибирякамъ — у тѣхъ глаза и зубы разгорались — и мы не хуже съумѣемъ! На первыхъ опытахъ только осушали руку въ кисти о гладкій и крѣпкій арбузъ. Казачья прямая шашка не годилась, казалось, для такой рубки. Потомъ нашлись и у Сибиряковъ молодцы, что рубили арбузъ и баранью тушу въ шерсти, не смотря на прямизну клинка.

Въ самый разгаръ первой революціи Калитинъ былъ назначенъ Командиромъ 1-го Волгскаго казачьяго полка Терскаго казачьяго войска.

Туркестанскіе обычаи, нравы, спайка, лихая служба, съ презрѣніемъ къ опасности и смерти, сродни казакамъ. Калитинъ скоро усвоилъ кавказскіе пріемы, сталъ лихо носить черкеску, умѣлъ самъ показать рубку, проскакать, прикрикнуть, ободрить, разсмѣшить, увлечь казаковъ личнымъ примѣромъ. Онъ сталъ любимымъ командиромъ, Послѣ командованія 1-мъ Волгскимъ полкомъ Калитинъ получилъ назначеніе на Дальній Востокъ Начальникомъ Уссурійской конной бригады.

Командовалъ онъ тамъ не долго. Вышли какія то недоразумѣнія въ отчетности хозяйственнаго свойства, генералъ Калитинъ былъ смѣщенъ и вскорѣ назначенъ въ Джаркентъ на должность Начальника Отдѣльной Сибирской Казачьей бригады.

Человѣкъ развитой, умный, съ умомъ острымъ, съ языкомъ мѣткимъ и нерѣдко злымъ, не скажу — образованный, но начитанный, знатокъ Востока и Азіи, по существу глубоко военный — онъ мало и пло-

хо зналъ строевое дѣло. Настоящей строевой подготовки онъ въ юные годы не получилъ, Туркмены строю научить его не могли, Волгскимъ полкомъ онъ командовалъ въ смутные годы, когда было не до строевыхъ ученій, надо было гасить огонь революціи. На Дальнемъ Востокѣ генералъ Калитинъ былъ въ роли крупнаго начальника, причемъ часть его никогда не была собрана вмѣстѣ. Читать и изучать новые уставы (на спичкахъ хотя-бы) онъ не любилъ и не хотѣлъ. Осіянный въ юные годы лучами Скобелевской славы, создатель и начальникъ такой исключительной части, какъ Туркменскій дивизьонъ, наконецъ, командиръ лихого Волгскаго полка — Калитинъ даже съ нѣкоторымъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на уставы и наставленія, на «регулярство» строя. Рубка, — пику онъ не долюбливалъ — кавказецъ въ немъ сказывался — джигитовка, мѣткая стрѣльба, маневры съ непремѣннымъ условіемъ выиграть флангъ противника, тревоги — вотъ гдѣ была его сфера, его начальственные коньки.

Насмотрѣвшись на Скобелевскія войска, на Туркменъ и Терскихъ казаковъ, Калитинъ рѣшилъ, что всѣ д о л ж н ы б ы т ь такими. И, когда ни на Дальнемъ Востокѣ, ни въ Сибирской бригадѣ такими не были — Калитинъ сердился, ругалъ офицеровъ и казаковъ, удивлялся, что они не могутъ быть такими. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что если не родился такимъ, какъ Туркменъ или Терецъ, то можно с т а т ь такимъ.

Нетерпѣливый и вспыльчивый, онъ не жаловалъ гимнастику, выѣздку лошадей, медленное систематическое обученіе. К а з а к ъ! Въ этомъ все сказано! Все долженъ умѣть!..

У него были любимцы и не любимцы. 2-й Сибирскій казачій полкъ, которымъ тогда командовалъ Полковникъ Семенъ Васильевичъ Буровъ — сибирякъ — онъ любилъ, Ермаковцевъ, которыхъ я принялъ — не жаловалъ.

Онъ былъ безусловно храбрый человѣкъ, но теперь онъ былъ уже въ годахъ. Ему все вспоминались различные ужасы — то Андижанская рѣзня, то Вѣрненское землетрясеніе. Въ Джаркентѣ и уѣздѣ было до 60 тысячъ туземнаго населенія — киргизовъ, таранчей, дунганъ, татаръ и китайцевъ. Гарнизонъ Джаркента состоялъ изъ двухъ батальоннаго 21-го Туркестанскаго Стрѣлковаго полка, 2-хъ полевыхъ батарей 6-го Туркестанскаго Артиллерійскаго дивизьона, 3-хъ сотенъ 1-го Сибирскаго Казачьяго Ермака Тимофеева полка и 2-хъ сотенъ 2-го Сибирскаго казачьяго полка. Части эти были разбросаны безпорядочно по всему громадному по площади Джаркенту, среди пустырей, садовъ, туземныхъ деревушекъ и кишлаковъ — Калитину все казалось наше положеніе въ немъ не прочнымъ, что на насъ нападутъ, вырѣжутъ, уничтожатъ.

Генералъ Калитинъ былъ начальникомъ гарнизона Джаркента и онъ придумывалъ свои, будто-бы «Скобелевскія» мѣры охраненія, дѣлалъ частыя дневныя и ночныя тревоги и на почвѣ этого слишкомъ напряженнаго и неоправдываемаго обстановкой состоянія гарнизона у меня съ первыхъ же шаговъ моей службы подъ начальствомъ Калитина стали выходить недоразумѣнія и столкновенія съ нимъ.

12. Вспышки гнѣва и дружеская помощь

У воротъ каждаго казарменнаго помѣщенія, а таковыхъ въ виду разброски полка по всему городу было не мало, стояло по два вооруженныхъ винтовками казака. Часовые? — нѣтъ, потому что они стояли по 6 и даже по 8 часовъ безъ смѣны, не имѣли сдачи и держались не такъ, какъ подобаетъ часовымъ. Дневальные? тоже нѣтъ. Это была — о х р а н а.

— Кто приказалъ такъ ставить?

— Генералъ Калитинъ.

Дневальные по коновязямъ и по навѣсамъ конюшень были съ винтовками черезъ плечо. Нагибаясь, чтобы прибрать навозъ или распутать поводки недоуздковъ они задѣвали стволами о коновязь, сбивали мушки, пугали лошадей.

— Кто приказалъ дневальнымъ по коновязямъ быть при оружіи?

— Генералъ Калитинъ.

Первое вызывало громадный и ничѣмъ неоправдываемый ежедневный служебный нарядъ и понапрасну утомляло казаковъ, пріучая ихъ быть небрежными въ отправленіи сторожевой и караульной службы, второе тяжело отзывалось на состояніи винтовокъ, которыя были послѣ долгой постовой службы и безъ того далеко не въ блестящемъ видѣ.

Я приказалъ вернуться къ точному соблюденію параграфовъ устава Внутренней службы, сократить нарядъ, имѣть дневальныхъ лишь тамъ, гдѣ это вызывается необходимостью, притомъ безъ огнестрѣльнаго оружія. Дневальнымъ же по коновязямъ быть при фартукахъ и съ метлами — единственнымъ нужнымъ имъ для работы «оружіемъ».

Въ тотъ-же день, во время завтрака въ мое помѣщеніе въ канцеляріи бурей влетѣлъ генералъ Калитинъ.

— Кто смѣлъ отмѣнить мое приказаніе стоять дневальнымъ при оружіи? — закричалъ онъ, наступая на меня. — Кто отобралъ винтовки у дневальныхъ? Петръ Николаевичъ, это невозможно то, что вы заводите! Вы не знаете нашего края? Это вамъ не Петербургъ!.. Не Петербургъ-съ!. Вчера тоже... Сидите вечеромъ у окна, пишете, а ставни не закрыты.

— Ставень вовсе нѣтъ, — успѣлъ я только сказать, какъ генералъ еще грознѣе наступилъ на меня.

— Васъ убьютъ! Убьютъ-съ!

— Кто меня убьетъ?

— Кто? Мало ли кто? Свои казаки!.. Таранчи!.. Увидитъ васъ въ окнѣ, станетъ въ темнотѣ и бахнетъ изъ винтовки. Такъ, здѣсь нельзя. Нельзя-съ такъ! И приказанія старшаго начальника нельзя отмѣнять! Это-съ — бунтъ!.. Революція-съ.. Я на васъ надѣялся, а вы...

— Ваше превосходительство, помилуйте, всѣ мушки на винтовкахъ сбиты... Смотрѣть тошно...

— Ну и что изъ того, что сбиты? Винтовки замѣнять давно пора. Онѣ никуда не годятся.

— Но, пока мы другихъ не получили, мы должны съ этими обходиться. Смѣшно держать засыпающихъ у воротъ казаковъ, когда кругомъ никого нѣтъ.

— Сейчасъ никого нѣтъ, а тамъ, гляди, соберется въ пустынѣ орда, налетитъ и перерѣжетъ всѣхъ, только и видали.

— Ваше превосходительство, вы насъ тревогамъ такъ научили, что никакая орда не застанетъ насъ врасплохъ.

— На Кавказѣ, Петръ Николаевичъ, казакъ безъ винтовки никуда... Онъ и коситъ, онъ и пашетъ, а винтовка все у него за плечами виситъ... Вотъ какъ-съ!.

— Ваше превосходительство, тутъ дамы съ дѣтьми по пустынѣ въ тарантасахъ ѣздятъ и днемъ и ночью и ничего никогда не бываетъ. Вѣдь эти мѣры смѣшны...

— Смѣшны!.. Смѣшны!.. Поздно будетъ смѣяться, когда что нибудь случится.

На мое счастье генералъ Калитинъ былъ вспыльчивъ, но отходчивъ. Покипѣвъ, по-

бѣгавъ по нашей комнатѣ онъ какъ то неожиданно быстро согласился на предложеніе моей жены позавтракать съ нами, мы послали денщика за третьимъ приборомъ, и Калитинъ, садясь за столъ уже добродушно сказалъ:

— Ну, какъ знаете, Петръ Николаевичъ, дѣло ваше. Я ни во что не вмѣшиваюсь, вы за все отвѣтите, если что нибудь случится, я такъ и донесу, что моихъ приказаній не исполняютъ. Но помните, что мы на рубежѣ Китая и эта косоглазая публика, что на насъ смотритъ — свои думы у ней въ головѣ... Мы ничего не знаемъ, что она про насъ думаетъ... Послѣ завтрака, — мѣняя тонъ и обращаясь къ моей женѣ, сказалъ Калитинъ, — поѣдемъ, посмотримъ, есть тутъ у бая Юлдашева два домика... Вы на Калачева были въ претензіи, что онъ вамъ ничего не нашелъ, а гдѣ тутъ найдти — тутъ Джаркентъ, очень просто, что тутъ ничего и нѣтъ.

Послѣ завтрака въ полковой коляскѣ мы втроемъ поѣхали смотрѣть Юлдашевскіе дома. Первый мы сейчасъ-же и забраковали. Это была крошечная саманная постройка въ двѣ маленькихъ комнатушки — мы просто туда со своею Петербургской мебелью не влѣзли-бы. Другой домъ сначала понравился намъ своей оригинальною экзотичностью. Но у него было большое неудобство. Онъ стоялъ внѣ района полка, на отшибѣ и мнѣ долго было бы ходить на занятія и въ канцелярію пѣшкомъ.

Это былъ высокій домъ коричневаго земляного цвѣта, какъ всѣ здѣшніе дома слѣпленный изъ глины и земли, съ большимъ крыльцомъ - верандой, съ высокими окнами. Четыре большія комнаты позволяли довольно свободно размѣститься, но, главное, что намъ понравилось — тѣнистый садъ окружалъ домъ и придавалъ ему своеобразную прелесть и уютъ. Но въ комнатахъ не было потолковъ и куполомъ надъ ними уходила ввысь камышевая крыша.

— Какъ думаешь, — сказала мнѣ жена и слезы отчаянія дрожали въ ея голосѣ, — если ничего другого нѣтъ?

Генералъ Калитинъ показалъ палкой на потолокъ и сказалъ:

— И думать нечего вамъ тутъ становиться, васъ тутъ заѣдятъ голубиныя вши.

Что это за «голубиныя вши» я, слава Богу, такъ и не узналъ, но, какъ видно Калитина, какъ и меня испугали эти темныя, высокія крыши, вмѣсто потолковъ.

Мы отказались отъ этой квартиры.

— Ну, а больше, барыня, ничего и нѣтъ... Придется вамъ зажить въ канцеляріи. Вѣдь — это — Джаркентъ!.. Тутъ свободныхъ домовъ нѣтъ. Надо знать, какъ этотъ городъ строился.

— Ваше превосходительство, вы сами понимаете, что жить — и долго — въ канцеляріи я не могу.

— А вы собираетесь здѣсь долго оставаться, — хитро прищуривая насмѣшливые глаза, сказалъ генералъ Калитинъ.

Кровь ударила мнѣ въ лицо. Все мнѣ стало сразу понятно. Для Калитина, какъ, вѣроятно, для всѣхъ офицеровъ моего полка, я былъ «столичный гусь», «фазанъ» — словомъ такая птица, которая долго не засиживается въ такихъ мѣстахъ, какъ Джаркентъ и гнѣзда въ нихъ не вьетъ.

— Не знаю, сколько, но думаю, что до тѣхъ поръ, пока вы не освободите мнѣ мѣсто Начальника бригады, и тогда я останусь здѣсь бригаднымъ, если только на то будетъ Монаршая воля.

— Ахъ, вотъ какъ! Ну тогда, или обратитесь къ баю Юлдашеву и попросите его построить вамъ домъ, или стройте домъ своими казаками. Еще разъ повторяю вамъ, что это Джаркентъ и надо знать его исторію, чтобы понять, что тутъ наемныхъ домовъ, квартиръ нѣтъ, я живу въ домѣ бая Юлдашева (отличный былъ домъ у генерала Калитина, вмѣстительный и совсѣмъ европейскій), Сеня Буровъ (такъ называлъ всегда Калитинъ командира 2-го Сибирскаго казачьяго полка) — тоже въ Юлдашевскомъ домѣ, артиллеристы сами построили себѣ дома, ваши офицеры тоже имѣютъ свои дома... Вамъ нѣтъ квартиры — это — Джаркентъ!

13. Джаркентъ

Джаркентъ... По татарски — городъ на яру.

Въ 1871-мъ году Командующій войсками Туркестана генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ приказалъ генералу Колпаковскому для наведенія порядка въ восточномъ Туркестанѣ выступить въ Кульджинскій районъ.

Тамъ, съ 1865 года, со временъ возстанія дунганъ, таранчей и киргизовъ, царила анархія.

Отрядъ въ 1770 человѣкъ изъ Туркестанскихъ Линейныхъ батальоновъ, нѣсколько сотень казаковъ, въ томъ числѣ одна Сибирскихъ изъ станицъ Кокчетавскаго уѣзда, родоначальниковъ 1-го Сибирскаго Казачьяго полка, полуроты саперъ, при капитанѣ Генеральнаго штаба Куропаткинѣ выступилъ на Кульджу.

Въ нѣсколько дней Русскіе разбили и разсѣяли скопища таранчей и дунганъ подъ Аккентомъ, Кетменемъ, Алимту, перешли въ Китайскіе предѣлы, заняли Чинчиходзе-Суйдунъ и подошли къ Кульджѣ. Кульджа сдалась намъ безъ выстрѣла. Нашъ отрядъ оставался въ ней до 1881-го года.

Надо было закрѣпить сдѣланное завоеваніе. Капитану Куропаткину съ Линейнымъ батальономъ и саперами было поручено выбрать мѣсто для созданія въ этомъ краю Русскаго города, будущаго центра уѣзда. Такое мѣсто было выбрано на горной рѣчкѣ Усекъ, текущей изъ ледниковъ горъ Герской Алатау и исчезающей въ камышевыхъ плавняхъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Или.

Здѣсь, на перекресткѣ дорогъ, идущей изъ Вѣрнаго въ Кульджу и изъ горъ Терской Алатау къ рѣкѣ Или и на киргизскія кочевья на плоскогорьѣ Каркару, горъ Кунгей Алатау, у города Каркаралинска, Куропаткинъ и намѣтилъ быть городу. На этомъ мѣстѣ было нѣсколько маленькихъ таранчинскихъ кишлаковъ и... пустыня.

Собранные дунгане и таранчи подъ руководствомъ Линейныхъ солдатъ и саперъ — провели отъ горнаго ручья широкій, сажени три, арыкъ, обсадили его кустами, отъ него провѣсили рейками прямую линію, перпендикулярно арыку, въ трехстахъ шагахъ отъ нея другую такую-же — это были края перваго проспекта, въ четверти верстахъ отъ него и строго параллельно первому проспекту, провѣсили другой и еще въ четверти верстахъ третій. Эти проспекты были протянуты на четыре версты каждый. Ихъ подъ прямыми углами пересѣкли широкія улицы, проложенныя на одинаковыхъ разстояніяхъ. По этой провѣшенной клѣткѣ кварталовъ нарыли арыки, пустили по нимъ воду. Изъ Вѣрнаго привезли садовую разсаду, насадили вдоль арыковъ тополя, акацію, джигду (родъ мимозы), а самые кварталы покрыли садами фруктовыхъ деревьевъ.

Генералъ Калитинъ ,шутя, конечно, говорилъ, что, если въ лессовую почву Семирѣчья воткнуть полированную тросточку съ мѣднымъ наконечникомъ и полить ее обильно водою — то на другой день тросточка покроется листвою.

И это почти не шутка. Почва Семирѣчья столь плодородна и богата, а вѣчное солнце столь животворяще, что розы, посаженныя моею женою въ декабрѣ — весною дали обильный цвѣтъ, фруктовыя деревья плодоносны съ перваго года послѣ посадки, а молодые тополя на второй годъ послѣ посадки, даютъ тѣнь и удваиваютъ ростъ.

Зеленые квадраты обозначали устроенный Куропаткинымъ городъ. Оставалось заселить его.

Городъ захватилъ въ себя имѣніе таранчинскаго князька - бая Юлдашева съ его усадьбой и старыми садами, имѣніе богатаго татарина Нурмаметова съ его прекрасными фруктовыми садами и нѣсколько кишлаковъ рабочихъ-вассаловъ, обслуживавшихъ этихъ мѣстныхъ вельможъ.

Войска стояли биваками въ палаткахъ.

Этимъ войскамъ и было предложено устраиваться въ городѣ. Въ городѣ было оставлено четыре большихъ площади-плаца. Подлѣ нихъ линейцы построили себѣ саманныя казармы-бараки. Позднѣе, когда городъ разросся садами, Инженерное Вѣдомство построило нѣсколько деревянныхъ, бревенчатыхъ бараковъ, частью на окраинѣ между городомъ и головнымъ арыкомъ, частью въ центрѣ города, построило и небольшую гарнизонную церковь «кораблемъ». Подлѣ этихъ казармъ стали лѣпить себѣ изъ самана домики офицеры. Бай Юлдашевъ нашелъ выгоднымъ заняться подрядами для войскъ по поставкѣ продовольствія и фуража и тоже сталъ строить съ подряда казармы и дома для офицеровъ. Такъ въ городѣ появились постройки трехъ родовъ, — Инженерныя — большею частью деревянныя, Юлдашевскія и войсковыя-саманныя.

Когда я пріѣхалъ въ Джаркентъ, въ 1911 году, Джаркентъ представлялъ изъ себя обширный оазисъ — четыре версты длиною и около версты шириною, окруженный полями пшеницы, ячменя, джугары, люцерны и риса.

Широкія аллеи высокихъ раинъ, раскидистыхъ карагачей, джигды, бѣлой акаціи и липъ — образовали тѣнистыя улицы, немощеныя и такія широкія, что сотня свободно могла идти развернутымъ фронтомъ и еще много оставалось мѣста. За Усекомъ къ городу примыкала большая карагачевая роща.

Городъ стоялъ уже сорокъ лѣтъ, а ни одна улица, ни одна площадь не имѣли названія. Обыкновенно говорили: — «на той площади, гдѣ гарнизонная церковь», или тамъ, гдѣ живетъ командиръ 2-го полка, или «подлѣ городского собора», «на улицѣ, гдѣ Нурмаметовскіе сады», или — знаете, гдѣ квартира подполковника Никольскаго».

Никакихъ троттуаровъ, никакихъ фонарей.

Вдоль улицъ двумя узкими тонкими канавками бѣгутъ звонкіе арыки, надъ ними густая зелень высокихъ деревьевъ.

Питьевая вода — изъ этихъ арыковъ. Въ собраніе и начальнику гарнизона возили въ бочкахъ воду изъ головного арыка. Начальникъ гарнизона, генералъ Калитинъ, строго слѣдилъ, чтобы арыки эти не грязнили и велъ непрестанную войну съ офицерскими женами, стремившимися выливать, что не нужно въ арыки и стирать въ нихъ дѣтскія пеленки.

Части, стоявшія въ Джаркентѣ, своихъ офицерскихъ собраній не имѣли. Было общее для всего гарнизона «гарнизонное» собраніе — большая саманная постройка, сдѣланная баемъ Юлдашевымъ. При собраніи былъ хорошій садъ. Гарнизонъ имѣлъ свою небольшую церковь, гарнизонный госпиталь и хлѣбопекарню.

Русское населеніе города состояло почти исключительно изъ чиновъ гарнизона. Гражданскихъ людей было очень мало.

На главной, «парадной» большой площади стояла красивая бѣлорозовая съ золотыми куполами городская церковь — нашъ Соборъ. При ней былъ просторный домъ священника и домъ причта.

Уѣзднымъ начальникомъ былъ полковникъ Василій Васильевичъ Смирновъ, кромѣ него былъ уѣздный врачъ, почтодержатель, три почтовыхъ чиновника, таможенное управленіе, около котораго часто можно было видѣть большіе караваны двугорбыхъ верблюдовъ, прибывшіе изъ Китая съ цибиками чая или воловьими кожами, городское четырехъ-классное училище съ учительницей, два универсальныхъ Русскихъ магазина и, если къ этому прибавить проживавшаго въ Джаркентѣ очень почтеннаго старика Потанина, бывшаго ссыльнаго, которому было принято дѣлать визиты — «пострадалъ за правду» — то это и будетъ все Русское гражданское населеніе Джаркента. Мы, офицеры, какъ то держались отъ него въ сторонѣ. «Каста» все таки сказывалась.

Когда въѣдешь въ Джаркентъ, на его главную улицу, на которой стоятъ обѣ его церкви — откроется длинная, вдаль уходящая, тѣнистая аллея высокихъ деревьевъ, она смыкается вдали и надъ нею точно нависли громадныя горы съ снѣговыми вер-

шинами. Онѣ кажутся такими близкими, что выѣхать за городъ — вотъ онѣ и горы. Это Кунгей-Алатау, или Кенги-Тау, отроги Тянь-Шанскаго хребта, «Небесныхъ горъ». Высота Кунгей-Алату — до 4679 метровъ. До нихъ около ста верстъ. Если повернуть въ обратную сторону — совсѣмъ наступая на городъ, высятся горы хребта Терскей-Алатау съ его мощными ледниками и крутыми недоступными вершинами, высотою до 4500 метровъ. До горъ — 40 верстъ. Черезъ эту широкую долину, въ 24 верстахъ отъ Джаркента, въ морѣ камышей, среди песковъ, въ глубокомъ илистомъ руслѣ течетъ широкая и глубокая рѣка Или. Улицы Джаркента обрамлены съ обѣихъ сторонъ высокими стѣнами. Однѣ побѣлены известкой и выглядятъ опрятно, другія коричневато-сѣрыя, мѣстами обвалились. За ними — густая зелень садовъ. Кое гдѣ фасадомъ выйдетъ на улицу маленькій домикъ въ два, три окошка, бѣлый, саманный съ крылечкомъ, съ высокими окнами со ставнями. На немъ ни номера, ни названія. Но, спросите проходящаго солдата или казака — вамъ скажутъ: — «капитана Петрова», или «поручика Сакулина», или «Командира Стрѣлковаго полка»...

Вотъ почему мнѣ и не было дома. Мой предшественникъ имѣлъ свой домъ и онъ перешелъ къ другому офицеру. Мнѣ оставалось только строиться или просить милости бая Юлдашева.

На той-же главной улицѣ, гдѣ были церкви, стояло и гарнизонное собраніе. Огромная глиняная постройка съ толстыми карагачевыми балками потолка оно выдѣлялось своими размѣрами.

Генералъ Калитинъ, всякій разъ, когда входилъ въ него, показывалъ палкой на толстыя балки потолка и говорилъ:

— Не дай Богъ — землетрясеніе — всѣхъ разомъ задавить и костей потомъ не соберемъ.

Этотъ страхъ землетрясенія, однако, никому не мѣшалъ ходить въ собраніе, посѣщать танцовальные вечера и спектакли и просиживать вечера за игрою въ тетку или въ лото, или сидѣть въ библіотекѣ.

Высокое крытое крыльцо съ каменными ступенями вело въ просторную прихожую, установленную вѣшалками, за прихожей былъ корридоръ, изъ него — налѣво была дверь въ комнату для пріѣзжающихъ и направо въ «дамскую». За корридоромъ былъ большой залъ въ шесть оконъ. Полы были простые изъ широкихъ бѣлыхъ некрашенныхъ тополевыхъ досокъ, онѣ были хорошо вымыты и въ дни баловъ натерты воскомъ, стѣны бѣлыя, безъ обоевъ, бѣленыя известкой. По стѣнамъ висѣли портреты Государя и Государыни въ золотыхъ рамахъ и въ черныхъ багетахъ фотографіи и гравюры героевъ Туркестана: — Скобелева, Кауфмана, Черняева, Колпаковскаго, Іонова, Куропаткина и нѣсколько снимковъ съ картинъ Каразина и Верещагина. Вдоль стѣнъ въ чинномъ порядкѣ стояли буковые «тонетовскіе» стулья. По стѣнамъ висѣли керосиновыя лампы съ круглыми стеклянными колпаками. За заломъ было возвышеніе — сцены, отдѣленное драпировкой и тамъ была устроена гостиная съ мягкими креслами и диваномъ. По другую сторону зала была большая столовая, бильярдная и библіотека.

Библіотека была богатая и очень хорошо подобранная. Въ ней были всѣ классики, военныя книги и все, что было издано о Центральной Азіи. На столѣ лежали на палкахъ газеты и журналы. Собраніе получало: — «Русскій Инвалидъ», «Военный Сборникъ», «Военно-историческій Сборникъ», «Развѣдчикъ», «Стрѣлковый Сборникъ», «Артиллерійскій журналъ», «Вѣстникъ Русской Конницы», «Оружейный сборникъ», «Природу и Охоту», «Новое Время», «Русское Слово», Омскія и Ташкентскія газеты, «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», «Русскую Мысль», книжки «Знанія», «Ниву», «Всемірную Иллюстрацію» и т. п. Читали много и усердно.

Въ часы обѣда и ужина въ столовой собранія было людно и шумно. Холостые офицеры гарнизона столовались въ собраніи, гдѣ хорошо и очень дешево кормили. Въ

Джаркентѣ-же не было ни ресторановъ, ни кондитерскихъ, ни пивныхъ. Русскому человѣку некуда было податься, чтобы поѣсть и отдохнуть. Гарнизонное собранiе гостепрiимно открыло двери и для чиновниковъ Джаркента.

Кромѣ построекъ военныхъ, принадлежащихъ гарнизону, въ Джаркентѣ, на боковыхъ улицахъ помѣщались управленiе и квартира уѣзднаго начальника, у котораго былъ прекрасный музей чучелъ звѣрей и птицъ Семирѣчья, любовно имъ составленный, почтовая контора, большая, красивая, легкой постройки мусульманская мечеть и небольшая китайская кумирня.

Городъ былъ-бы очень красивъ, если-бы не утомляло казарменное однообразiе геометрически правильно разбитыхъ улицъ и площадей, столь похожихъ одна на другую, что трудно было узнавать ихъ.

Прелестны были отдѣльные уголки Джаркента. Идешь, или чаще ѣдешь верхомъ и остановишься и залюбуешься. Обвалившаяся стѣнка, по ней бѣгутъ всѣ въ цвѣту палевыя розы. За стѣнкой буйная поросль плодовыхъ деревьевъ, висятъ гроздья винограда. У стѣны стоитъ осликъ. На пестромъ тряпьѣ навьючены цилиндрическiя корзины, полныя зеленаго и темнаго винограда. Подлѣ ослика таранчинская дѣвушка съ громадной бѣлой хризантемой, заткнутой за ухомъ, въ бѣлой длинной рубашкѣ и пестрой юбкѣ. Совсѣмъ акварельная картинка.

Утромъ при восходѣ солнца и вечеромъ передъ закатомъ Джаркентъ покрывался дрожащимъ золотисто-розовымъ облакомъ нѣжнѣйшей лессовой пыли. Это казаки повели лошадей на Усекъ на водопой, таранчинцы погнали свои стада коровъ, барановъ и ословъ къ рѣкѣ.

Эта пыль, поднятая утромъ постепенно уляжется только къ полудню, чтобы снова подняться къ закату. Она проникаетъ всюду и бѣлый листъ бумаги, положенный на столѣ, черезъ часъ становится сѣрымъ.

Генералъ Калитинъ увѣрялъ, что лессовая пыль весьма полезна для здоровья и будто легочные больные поправляются въ Семирѣчьѣ.

Вдоль западной окраины Джаркента въ глубокомъ руслѣ течетъ въ отвѣсныхъ крутыхъ берегахъ рѣка Усекъ. Русло имѣетъ ширину отъ 300 шаговъ до полуверсты. Оно покрыто мелкой галькой. Самъ же Усекъ мелкiй ручей — сажени четыре шириной и четверть аршина глубиной, мирно пробирающiйся по этой галькѣ. Его берега создали намъ прекрасное, природное зимнее стрѣльбище. Высокiя земляныя стѣны его береговъ сажень двадцать вышиною были отличными прiемниками пуль.

На Вѣрненскомъ трактѣ черезъ Усекъ еще Куропаткинымъ былъ построенъ длинный деревянный мостъ на сваяхъ — гордость Джаркента.

Къ востоку отъ Джаркента синѣютъ голыя скучныя невысокiя Хоргосскiя горы. За ними — Китай. До его рубежа 34 версты.

14. Прiемъ полка

На другой день по прiѣздѣ въ Джаркентъ, къ восьми часамъ утра одѣлся я въ парадную форму, въ темно зеленый мундиръ съ серебряными полковничьими эполетами, съ перевязью и лядункой, сѣлъ на «Гризетку», посѣдланную сѣдломъ съ усовершенствованнымъ мною вьюкомъ и одинъ, безъ вѣстового, поѣхалъ на окраину города, гдѣ на полѣ, подлѣ деревянныхъ бараковъ, долженъ былъ ожидать меня мой полкъ.

Сильно билось мое сердце. Правда, полкъ былъ не весь, но все таки — три сотни, учебная и нестроевая команды — все это представлялось мнѣ внушительнымъ.

Соразмѣряя ходъ своей лошади, чтобы минута въ минуту ровно въ восемь часовъ подъѣхать къ полку, я приближался къ площади. Передо мною высились необычайно

красивыя горы. Снѣговая линія блистала подъ голубымъ небомъ.

На большомъ полѣ, гдѣ слѣва въ ровную линію вытянулись три бревенчатыхъ барака, какъ то прижавшись къ нимъ, неровными частями стоялъ полкъ.

Я увидалъ его новое знамя, алый, съ темно-зелеными углами полковой значекъ, сотенные значки — алый, алый съ зеленымъ и алый съ коричневымъ, линіи двуколокъ и парныхъ повозокъ. Блеснули на солнцѣ трубы трубачей. Сверкнули вынутыя изъ ноженъ шашки.

Я поднялъ лошадь въ галопъ. Трубачи заиграли встрѣчный обще-казачій маршъ. Отъ строя отдѣлился громаднаго роста всадникъ — богатырь на небольшой лошади и, держа шашку «подвысь», поскакалъ мнѣ навстрѣчу.

— Господинъ полковникъ, въ 1-мъ Сибирскомъ казачьемъ Ермака Тимофеева полку, въ строю имѣетъ быть штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 15, сотенъ три, полковая учебная и нестроевая команды. Полкъ построенъ для пріема его вами.

Кто хотя разъ принималъ полкъ — тотъ пойметъ мое волненіе. У меня темнѣло передъ глазами и нѣсколько мгновеній я почти не видѣлъ браваго, полнаго, черноусаго лица рапортовавшаго мнѣ Войскового Старшины. Принявъ письменный рапортъ и засунувъ его за перевязь, я карьеромъ подскакалъ къ полку.

Мой полкъ!

Человѣкъ пятнадцать трубачей на разномастныхъ лошадяхъ усердно трубили въ трубы. Ими дирижировалъ сидѣвшій на маленькомъ сѣромъ конькѣ-горбункѣ худощавый капельмейстеръ въ темнозеленомъ сюртукѣ и фуражкѣ.

Капельмейстеръ былъ — еврей.

На интервалѣ стояла первая сотня со знакомымъ по школѣ есауломъ С. Сотня, какъ и другія двѣ, была такая маленькая, что сотенный командиръ не потрудился разсчитать ее на взводы, и она стояла, какъ одинъ двадцатирядный взводъ.

Люди были высокаго роста и большинство очень красивые. Портила ихъ стрижка волосъ.

Со временъ Петра Великаго у казаковъ была право-привилегія, дарованная имъ Царемъ Преобразователемъ — усовъ и бородъ не брить и волосы носить по своему войсковому обычаю. Этотъ войсковой старинный обычай былъ — стричь волосы въ кружокъ, подбривая затылки и оставляя на головѣ длинные волосы съ чубомъ, обычно подвитымъ. Но казаки послѣднее время почему то не любили этой стрижки и намъ въ гвардіи приходилось бороться, чтобы стрижка эта соблюдалась. Оренбуржцы завели обычай стричься «подъ польку». Волосы стриглись гладко, по солдатски, но оставлялся спереди и съ праваго бока длинный клокъ волосъ, долженствовавшій изображать чубъ. Такою стрижкою лицо уродовалось, въ немъ появлялось нѣчто пошлое, отъ чего несло фабричнымъ пригородомъ.

Вотъ такъ «подъ польку» и были острижены казаки Высочайше мнѣ ввѣреннаго полка. На нихъ были надѣты очень маленькія искусственнаго курпея папахи, то что у Донцовъ называется презрительно «папашки». Одни казаки были въ старыхъ мундирахъ-татаркахъ съ длинными полами, другіе въ короткихъ, новой формы. Отъ этого еще больше пестрилъ строй. Кромѣ того, казаки сидѣли на малорослыхъ лошадяхъ, не подобранныхъ по мастямъ.

Гнѣдая, сѣрая, вороная, рыжая и опять сѣрая —пестрота эта рябила въ глазахъ. Вьюки были потертые, видавшіе большіе походы, мѣдныя пряжки не начищены, поводья не выравнены на лещеткахъ и перекручены. Гривастыя — грива спускалась ниже шеи, — съ лохматыми чолками — лошади мотали головами. Хвосты были запущены.

Я объѣхалъ полкъ.

Мой полкъ!.

Какой, однако, маленькій, не презентабельный, пестрый и видимо плохо обучен-

ный. Лошади жались въ строю. Казаки неровно держали пики.

Печально сжалось мое сердце. Гдѣ-же, однако, были люди? По суточной вѣдомости ихъ должно быть много больше. Вчера, послѣ рапорта дежурнаго по полку офицера я прикинулъ въ умѣ — должно было быть въ каждой сотнѣ по три взвода по десять рядовъ во взводѣ. Трети людей не хватало.

Пропустивъ полкъ мимо себя посотенно, а потомъ по три разомкнутыми рядами я внимательно разсмотрѣлъ лошадей. Онѣ были очень худыя — и не худобою работы и тренировки, тяжелыхъ маневровъ и ученій, но худобою безкормицы.

Приказавъ привязать лошадей на коновязи, а полку въ пѣшемъ строю построиться для опроса претензій, я обошелъ казармы 1-й и 6-й сотенъ. Это были довольно просторные бревенчатые бараки, свѣтлые, съ желѣзными печами. Вмѣсто кроватей были нары. На нихъ лежали жидкіе соломенные матрацы и подушки въ пестрыхъ ситцевыхъ «домашнихъ» наволочкахъ, набитыя сѣномъ. Вмѣсто одѣялъ были старыя, потертыя шинели. Спартанская была обстановка.

Въ проходахъ между стѣнами и нарами стояли грубо сдѣланные, самодѣльные паралельные брусья, кобыла, обитая холстомъ, турникъ и наклонная лѣстница.

Конюшень сотни не имѣли, вмѣсто нихъ были сдѣланные изъ самана самими сотнями навѣсы. Да, суровая, чисто военная была обстановка быта моего полка. И... вездѣ сквозила безхозяйственность, ощущалось дыханіе льготы, а съ нею постоянно смѣняющихся сотенныхъ командировъ, ихъ сознаніе — сегодня здѣсь, а завтра переведутъ въ Вѣрный, Кольджатъ, или совсѣмъ угонятъ за Китай — въ Бахты. Не стоитъ стараться и тратиться, создавая казарменный уютъ.

Вернувшись къ полку я приступилъ къ опросу претензій. И Л. Гв. въ Атаманскомъ полку, гдѣ я прослужилъ 19 лѣтъ, и въ Офицерской Кавалерійской Школѣ по два, по три раза въ году разными начальниками производились такіе опросы претензій и какъ то не принято было ихъ заявлять. О своихъ нуждахъ, проторяхъ и убыткахъ казаки говорили или своему взводному офицеру, или прямо сотенному командиру и все исполнялось, не выходя изъ сотни. И была у насъ потому привычка смотрѣть на такіе опросы претензій лишь какъ на отбываніе номера, предписаннаго закономъ.

Два офицера, сотникъ А. и хорунжій И. — оба не Сибирскіе казаки — заявили претензіи на то, что до сего времени не получили призовыхъ денегъ за взятые ими въ прошломъ году призы на бригадной скачкѣ.

Казаки претензій не заявили. Я проходилъ вдоль фронта и вглядывался въ ихъ лица. Хорошія, открытыя были лица, казаки смотрѣли на меня просто, ясными сѣрыми и карими глазами встрѣчая мой взглядъ и вслѣдъ мнѣ неслось: — «не имѣемъ... не имѣемъ... претензій не имѣемъ!».

Отпустивъ полкъ, я приказалъ господамъ офицерамъ собраться къ 12-ти часамъ дня въ полковой канцеляріи. Тамъ была «сборная комната», гдѣ стояло нѣсколько стульевъ, висѣли портреты бывшихъ командировъ полка и была учебная черная доска. Эта комната была предназначена для бесѣдъ съ офицерами и для занятій съ ними, когда тѣ не производились въ гарнизонномъ собраніи.

Мнѣ предстояло самое трудное — распутать тотъ узелъ нашихъ отношеній, который завязался помимо меня и о которомъ меня предупредили и въ Главномъ Штабѣ и у генерала Самсонова.

15. «Разговоръ» съ господами офицерами

Господа офицеры въ парадной формѣ стояли длинной шеренгой. Сверкали серебряные эполеты, портупеи и перевязи, кое у кого на шашкахъ висѣли Анненскіе темляки «за храбрость» — отличія Японской войны. Были и боевые ордена съ мечами и бантами. И у меня таковые были, и это роднило меня съ ними.

Я обходилъ ихъ строй и здоровался съ ними. Офицеры мнѣ представлялись.

— Войсковой Старшина Ефимъ Никитичъ Осиповъ, завѣдующій хозяйствомъ.

Гигантъ саженнаго роста, такой же въ плечахъ, красавецъ, брюнетъ, съ черными усами, съ большими, ясными, блестящими глазами въ длинныхъ рѣсницахъ поклонился мнѣ. Все въ немъ было пропорціонально и вмѣстѣ съ тѣмъ массивно, самый голосъ его мягкій и ровный, видимо притушенный — будто говорилъ: — «не бойся, что я такой великанъ и силачъ, я человѣкъ добрый». Таковъ былъ первый мой помощникъ и сотрудникъ.

— Войсковой Старшина Первушинъ, помощникъ по строевой части.

Въ противоположность Осипову, Первушинъ былъ совсѣмъ маленькаго роста. Крѣпкій, худощавый, съ загорѣлымъ почти до черна лицомъ, бритымъ, съ острыми охотничьими сѣрыми глазами, прекрасно выправленный, онъ смотрѣлъ на мой значокъ Павловскаго училища. На груди у него былъ такой-же. Мы были одного училища. Мы безъ словъ понимали другъ друга.

— Есаулъ С. (я не называю фамилію этого достойнѣйшаго офицера, потому, что она совершенно выпала изъ моей памяти) — командиръ 1-й сотни.

— Ну, какъ ваше сердце теперь? — спросилъ я его.

— Ничего, господинъ полковникъ, лучше немного. Но одышка одолѣваетъ.

Есаулъ С. былъ тученъ. Школьная работа подорвала его здоровье. Онъ задыхался. Онъ прохворалъ въ полку три мѣсяца — сотней командовалъ его старшій офицеръ, сотникъ Анненковъ, а дѣла хозяйственныя вѣдали его жена съ вахмистромъ. Въ декабрѣ онъ скончался. Помню его, тихаго и кроткаго — уже на смертномъ одрѣ, когда я заходилъ навѣщать его. Онъ все извинялся, что такъ долго хвораетъ и не можетъ какъ слѣдуетъ приняться за сотню.

— Вѣдь повести хотѣлъ сотню, какъ вы въ Школѣ учили. Я все говорю, что нужно сдѣлать Борису Владиміровичу (Анненкову). Онъ исполняетъ хорошо, старается, — говорилъ мнѣ С., мягко улыбаясь, — а вотъ встану и самъ все налажу.

Но уже было видно, что кончался человѣкъ, уходилъ отъ насъ навсегда.

Когда онъ умеръ — свои плотники соорудили ему гробъ, да такой большой, что внести-то его внесли какъ то бокомъ въ квартиру, а какъ положили покойника то уже вынести и не было возможности. Надо было вынимать мертвеца и перекладывать наружу.

Помню — замѣшательство на крыльцѣ. На улицѣ готовъ для гроба орудійный лафетъ, любезно предоставленный намъ Артиллерійскимъ дивизьономъ, хоръ трубачей играетъ «Коль славенъ», пѣвчіе поютъ «Святый Боже, Святый Крѣпкій». Конная сотня ожидаетъ своего командира, чтобы проводить его въ послѣдній походъ, а никто не рѣшается взяться за покойника, лежащаго въ парадномъ мундирѣ въ гробу. Я подошелъ къ нему и взялъ его за плечи. Тогда бросились и другіе офицеры и казаки, подняли покойника, подержали его на рукахъ, пока бокомъ протащили гробъ и уложили снова мертваго. И до сихъ поръ, когда услышу «Коль славенъ» и пѣніе пѣвчихъ «Святый Боже», — все кажется, что у меня лежитъ на рукахъ сѣдая голова стараго есаула С...

— Подъ-есаулъ Вячеславъ Ивановичъ Волковъ, командиръ 4-й сотни.

Русая бородка и усы на красивомъ смѣломъ лицѣ — облагороженный нашъ Шефъ — Ермакъ Тимофеевичъ! На груди распла-

станный орелъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища. Острый взглядъ испытующе смотритъ на меня, будто спрашиваетъ: — «каковъ то ты? Куда поведешь насъ? Достоинъ-ли нами командовать?» И мнѣ кажется — что вотъ онъ — глава оппозиціи.

— Подъесаулъ Калмыковъ, командиръ 6-й сотни:

Смуглое темное лицо, монгольскаго типа. Непреклонная воля въ глазахъ.

А дальше пошли младшіе офицеры: — Сотникъ Дороговъ-Ивановъ, начальникъ нестроевой команды и завѣдующій оружіемъ, сотникъ Анатолій Павловичъ Калачевъ, на кого я возлагалъ столько надеждъ, сотникъ Геннадій Петровичъ Самсоновъ — щеголеватый адъютантъ со значкомъ Николаевскаго училища и въ тонкихъ аксельбантахъ, сотникъ Асановъ, — полковой казначей, сотникъ Борисъ Владиміровичъ Анненковъ, Хорунжій Грибановъ, Хорунжій Леонидъ Александровичъ Артифексовъ, начальникъ полковой учебной команды, хорунжій Ивановъ, хорунжій Поповъ, хорунжій Иванъ Красильниковъ и два офицера послѣдняго выпуска — хорунжіе Берниковъ и Мина Покровскій. Старшій врачъ Коллежскій Совѣтникъ Бѣлевичъ, ветеринарный врачъ, дѣлопроизводитель по хозяйственной части — коллежскій совѣтникъ, капельмейстеръ Лагунъ—вотъ они всѣ, мои тогдашніе сотрудники и помощники... возможно—моя оппозиція. Однихъ, какъ Волкова, Калмыкова, Анненкова, Артифексова, Красильникова — судьба вознесла высоко, заставила рѣшать задачи чрезмѣрныя, часто непосильныя имъ, другимъ предоставила выпить до дна горькую чашу Русскаго офицера въ пору захвата власти большевиками, и почти всѣхъ уложила въ могилу, многихъ при крайне трагическихъ обстоятельствахъ.

Я отпустилъ чиновниковъ и остался съ одними офицерами. Внутри я сильно волновался. Несмотря на привычку говорить передъ офицерами — въ Школѣ я читалъ лекціи о ѣздѣ и выѣздкѣ лошади — я чувствовалъ, что мнѣ трудно будетъ говорить. Вѣдь мнѣ было извѣстно, что передо мною, если не прямо враги, то во всякомъ случаѣ люди, настроенные противъ меня, мои недоброжелатели. По пріему полка, по тому, что никто изъ офицеровъ меня не встрѣтилъ, когда я пріѣхалъ, никто не помогъ въ трудномъ квартирномъ вопросѣ, что все время чувствовалась только холодная вѣжливость дисциплинированныхъ людей, по тому, что два офицера оффиціально заявили претензіи, я могъ видѣть, что «тревожныя ауспиціи» существовали и что не напрасно я былъ предупрежденъ.

Одно говорить, когда знаешь, что слушатели къ тебѣ расположены и совсѣмъ другое, когда они равнодушны, или и прямо настроены враждебно.

Я стоялъ спиною къ окнамъ, они лицомъ къ свѣту. Имъ мое лицо не было видно, я видѣлъ каждый оттѣнокъ ихъ выраженія.

— Господа, — сказалъ я, — мнѣ извѣстно, что вы весьма недовольны моимъ назначеніемъ командиромъ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка и ваше недовольство я такъ понимаю и сочувствую ему. Я самъ переживалъ тоже, что и вы, когда Донскіе полки давали въ командованіе не казакамъ...

— Вы недовольны... Долженъ вамъ признаться, что и я не доволенъ и не обрадованъ своимъ назначеніемъ. Я мечталъ получить родной мнѣ Донской полкъ, гдѣ офицеры и казаки меня знаютъ и я ихъ знаю, гдѣ крупныя кровныя лошади, полкъ, гдѣ имѣются прекрасныя казармы, наконецъ, получить хорошую культурную стоянку на желѣзной дорогѣ. Я получилъ чужой мнѣ полкъ, гдѣ меня не знаютъ и гдѣ я никого не знаю, полкъ, разбросанный на сотни верстъ, съ мелкими лошадьми, стоящій въ глуши... Вы видите, что мнѣ приходится дѣлить съ вами всѣ тяжести жизни на далекой окраинѣ, въ некультурной, почти бивачной обстановкѣ...

Я слѣдилъ за выраженіемъ лицъ офицеровъ. Я замѣтилъ, что по лицамъ Осипова, Первушина и Волкова, какъ бы какая то тѣнь пробѣжала. Я продолжалъ:

— На мое назначеніе вашимъ командиромъ была воля Государя Императора. Эта воля равно священна, какъ для меня, такъ и для васъ. Я увѣренъ, что вы поймете меня, и съ полнымъ усердіемъ приметесь за работу по воспитанію и обученію полка, по созданію полка, достойнаго носить имя нашего шефа, покорителя Сибири — Ермака Тимофеевича. Тяжело?! Равно тяжело будетъ и мнѣ, и вамъ. Будемъ дружно работать и въ этой работѣ забудемъ то тяжелое, что залегло въ нашихъ сердцахъ... Я пріѣхалъ къ вамъ изъ Петербурга, гдѣ родился и выросъ и вотъ я вамъ говорю, что не дома, не монументы, не улицы и площади создаютъ — Петербургъ, но его люди и его работа. Мы въ своихъ казармахъ часто забывали, что мы въ Петербургѣ. Если мы поставимъ нашу жизнь, нашу службу въ Джаркентѣ такъ, какъ мы ставили ее въ Петербургѣ — мы въ Джаркентѣ, среди его садовъ и пустыни забудемъ скромную бѣдность нашихъ жилищъ и не познаемъ скуки окраинной жизни... Можете быть свободны, господа.

Мѣрно звякнули шпоры, офицеры отвѣтили на мой поклонъ, повернулись и стали молча выходить изъ канцеляріи. Я остался одинъ. Въ окно я видѣлъ, какъ одни шли пѣшкомъ, другіе садились на ожидавшихъ ихъ лошадей.

Они расходились и разъѣзжались молча. Это было хорошимъ для меня признакомъ.

На другой день задолго до свѣта я верхомъ въ сопровожденіи сотника Калачева уѣхалъ въ Кольджатъ. Мнѣ предстояло сдѣлать 111 верстъ и подняться на высоту почти 3000 метровъ.

Къ вечеру я былъ въ Кольджатѣ, гдѣ былъ радушно принятъ командиромъ 3-й сотни есауломъ Толмачевымъ и его женой. Они накормили меня прекраснымъ ужиномъ и устроили ночевать въ отдѣльной комнатѣ своей постовой квартиры.

На другой день съ утра я смотрѣлъ сотню, опрашивалъ претензіи, давалъ указанія, составлялъ росписанія, словомъ продѣлалъ все то, что дѣлалъ въ Вѣрномъ съ тамошними сотнями.

Есаулъ Толмачевъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе дѣльнаго и знающаго офицера.

Три года спустя, когда меня уже не было въ полку, въ этомъ самомъ Кольджатѣ, на громадной высотѣ, на сотенномъ дворѣ, подъ грозными утесами отроговъ Небесныхъ горъ, есаулъ Толмачевъ выдавалъ казакамъ жалованье. Онъ сидѣлъ за столомъ, казаки стояли кругомъ него. Какой то негодяй казакъ изъ за спины товарищей застрѣлилъ выстрѣломъ въ затылокъ изъ винтовки своего сотеннаго командира. Былъ полевой судъ. Даже особыхъ причинъ не было.

— Такъ!.. Осерчалъ очень на него, — тупо говорилъ казакъ.

Казаки той-же третьей сотни разстрѣляли негодяя. Серьезный былъ народъ... Горная высота, утесы неприступныхъ горъ, полное, монастырское уединеніе давили казаковъ и дѣлали такіе случаи возможными.

Подъ ночь, воспользовавшись луной, я выѣхалъ обратно изъ Кольджата и къ утру былъ дома — въ канцеляріи.

Этотъ пробѣгъ ночью, вдвоемъ съ Калачевымъ, мы и вѣстовыхъ не брали, пробѣгъ по пустынѣ и горамъ произвелъ тоже хорошее впечатлѣніе на полкъ. Онъ зарекомендовалъ и меня, и мою лошадь.

— Серьезный командиръ... И чистокровная, оказывается, можетъ состязаться съ киргизомъ на дальнюю дистанцію.

Многое еще предстояло мнѣ. Надо было разъискать и вернуть бывшихъ «въ нѣтяхъ» людей, выравнжировать сотни, подобравъ ихъ по мастямъ, перемѣнить стрижку и измѣнить весь кругъ занятій.

Одно затрагивало интересы офицеровъ и ихъ семей, другое нарушало войсковыя традиціи и все въ общемъ накладывало на офицеровъ большую и тяжелую работу, лишая ихъ свободнаго времени и отрывая ихъ отъ картъ и вина. Тутъ то я и долженъ былъ встрѣтить самую серьезную оппозицію. Я искалъ себѣ союзниковъ.

16. Разговоръ съ полковымъ адъютантомъ. Рѣшительный приказъ

Это почти всегда такъ бываетъ, что полковой адъютантъ очень скоро становится довѣреннымъ и другомъ командира полка. Это-же такъ понятно и естественно. Командиръ полка и адъютантъ цѣлыми днями вмѣстѣ, не разстаются. Особенно на новомъ для командира полка мѣстѣ, гдѣ командиръ еще не твердо знаетъ, гдѣ какая часть расположена, кто ею командуетъ, какъ имя и отчество того, или другого офицера, фамилія вахмистра или урядника, кто женатый, кто холостой. Мелькнетъ въ докладѣ адъютанта характеристика того или другого офицера, часто очень мѣткая и всегда весьма нужная командиру. Вмѣстѣ командиръ и адъютантъ составляютъ приказъ и — хочешь, не хочешь — а адъютантъ принужденъ отвѣчать на вопросы командира полка, на его: — «почему?», «отчего»?, «кто»?

— Почему, Геннадій Петровичъ, въ полку лошади такія худыя? Я такихъ худыхъ и на Японской войнѣ не видалъ.

— Какъ имъ не быть худыми, господинъ полковникъ, вѣдь согласно съ приказомъ по Военному Вѣдомству, сухой фуражъ казачьимъ полкамъ Сибирскаго казачьяго войска полагается только на десять мѣсяцевъ? Сентябрь и октябрь — травяное довольствіе на подножномъ корму. Приказъ писали, полагая, что полки стоятъ въ Сибири, а они оказались въ Туркестанѣ. Здѣсь травы нѣтъ. Или надо покупать люцерну, или гнать за триста верстъ на рѣчку Каркару, на плоскогорья, подъ Пржевальскъ, а тамъ киргизскія кочевья — не позволяютъ пасти тамъ лошадей. Вотъ два осеннихъ мѣсяца въ году лошади и остаются безъ корма.

— Что же онѣ ѣдятъ?

— Ничего, господинъ полковникъ. Какъ говорится — газеты читаютъ.

Въ узкомъ и длинномъ канцелярскомъ кабинетѣ командира полка, гдѣ я сижу за письменнымъ столомъ, сгущаются сумерки. Въ окна безъ занавѣсей видны темнѣющіе силуеты тополей. Слышнѣе къ ночи звонъ арыка подъ окномъ. Сотникъ Самсоновъ стоитъ противъ меня съ папкой доклада въ рукѣ. Я смотрю на его красивое лицо съ тонкими изящными чертами, на густые вьющіеся темные волосы, на золотого орла съ распластанными крыльями — значекъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, смотрю въ сѣрые глаза Геннадія Петровича — вижу въ нихъ довѣріе и преданность, готовность помочь командиру. Черезъ генерала Калитина я знакомъ съ біографіей своего адъютанта. Онъ сынъ вахмистра въ этомъ самомъ 1-мъ Сибирскомъ казачьемъ полку, сподвижника Скобелева, георгіевскаго кавалера всѣхъ четырехъ степеней. Геннадій Петровичъ окончилъ Омскій кадетскій корпусъ и Николаевское кавалерійское училище, онъ кругомъ военный, и онъ меня пойметъ.

— Скажите мнѣ, Геннадій Петровичъ, почему здѣсь офицеры и казаки такіе хмурые и точно забитые. Все не могутъ примириться съ моимъ назначеніемъ?.

— О, нѣтъ, господинъ полковникъ. Надо знать здѣшнее положеніе... Мы очень здѣсь и во всемъ унижены.

— Унижены? вотъ какъ! Но, кто-же можетъ и смѣетъ унижать казака-Ермаковца?

— Тутъ такъ, господинъ полковникъ... Если осенью прольютъ дожди — станетъ непролазная грязь и натоптаны въ ней узкія тропинки — вдвоемъ не разойтись, одному нужно сходить въ грязь. И вообще вы видѣли мѣстами аллея между арыками тоже узкая... А тутъ требуютъ, чтобы казаки и офицеры... уступали дорогу туземцамъ. Ну и идетъ какой нибудь бай Юлдашевъ, или мѣстный аксакалъ, а то и просто дунганинъ «купеза» — а ты сходи въ грязь, уступай ему дорогу. Очень это все обидно. Наши казаки черезъ это и въ городъ въ отпускъ не ходятъ, сидятъ по казармамъ. Чуть что — на казака жалоба. Казакъ всегда виноватъ — таранчинецъ правъ... Ну и обидно...

— Кто-же установилъ такой странный порядокъ?

— Бывшій командиръ полка... Ну и бригадный — тоже — боится недоразумѣній... Бай Юлдашевъ на него вліяніе имѣетъ. Онъ ему и домъ построилъ, видали какой! Тоже городской голова — кто онъ такой — неизвѣстно... Говорятъ — соціалистъ... Ну и боятся его. Донесетъ.

— Странно. Сколько служу ничего подобнаго не видалъ.

Вспомнилась мнѣ Индія, гдѣ я былъ проѣздомъ за десять лѣтъ до полученія полка, въ 1901-мъ году. Тамъ я видалъ англійскіе гарнизоны въ Бенаресѣ, Агрѣ и Кальküттѣ и какъ тамъ держали себя офицеры и англійскіе солдаты передъ туземцами.

Я молчалъ, обдумывая положеніе. Зналъ, что на нашей службѣ, какъ говорятъ солдаты: — «не довернешься — бьютъ и перевернешься — бьютъ». Совсѣмъ стемнѣло. Писарь внесъ зажженную керосиновую лампу съ зеленымъ картоннымъ колпакомъ.

— Геннадій Петровичъ, — сказалъ я, — вы сдали приказъ на гектографъ?

— Нѣтъ еще.

— Подождите сдавать. Я напишу сейчасъ еще параграфъ, который вы поставите сейчасъ послѣ параграфа о занятіяхъ. Да закройте двери, мнѣ надо хорошенько обдумать его.

Деликатный адъютантъ вышелъ изъ кабинета. Передо мною — листъ бумаги, ярко освѣщенный лампой. За спиною — темное окно. Тамъ городъ, и было въ городѣ страшно, томительно тихо. Чуть шуршали листья тополей, да, неумолкая, пѣли свою тихую ночную пѣсню арыки. Прохладная ледниковая вода, булькая, бѣжала по нимъ.

Я писалъ: — «званіе казака-солдата высоко и почетно. Государь Императоръ носитъ воинское званіе и есть первый солдатъ Россійской Арміи. Мы должны постоянно помнить и сознавать, какое высокое званіе мы носимъ и обязаны потребовать къ себѣ должное уваженіе.

«Казакъ, выходя изъ казармъ въ городъ, долженъ постоянно помнить, что онъ имѣетъ честь носить мундиръ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка, онъ долженъ быть чисто и строго по формѣ одѣтъ и всегда быть при шашкѣ.

«Казакъ долженъ быть вѣжливъ и услужливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавать свое высокое званіе.

«Казакъ никому не долженъ уступать дорогу, кромѣ господъ офицеровъ и старшихъ надъ нимъ казаковъ и солдатъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, какъ Русскихъ, такъ и туземцевъ. Всѣ остальные, кто-бы они ни были, должны уступать дорогу казаку.

«Казакъ не можетъ позволить, чтобы кто нибудь посмѣлъ его обругать, или тѣмъ болѣе ударить. Казакъ долженъ помнить, что Государь Императоръ не напрасно разразрѣшилъ воинскимъ чинамъ ходить при оружіи. Дерзкій долженъ быть наказанъ».

Я позвонилъ и передалъ написанное адъютанту.

— Помѣстите это въ сегодняшній приказъ.

Я наблюдалъ, какъ мѣнялось выраженіе лица Самсонова. Сначала оно выразило удивленіе, потомъ стало озабоченнымъ, даже какъ бы испуганнымъ.

— Господинъ полковникъ, вы не боитесь отдать такой приказъ? — нерѣшительно сказалъ онъ.

— Вы находите, что въ немъ есть что нибудь незаконное?

— Незаконное? нѣтъ... Но...

— Ну, договаривайте.

— Непремѣнно будутъ сразу столкновенія. Разбаловались у насъ очень таранчинцы. Они ни за что казаку дорогу не уступятъ. Не всегда уступаютъ и офицеру.

— Ну вотъ казакъ и научитъ такого гуся порядку.

— Бригадный будетъ очень недоволенъ.

— Его это не касается. Я отдаю приказъ полку, а не бригадѣ.

Приказъ былъ отданъ. Результаты его сказались въ первую же недѣлю. Таранчинецъ, не уступившій дороги казаку былъ имъ такъ отшвырнутъ въ сторону, что вихремъ помчался съ жалобами и не ко мнѣ, а прямо къ генералу Калитину. Въ другомъ

случаѣ дошло до драки, было обнажено оружіе и были легкія раненія. Потомъ все успокоилось, туземцы стали уступать дорогу, иные кланялись.

Всѣ мои офицеры и казаки, отъ самыхъ старшихъ — Осипова и Первушина, до младшихъ, до послѣдняго казака были очень довольны. Я завоевалъ расположеніе полка.

Бригадный командиръ и начальникъ штаба бригады, генеральнаго штаба полковникъ Криницкій, были взбѣшены. Бригадный грозилъ мнѣ всякими карами, вплоть до отрѣшенія отъ командованія полкомъ и преданія суду, часами сидѣлъ у моей жены и доказывалъ ей, что я слишкомъ молодъ, чтобы командовать полкомъ и что Джаркентъ не Петербургъ, что впрочемъ для нея и не требовало особыхъ доказательствъ. Онъ говорилъ ей, что мнѣ здорово влетитъ...

Мой приказъ, помимо нормальнаго пути «по командѣ», попалъ въ Ташкентъ генералу Самсонову въ порядкѣ анонимнаго доноса съ обильными комментаріями на мой счетъ и угрозами, писанными явно Русскимъ человѣкомъ.

Черезъ три недѣли я получилъ въ частномъ письмѣ отъ Самсонова и мой приказъ и доносъ съ припиской на немъ рукой Командующаго войсками: — «молодецъ, Петръ Николаевичъ. Вполнѣ согласенъ и одобряю. А. С.».

Однако, отданіе этого приказа я не могу поставить себѣ въ заслугу. Я зналъ, что въ лицѣ генераловъ Фольбаума и Самсонова я найду защитниковъ. Я зналъ, что длиннѣйшій «тетенькинъ хвостикъ» тянулся черезъ Вѣрный и Ташкентъ до самаго Петербурга и даже до Царскосельскаго дворца, зналъ, что тамъ меня не выдадутъ, не посрамятъ и въ обиду не дадутъ.

Отдавая этотъ приказъ я твердо вѣрилъ и въ своихъ офицеровъ и казаковъ — вѣрилъ, что злоупотреблять имъ они не будутъ. И не ошибся. Казаки пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Было трогательно узнавать отъ постороннихъ лицъ, не говорю, наблюдать, — то, что дѣлалось на глазахъ у командира полка не въ счетъ, — но было радостно слышать, какъ подчеркнуто были вѣжливы казаки къ старымъ и немощнымъ, къ дунганскимъ матронамъ и малымъ дѣтямъ. Они вполнѣ поняли мою мысль и никогда не злоупотребляли моимъ довѣріемъ.

17. Колебанія и сомнѣнія

Расписаніе занятій было составлено мною и разослано по сотнямъ съ рядомъ указаній, какъ его примѣнять. Въ немъ было отведено много мѣста одиночному обученію казака и выѣздкѣ лошади. Было указано, что хорошо обученнаго казака на выѣзженной лошади всегда просто поставить во взводъ и въ сотню. Поэтому первый, зимній періодъ былъ полонъ гимнастики, маршировки учебнымъ шагомъ подъ барабанъ (казаковъ! подъ барабанъ!!), шашечныхъ пріемовъ, прикладки, наводки со станка, выѣздки лошади, напрыгиванія ея на кордѣ, работы лошади въ рукахъ (на уздечкѣ!), всевозможныхъ горизонтальныхъ и боковыхъ круговъ (маханіе по воздуху!!) шашкой и пикой для развитія кисти руки, локтя и плеча и тому подобныхъ «скучныхъ ужасовъ».

И вотъ два дня спустя, когда съ расписаніемъ разобрались и разсмотрѣлись, когда на личныхъ моихъ посѣщеніяхъ убѣдились, что я въ серьезъ требую ѣзды безъ стременъ и поводьевъ и гимнастики на лошадяхъ, работы въ рукахъ молодыхъ лошадей, корды и т. п., что на пѣшемъ ученьи требую «игры носка», постановки ноги на весь слѣдъ, проноса ноги безъ «подсѣканія» и пр., и пр. — вечеромъ адъютантъ доложилъ мнѣ, что сотники Анненковъ, Доро-

говъ-Ивановъ и хорунжіе Артифексовъ и Ивановъ просятъ меня принять ихъ по частному дѣлу.

Когда всѣ они пришли, адъютантъ, какъ видно это было сговорено между ними, остался при мнѣ. Я попросилъ всѣхъ садиться и спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Пришедшіе говорили то всѣ сразу, то перебивая другъ друга, видимо очень взволнованные и возбужденные.

— Господинъ полковникъ, — началъ Анненковъ, — мы къ вамъ по полковому дѣлу... Вотъ сколько я служу въ полку, мы на ученьяхъ, смотрахъ, состязаніяхъ въ рубкѣ, скачкахъ, мы, то есть я хочу сказать — наши казаки, были до сихъ поръ всегда на второмъ мѣстѣ.

— Это ужасно обидно, господинъ полковникъ, — сказалъ Ивановъ.

— Мы 1-й полкъ, господинъ полковникъ, сказалъ Дороговъ Ивановъ, — а 2-й полкъ у насъ всѣ призы выхватываетъ.

— Наши люди и лошади лучше чѣмъ во 2-мъ полку, — сказалъ Артифексовъ.

— И мы всегда — биты, — подтвердилъ Анненковъ.

— Но вѣдь это всецѣло отъ васъ зависитъ, чтобы этого больше не было, — сказалъ я.

— Мы, господинъ полковникъ, всею душою, — сказалъ Артифексовъ, — мы сколько хотите готовы работать, но вотъ въ чемъ дѣло...

Онъ замялся и всѣ вдругъ замолчали чѣмъ то смущенные и растерянные.

Послѣ минутнаго молчанія, которое я не прерывалъ, началъ говорить самый смѣлый изъ нихъ Сотникъ Анненковъ:

— Получили мы ваше росписаніе занятій. На дняхъ придутъ молодые казаки... Учить ихъ по вашему?..

И опять всѣ примолкли и потупились.

— Ну, что-же, учить по моему росписанію?

— Мы никогда не поспѣемъ. Великимъ постомъ начнутся состязанія и опять 2-й полкъ заберетъ у насъ подъ носомъ всѣ призы.

— Не заберетъ, — увѣренно сказалъ я.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ Дороговъ Ивановъ, — вотъ вы сами увидите, во 2-мъ полку съ первой недѣли проскачка съ рубкой и джигитовкой и генералъ Калитинъ такъ требуетъ. У нихъ съ перваго дня ѣзда при полной боевой амуниціи, а у насъ...

— У насъ потихоньку, — сказалъ я, — и все таки мы обгонимъ.

— Вы въ этомъ увѣрены, господинъ полковникъ?

— Ни мало не сомнѣваюсь.

Весь этотъ разговоръ шелъ наивно, восторженно, съ такою неоспоримою страстною любовью къ полку, съ такимъ милымъ полковымъ самолюбіемъ, что мнѣ радостно было смотрѣть на нихъ и слушать ихъ. Я ихъ увѣрилъ и поручился, что мы никакъ и нигдѣ, ни въ чемъ не только не отстанемъ отъ 2-го полка, но, если они приложатъ усилія, то и заберемъ всюду первыя мѣста.

Когда они, успокоенные, ушли отъ меня, я задумался. «Съ такими офицерами можно служить, можно приступить къ самымъ смѣлымъ задачамъ и быть увѣреннымъ, что все будетъ выполнено съ полнымъ усердіемъ, на совѣсть. Эти люди поведутъ полкъ къ побѣдамъ на мирныхъ маневренныхъ и учебныхъ поляхъ, а потомъ, если Господу Богу будетъ угодно послать намъ и боевое испытаніе, то и на поляхъ сраженій».

18. Моя квартира

Утрясалась какъ-то и моя личная жизнь въ полку. Я уже оканчивалъ вторую недѣлю жизни въ казармѣ при канцеляріи, теряя все болѣе и болѣе надежду на улучшеніе моего квартирнаго вопроса, когда, однажды, зашелъ къ намъ сейчасъ послѣ утреннихъ занятій мой помощникъ войсковой старшина Осиповъ и сказалъ:

— Здѣсь черезъ домъ отъ васъ живетъ жена есаула Калачева, который теперь на льготѣ. У нея собственный домикъ. Она собирается ѣхать къ мужу въ Кокчетавъ и очень хотѣла-бы предложить домъ вамъ. Да все не рѣшается. Она хотѣла-бы получать двадцать рублей въ мѣсяцъ за домъ. Домъ очень не плохой. Калачевы хозяйственные люди и строили домъ хорошо.

Мы съ женой сейчасъ же пошли смотрѣть предлагаемый намъ домикъ. Это была саманная постройка, фасадомъ выходившая на проспектъ. Четыре окна, не на равныхъ разстояніяхъ были на улицу, одно сбоку на маленькій дворъ и три окна на садъ и задній дворъ. Полы и потолки были дощатые, бѣлые, некрашеные. Покатыя кверху стѣны были свѣже побѣлены известкой.

Есаульша насъ ожидала. Она только что окончила побѣлку стѣнъ и теперь сама мыла полы. Мою жену и меня это смутило, — «шокировало». Было совѣстно, что вотъ офицерская жена и полы моетъ, но по тому, какъ къ этому отнесся Е. Н. Осиповъ, мы поняли, что это дѣло обыкновенное и что тутъ этимъ не стѣсняются.

Есаульша показала намъ домъ и говорила пѣвучимъ, красивымъ Русскимъ говоромъ:

— Вотъ, смотрите сами, очень не хвалю, конечно, сами съ мужемъ и строили, безъ какого тамъ архитектора, кое гдѣ, можетъ быть, и криво вышло, а домъ чистый. Чтобы тамъ клопы, или лягушки въ немъ — этого и въ заводѣ никогда не бывало. Печи мы настоящія ставили — зимою разъ протопите — всю недѣлю тепло держитъ. Потолки тоже нигдѣ не протекаютъ.

Входъ въ домъ былъ черезъ деревянное крылечко подъ крышей. Стеклянная дверь вела въ сѣни. Изъ сѣней налѣво была дверь въ длинную просторную комнату въ три окна, два почти рядомъ и третье послѣ широкаго простѣнка.

— Это, — говорила любезная хозяйка, — скажемъ, у васъ залъ будетъ, или гостиная. Тутъ дверь — и очень удобно въ столовую, потому что изъ нея дверь на дворъ, а на дворѣ у васъ кухня будетъ, ни запаха кухоннаго, ничего такого не будетъ. На дворѣ помѣщеніе для казака и, если прислугу какую возьмете, то тоже комната есть. А тутъ былъ у мужа кабинетъ въ одно окно, но свѣтлый, а за столовой спальня въ два окна, всего значитъ въ домѣ выходитъ четыре комнаты. Изъ спальни прямо дверь въ садъ, а садъ у насъ хорошій. Урюка будетъ лѣтомъ! не оберете всего. Такъ вотъ, если цѣна моя не обидна для васъ, такъ и берите съ Богомъ и меня выручите и вамъ, Богъ дастъ, будетъ удобно.

Не было мѣста лошадямъ, но Ефимъ Никитичъ быстро разрѣшилъ мои сомнѣнія.

— Я вамъ сегодня-же пришлю таранчинцевъ, въ три дня они слѣпятъ вамъ какую хотите конюшню съ денниками и съ помѣщеніемъ для вѣстовыхъ. А полковые мастера двери и окна поставятъ. Въ недѣлю все и будетъ кончено.

Черезъ недѣлю мы и переѣхали, то есть вѣрнѣе — перетащили Калитинскія кровати и стулья и поставили ихъ въ кабинетѣ и спальнѣ. Г. П. Самсоновъ отыскалъ гдѣ-то переселенку Русскую, лѣтъ тридцати, которая бралась служить одной прислугой и быть «за все» и которая, какъ потомъ оказалось, ничего рѣшительно не умѣла.

Мы поселились въ пустомъ домѣ. Въ окна безъ занавѣсей ярко свѣтило Джаркентское солнце и кидало квадраты золота на бѣлые полы изъ неровныхъ досокъ. Мы купили на рынкѣ временные столы и табуреты, обзавелись кое какою посудою и зажи-

ли своимъ домомъ. Было пусто, голо и скучно и все таки несравненно лучше, чѣмъ въ канцеляріи. Мы никого не стѣсняли и насъ никто не стѣснялъ. Наши лошади были съ нами, наша собака вернулась къ намъ, въ комнаты, и поселилась въ сѣняхъ вѣрнымъ сторожемъ. Для моей жены доступнѣе стало ея любимое и единственное здѣсь развлеченіе — верховая ѣзда. Мы ѣздили въ перерывъ занятій въ полку и канцеляріи, обычно отъ 4-хъ до 6-ти часовъ вечера. Ѣздили одни, безъ вѣстовыхъ, съ собакой. Мы уѣзжали далеко въ пустыню и намъ никогда и въ голову не приходило, что что нибудь можетъ съ нами случиться — тогда была Россійская Имперія и какою незыблемо прочной казалась она намъ. Только какъ то въ предмѣстьѣ нашего «Мышку» жестоко погрызли таранчинскія злыя собаки, но и его выходилъ прекрасный ветеринаръ 2-го Сибирскаго казачьяго полка Волковъ, другъ всѣхъ любителей собакъ и лошадей.

Такъ началась наша жизнь въ своемъ домѣ. Далеко не такъ, какъ о томъ мечтали мы въ Петербургѣ, когда думали о томъ полу-дворцѣ въ Азіатскомъ стилѣ съ туземной прислугой и чиннымъ обиходомъ широко поставленной жизни.

19. «Мошенники пришли»

Было около полудня. Я былъ на занятіяхъ, моя жена сидѣла въ спальнѣ и шила временныя занавѣски для оконъ. Собака лежала у ея ногъ. Вдругъ собака сорвалась и со злобнымъ лаемъ кинулась въ будущую гостиную — теперь совсѣмъ пустую комнату. Моя жена услышала, какъ кто-то вошелъ въ сѣни. Она пошла въ залъ. Изъ за двери сѣней пріятный голосъ мягко и правильно по Русски сказалъ:

— Мошенники пришли!

Моя жена растерялась. На лай собаки пришелъ со двора денщикъ Стогніевъ. Онъ спокойно оттащилъ собаку отъ двери.

— Что это такое, Стогніевъ? — спросила моя жена.

— Мошенники пришли, барыня, — прикажете впустить?.

И, не дожидаясь отвѣта изумленной жены командира полка, Стогніевъ открылъ дверь, и въ залъ, низко кланяясь, вошли два таранчинца съ такими мягкими мѣшками, съ какими ходятъ по Петербургу татары и покрикиваютъ: — «халатъ... халатъ... Старое платье продать»...

— Это, барыня, ихъ господа офицеры такъ прозвали — мошенниками, что они больно дорого за все запрашиваютъ, — наконецъ, пояснилъ Стогніевъ.

— Мошенники, самые мошенники, — увѣренно подтвердили таранчинцы, свалили съ плечъ мѣшки и стали ихъ развязывать.

Изъ мѣшковъ появились сначала Туркменскіе ковры, шелковыя китайскія и дунганскія вышивки, потомъ фарфоровыя большія вазы и маленькія вазочки сине-зеленаго китайскаго клуазоннэ.

У моей жены глаза разгорѣлись. Ковры были красивы, вазы оригинальнаго рисунка и узора — все это такъ могло украсить бѣленыя стѣны и полы, скрасить солдатскую простоту саманной постройки. Конечно, мебель «Жакобъ», наши Петербургскія картины не очень то подойдутъ къ этимъ пестрымъ восточнымъ узорамъ, къ китайскимъ вазамъ, но еще меньше подойдутъ они къ бѣленымъ стѣнамъ и некрашеннымъ поламъ. Жена моя подбирала ковры болѣе или менѣе въ тонъ мебели, которая должна-же, наконецъ, когда нибудь придти.

— Сколько за этотъ коверъ? — спросила она.

— Двѣсти рублей, — не задумываясь, сказалъ таранчинецъ.

— Что такъ дорого? — нерѣшительно сказала моя жена.

— Вы, барыня, ему двадцать рублей положите, это будетъ самая настоящая цѣна,

— сказалъ Стогніевъ, принимавшій во всемъ участіе.

Въ это время на крыльцѣ раздались мелкіе торопливые шаги и постукиваніе палки и въ залъ проворно вошелъ генералъ Калитинъ.

— А, мошенники, — сказалъ онъ, острыми сѣрыми глазами оглядывая купцовъ и разложенные ими товары.

— Мошенники, тюра, мошенники, — дружно подтвердили таранчинцы и низко поклонились Калитину.

— Отличное дѣло, милая барынька, хотите ковры купить. У нихъ бываютъ отличные ковры.

Генералъ съ озабоченнымъ видомъ нагнулся и сталъ разсматривать разложенные по полу ковры, заглядывая на нихъ и съ изнанки, гладилъ ихъ рукою по ворсу, откидывая въ сторону, смотрѣлъ издали.

— Ты, смотри, тюра, — подавая коверъ, сказалъ таранчинецъ, — настоящій Аксуйскій товаръ. Хар-ро-шій ручной работа.

— Аксуйскій... Аксуйскій, — сказалъ, подозрительно разсматривая какія то клейма, генералъ Калитинъ и отбросилъ коверъ въ сторону. — Что-же, барыня, коверъ не плохой. Какъ вамъ, барынька, нравится?

Коверъ моей женѣ понравился.

— А сколько хочешь? — сказалъ генералъ.

— Двѣсти рублей, — вздыхая сказалъ купецъ.

Калитинъ замахнулся на него палкой.

— Что, — закричалъ онъ. — Двѣсти рублей!.. Мошенники!

— Мошенники, тюра, мошенники, — скаля бѣлые сплошные зубы въ улыбкѣ, дружно подтвердили продавцы. — Двѣсти рублей себѣ — убытокь, настоящая цѣна такому ковру — триста рублей. Настоящій Аксуйскій коверъ. Хочу молодой ханумъ услужить. Себѣ въ убытокъ отдаю.

— Сорокъ, — рѣшительно сказалъ генералъ.

— Сорокъ, — точно удивился чему-то купецъ, — сорокъ нѣтъ, не годится.

Купцы стали сворачивать товары, собираясь уходить. Въ дверяхъ они остановились.

— Ну, хорошо... Только для тебя — сто шестьдесятъ.

— Сорокъ, — твердо повторилъ генералъ.

Купцы вышли на крыльцо. Моя жена сказала Калитину.

— Петръ Петровичъ, я прибавила-бы. Коверъ отличный, жаль будетъ упустить такой случай.

— Они вернутся, — сказалъ Калитинъ, — это тутъ такъ принято — торговаться и уходить.

Они вернулись.

— Давай сто — коверъ твой, — сказали они, скидывая мѣшки съ плечъ.

— Сорокъ, — невозмутимо сказалъ генералъ.

— Э-ехъ, — съ досадой сказалъ купецъ. И снова надѣлъ мѣшокъ на плечи. Они ушли и снова пришли и опять ушли. Наконецъ, на шестидесяти рубляхъ, двадцать добавила моя жена, генералъ Калитинъ протестовалъ, — Ей Богу, барынька, за сорокъ отдадутъ и наживутся еще, — столковались. Моя жена купила еще два ковра и парныя вазочки клуазоннэ. «Мошенники», осыпая ее благодарностями, ушли, наконецъ, довольные, что хорошо расторговались.

Они стали потомъ частыми посѣтителями нашего дома и уже «Мышка», когда слышалъ, какъ они говорили ясно и увѣренно:

— Мошенники пришли! — лаялъ не столько грозно, сколько радостно и весело вилялъ хвостомъ.

Они приносили все, что заказывала имъ моя жена по части вышивокъ, китайскихъ халатовъ и курмъ, приносили и то, что по ихъ мнѣнію намъ могло быть нужно.

Когда моя жена завела свою птицу и у нея появился курятникъ, «мошенники» принесли ей хорошенькихъ живыхъ горныхъ курочекъ — «кекликовъ»...

На второй годъ командованія полкомъ пріѣзжаю я какъ то подъ весну съ ученья, въѣзжаю во дворъ и вижу на дворѣ боль-

шое оживленіе. Вѣстовые, денщикъ, Калитинскій поваръ и моя жена стояли вокругъ мошенниковъ.

— Вотъ, — тюра возьметъ, — радостно закричали купцы, увидавъ меня.

У одного изъ нихъ на рукахъ было какъ бы гнѣздо, сдѣланное изъ плоской корзины и тряпья и тамъ лежало четыре маленькихъ тигренка. У нихъ совсѣмъ недавно прорѣзались глаза, они были свѣтло-желтые, безъ рисунка, мягкіе, мордастые и забавные.

Моя жена ласкала ихъ, чесала имъ за ушами.

— Предлагаютъ купить, — сказала она. — Двѣнадцать рублей за всѣхъ четырехъ просятъ... Возьмемъ?.. Такіе хорошенькіе!..

— Куда намъ ихъ? — сказалъ я. — Вѣдь они выростутъ.

— Возьмите, ваше высокоблагородіе, — сказалъ вѣстовой Порохъ, — когда выростутъ, мы имъ клѣтку соорудимъ..

— Смотри, — говорила моя жена, — какіе мягкіе! И играютъ совсѣмъ, какъ котята.

— Ваше высокоблагородіе, возьмите, а то, какъ бы командиръ 2-го полка ихъ не взяли бы?

Я понялъ, что самолюбіе казаковъ стало бы страдать, если бы тигры оказались не у ихъ командира а у командира 2-го полка. Я отказался брать тигрятъ, чѣмъ очень огорчилъ казаковъ, хотя, если бы взялъ тигровъ, это имъ-же и пришлось бы возиться съ звѣрями.

Къ ихъ радости и С. В. Буровъ не взялъ ихъ и тигрятъ купилъ бай Юлдашевъ.

Такъ утрясалась и налаживалась наша жизнь, съ плимутъ-роками, индюшками и цесарками, живыми «кекликами», персидской кошкой и кошкой обыкновенной, собакой «Мышкой» и тремя лошадьми: — «Гризеткой», «Вандой» и купленнымъ мною для пріѣзжающаго начальства отличнымъ сѣрымъ киргизомъ, 2 аршина 1-го вершка ростомъ, прекрасно выѣзженнымъ въ полковой учебной командѣ. Приведенная мною съ собою «Китаянка» Провальскаго Войскового завода погибла отъ Сибирской язвы зимою 1912-го года.

20. Заботы о внѣшнемъ видѣ полка

Съ первыхъ же дней командованія полкомъ я занялся приведеніемъ его во внѣшне благообразный видъ.

Вернувшись изъ Кольджата, я приказалъ всѣмъ господамъ офицерамъ, вахмистрамъ и урядникамъ полка собраться на коновязи 4-й сотни къ часу дня. Это былъ часъ уборки лошадей.

Я пріѣхалъ туда и привезъ съ собою все нужное для «туалета» лошади.

Приказавъ продолжать уборку я нѣкоторое время смотрѣлъ, какъ казаки, не снимая мундировъ, — фартуковъ въ полку и въ заводѣ не было — небрежно щепочками обтирали грязь, потомъ помахивали щетками, не столько чистя лошадей, сколько приглаживая на нихъ шерсть.

— Нѣтъ, братцы, — сказалъ я, останавливая уборку, — это не дѣло то, что вы дѣлаете. За такую уборку въ старину многіе изъ васъ и зубовъ во рту не досчитались бы. Ну-ка, подойдите ближе и смотрите, какъ надо чистить лошадь.

Я скинулъ съ себя китель и, вооружившись скребницей и щеткой, началъ чистить первую попавшуюся лошадь по школьному. Я отбивалъ скребницею на камушкѣ ряды сѣрой перхоти и пыли, потомъ накрѣпко чистилъ лошадь щеткой. Окончивъ чистку я взялъ два камня и на нихъ подбилъ и подрѣдилъ въ полъ-шеи косматую гриву, я расчесалъ и прибралъ чолку наконецъ, руками разщипалъ хвостъ и подрѣзалъ его на четверть отъ бабки, подпалилъ соломой волосы въ ушахъ, тщательно выстригъ щетки на ногахъ и обнаружилъ подъ ними застарѣлые мокрецы. Лошадь совсѣмъ перемѣнила свой видъ.

— Вотъ — одѣваясь, сказалъ я, — что называется вычистить лошадь. Въ Школѣ мы говорили «сдѣлать ей туалетъ». Потрудитесь во всѣхъ сотняхъ и командахъ привести лошадей въ такой же видъ.

Я приказалъ урядникамъ 4-й сотни продѣлать тоже самое при мнѣ со своими лошадьми. Убѣдившись въ томъ, что они поняли, какъ дѣлается уборка и усвоили, я сказалъ:

— Намъ остается теперь только выкормить лошадей, какъ слѣдуетъ и въ этомъ вы, Ефимъ Никитичъ, мнѣ поможете.

Впечатлѣніе отъ такого «туалета» было разное.

Урядникамъ и казакамъ, молодымъ офицерамъ, обоимъ войсковымъ старшинамъ — это, какъ будто, понравилось. Вѣдь все было сдѣлано согласно съ параграфами приложенія къ Уставу строевой казачьей службы часть 1.

Но кое кто изъ сотенныхъ командировъ поваркивалъ и довольно громко, чтобы я слышалъ.

— Нарушаются традиціи Сибирскаго войска... Лошадь Сибирскаго казака должна быть косматая, лохматая, грозная на видъ, длинногривая. Такъ было всегда и вездѣ въ нашемъ войскѣ.

Ворчуны эти нашли себѣ отличнаго подголоска въ лицѣ ветеринарнаго врача. Мрачнымъ басомъ представитель науки заявилъ мнѣ:

— Отъ такой уборки — мокрецы у лошадей разовьются. Потому щетка ей на ногахъ дана, чтобы защищать ее отъ грязи и отъ микробовъ. А острижемъ и не оберешься этой пакости.

Я молча подошелъ къ коновязи.

— Извольте, многоуважаемый, — поднимая заднюю ногу первой попавшейся лошади и разбирая подъ щеткой волосы, сказалъ я — мокрецы. И у этой... и у этой и у той, шелъ я вдоль коновязи. Рѣдкая лошадь не имѣла мокрецовъ или слѣдовъ отъ нихъ. — Ваша теорія совершенно невѣрна. Въ щетку набивается грязь, эта грязь раздражаетъ нѣжную кожу подъ щеткой и дѣлаетъ ранки. Напротивъ, при выстриженной наголо щеткѣ, размывая ногу послѣ ученья, мы очищаемъ ее отъ микробовъ. Чистокровныя, арабскія и туркменскія лошади отъ природы и вовсе не имѣютъ щетокъ, значитъ природа тутъ не при чемъ. Да я пришелъ сюда не препираться съ вами и устраивать научные диспуты, но потребовать точнаго и пунктуальнаго исполненія устава и тщательнаго ухода за лошадьми. А если и потомъ заведутся у лошадей мокрецы — вы мнѣ и отвѣтите. Для этого вы и ваши ветеринарные сотенные фельдшера и поставлены, чтобы слѣдить за правильнымъ уходомъ за лошадьми и за тѣмъ, чтобы послѣ ѣзды ноги у лошадей были замыты и насухо вытерты.

Послѣ чистки я приступилъ къ ранжировкѣ сотни. Это былъ вопросъ трудный и деликатный.

Сибирскіе казаки, какъ и казаки всѣхъ прочихъ казачьихъ войскъ выходятъ на службу на собственныхъ лошадяхъ, со своимъ обмундированіемъ, снаряженіемъ и при собственныхъ шашкахъ. Конскій составъ сибирскими казаками получается изъ казачьихъ и киргизскихъ табуновъ, пасущихся въ степяхъ Семипалатинской области, въ долинѣ рѣки Иртыша и въ предгорьяхъ Алтайскихъ горъ. Объ улучшеніи киргизской лошади тогда очень много говорили и писали. Учрежденныя нѣсколько лѣтъ до этого въ Оренбургѣ, Кустанаѣ и Тургаѣ заводскія конюшни пытались улучшить киргизскую породу въ самой себѣ, занимаясь тщательнымъ подборомъ матокъ и жеребцовъ — но работа этихъ конюшень не дала желанныхъ результатовъ, не удалось создать хорошей ремонтной лошади. Сибиряки остались въ сторонѣ отъ этой работы. Ихъ лошадь — мелкая — рѣдко выше двухъ аршинъ роста, по большей части 1 аршинъ 15 вершковъ и даже 1 аршинъ 14 вершковъ — некрасивая киргизская лошадь, съ короткой шеей и большой головой, съ прекрасной спиной и крѣпкими тонкими ногами отличается тягучестью, силою, выносливостью,

неприхотливостью на кормъ, имѣетъ правильные аллюры, способна къ выѣздкѣ, умна, добра и, если-бы не малый ростъ, могла бы считаться не плохою лошадью казака.

Въ тѣ годы когда я командовалъ полкомъ было много разговоровъ о ликвидаціи Задонскаго частнаго зимовниковаго коневодства, являвшагося, однако, главнымъ источникомъ ремонтированія нашей кавалеріи (до 55%). Очень на этомъ, подъ вліяніемъ зловредной агитаціи, настаивали Донскіе казаки черезъ своихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ поднимавшіе этотъ вопросъ. Тогда правительство думало перенести Задонское коневодство въ цѣломъ его видѣ въ Сибирь и Семирѣчье, именно въ Пржевальскій уѣздъ, гдѣ на высотѣ болѣе 2000 метровъ, въ долинѣ рѣчки Каркары, казалось, были подходящія для этого обширныя степи. Тогда же думали произвести замѣну донскихъ и рослыхъ калмыцкихъ матокъ киргизскими. Въ киргизскую лошадь вѣрили и многимъ она нравилась. Я близко стоялъ въ Петербургѣ ко всѣмъ этимъ вопросамъ и потому съ большимъ интересомъ теперь присматривался къ тѣмъ сотнямъ киргизскихъ лошадей, которыя комплектовали ввѣренный мнѣ полкъ.

Въ казачьихъ полкахъ изстари былъ обычай пополнять сотни казаками изъ одной станицы и однихъ хуторовъ. Въ этомъ видѣли поддержаніе стариннаго «односумства», крѣпленіе военной сотенной семьи. Въ молодые, первые годы моей службы въ казачьемъ полку я много увлекался этимъ обычаемъ и вдумывался въ него. Однако, скоро я долженъ былъ придти къ совершенно противоположнымъ выводамъ — односумство было не полезно, но вредно.

Словъ нѣтъ, само по себѣ односумство — прекрасное дѣло, но почему въ регулярной кавалеріи, гдѣ въ одномъ и томъ-же эскадронѣ служатъ и великороссъ какой нибудь Тамбовской или Псковской губерніи и тутъ-же малороссъ изъ подъ Полтавы или Чернигова и полякъ изъ самаго Калиша и татаринъ и грузинъ — боевая спайка и товарищество, какъ то можно прослѣдить по цѣлому ряду войнъ были нисколько не хуже спайки и товарищества у казаковъ съ ихъ односумствомъ? Въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку — такъ-же, какъ и у казаковъ ни раненыхъ, ни убитыхъ не бросали и вообще во всей Русской кавалеріи служили, забывая какой кто губерніи, но отлично сознавая, какого они п о л к а.

Между тѣмъ комплектованіе сотенъ людьми съ однихъ станицъ усугубляло тоску по Родинѣ, тяготѣніе къ «домашнести», развивало семейныя, не допустимыя на службѣ начала и пагубно отзывалось на дисциплинѣ сотень. Въ сотнѣ создавалась круговая порука сокрытія проступковъ и преступленій. Командиръ сотни былъ всегда затрудненъ въ выборѣ казаковъ въ учебную команду. Хорошій, честный, ловкій, расторопный, хорошо грамотный казакъ — но — бѣденъ, въ сотнѣ не будетъ имѣть авторитета. Сотенное начальство изъ нижнихъ чиновъ мирволило богатымъ и вліятельнымъ въ станицѣ казакамъ, опасаясь, что тѣ посчитаются съ ними послѣ службы — дома. Въ одну сотню изобильно попадали казаки, знающіе мастерство, сапожники, портные, кузнецы и т. п., станица была ремесленная, въ другую простые хлѣборобы, большинство малограмотные.

Односумство давало очень мало выгодъ и очень много неудобствъ. Вопросы эти были давно подняты въ военной литературѣ и безъ приказа свыше, но при молчаливомъ одобреніи строевого начальства. Донскіе казаки примѣрно съ 1896-го года начали переходить на комплектованіе сотенъ казаками разныхъ станицъ и для такого искусственнаго перемѣшиванія казаковъ въ сотнѣ избрали способъ назначенія казаковъ въ сотни по цвѣту рубашки лошади казака. Первымъ уговорилъ сдѣлать это командиръ 2-й сотни Л. Гв. Атаманскаго полка есаулъ Вершининъ своего командира полка, тогда — полковника Ширму. Опытъ оказался хорошимъ и за Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ постепенно послѣдовали и другіе полки Донского войска.

Въ Сибирскомъ войскѣ этого не было.

Живущіе болѣе разбросанно, чѣмъ казаки другихъ войскъ, узкой лентой по рѣкѣ Иртышу Сибирскіе казаки отличались еще болѣе тѣсной спайкой по станицамъ. Нарушить эту спайку было не легко.

Сначала я выранжировалъ сотни по взводамъ. Поставилъ въ первые взводы болѣе крупныхъ лошадей — гнѣдыхъ, во вторые — рыжихъ, въ третьи — караковыхъ и вороныхъ и въ четвертые — сѣрыхъ. При этомъ я замѣтилъ, что гнѣдыя и сѣрыя лошади были крупнѣе другихъ, а между послѣдними попадались лошади облагороженныя,съ сухими красивыми головами,съ длинной шеей и широкимъ крупомъ. Изъ книги «Лошади Туркестана» — къ сожалѣнію совсѣмъ не могу вспомнить автора этой большой и прекрасной книги, изданной въ Ташкентѣ, я узналъ и причину этого явленія. Около тысячи лѣтъ тому назадъ одинъ изъ Китайскихъ Императоровъ, желая улучшить породу мѣстной лошади, послалъ экспедицію въ Аравію и Персію, чтобы закупить тамъ жеребцовъ. Было закуплено нѣсколько сотъ исключительно сѣрыхъ жеребцовъ. Когда ихъ вели въ Китай, за Алтайскими горами на провожающихъ лошадей напали киргизы и отбили жеребцовъ. Такимъ образомъ, въ киргизскую лошадь давнымъ давно попала арабская кровь и эта кровь сохранила на протяженіи вѣковъ черты благородства арабской лошади.

Выранжировавъ сотни я объявилъ сотеннымъ командирамъ, что съ приходомъ молодыхъ казаковъ я разверстаю ихъ не по станицамъ, а по мастямъ лошадей, назначивъ въ 1-ю сотню крупныхъ гнѣдыхъ, во 2-ю сотню остальныхъ гнѣдыхъ, въ 3-ю — рыжихъ, въ 4-ю вороныхъ, въ 6-ю сѣрыхъ и въ 5-ю что останется — въ нее попало больше полусотни сѣрыхъ. Сотенные командиры выслушали мое распоряженіе угрюмо молча. Войсковой Старшина Первушинъ сказалъ мнѣ, какъ бы предупреждая:

— Вы будете имѣть большія непріятности съ войскомъ.

И точно, впослѣдствіи дошли до меня слухи — въ порядкѣ разсказовъ и сплетень, что Войсковой Наказный Атаманъ и Войсковое Правительство были весьма недовольны моими реформами и новшествами, но вѣроятно, не желая сноситься съ такой мелкой сошкой, какимъ я былъ, они писали командующему Туркестанскимъ Военнымъ Округомъ Генералъ-Лейтенанту Самсонову, а генералъ Самсоновъ, сочувствующій моимъ начинаніямъ, ожидалъ ихъ результата и не тревожилъ меня писаніями изъ Войска.

Результаты сказались съ перваго же года. Дисциплина въ сотняхъ окрѣпла, казаки, сталкиваясь съ казаками другихъ станицъ, лучше развивались и охотнѣе соревновали другъ съ другомъ, мастеровой элементъ равномѣрно распредѣлялся по сотнямъ. Сотни наружно похорошѣли.

Въ 1911-мъ году въ каждой сотнѣ одна полусотня была одномастной, въ 1912-мъ году пестрыми были только третьи взводы, и въ 1913-мъ году сотни стали вполнѣ одномастными.

Въ этомъ году я разставался съ полкомъ и былъ съ прощальнымъ представленіемъ генералу Фольбауму.

— Хорошее дѣло вы сдѣлали, — сказалъ мнѣ Михаилъ Александровичъ, — выранжировавъ полкъ по мастямъ. Все время я слышалъ о томъ, какъ крѣпла дисциплина въ сотняхъ. А третьяго дня, на прогулкѣ, встрѣтилъ я вашъ дивизьонъ и прямо не узналъ своихъ Сибиряковъ — такая красота! Остановился и залюбовался ими. Такъ красиво выглядѣли сотни на одномастныхъ лошадяхъ, хорошо убранныхъ и вычищенныхъ. Я вѣдь тоже сначала былъ не на вашей сторонѣ, считалъ, что все это лишнее, да молчалъ, не хотѣлъ вамъ мѣшать. Вижу, что ваши противники были не правы — правы оказались вы.

Я тогда уѣзжалъ. Мнѣ было больно и грустно разставаться съ полкомъ. Мнѣ досталась тяжелая, но и радостная работа созиданія, плоды пожать мнѣ пришлось уже въ другомъ мѣстѣ и съ другимъ полкомъ.

21. Всѣ въ строй!

Не охотно стали отпускать себѣ сзади волосы и стричься по казачьи казаки — но скоро и это недовольство прошло. Помогли гарнизонныя дамы. Онѣ оцѣнили новую стрижку, онѣ признали, какъ похорошѣли отъ этого Ермаковцы — помогла этому, конечно, и гимнастика и систематическая вы правка и маршировка съ носка — онѣ громко говорили, особенно Артиллерійскія дамы, что Ермаковцевъ издали можно узнать — такъ красиво лежатъ на нихъ фуражки и папахи.

Ефимъ Никитичъ устроилъ при полку швальню и въ ней перекроилъ мундиры старой формы на новый образецъ, нашилъ петлицы, выравнялъ шинели и по лекалу подравнялъ алыя петлицы воротниковъ. Все стало единообразно, форменно и какъ бы новое. Осиповъ-же подыскалъ татаръ, которые по образцу, данному генераломъ Калитинымъ, построили на весь полкъ папахи настоящаго Кавказскаго образца изъ бараньяго мѣха, очень красиваго курпея, слегка волнистаго. Папахи обошлись по три рубля за каждую и казаки очень охотно согласились ихъ сдѣлать. Полкъ принялъ совсѣмъ гвардейскій видъ.

Въ тотъ день, когда я ранжировалъ сотни, вечеромъ, я собралъ сотенныхъ командировъ въ канцеляріи и потребовалъ отъ нихъ именные списки казаковъ.

Это былъ тяжелый разговоръ и трудная операція.

Въ эти годы 1909-1911 такъ много говорили и писали въ военной и гражданской литературѣ, объ «Арміи денщиковъ и барабанщиковъ», о «крѣпостномъ правѣ» въ войскахъ, и кое гдѣ у офицеровъ отобрали казенную прислугу. Тѣ, кто это писалъ и кто отбиралъ прислугу, совершенно не отдавали себѣ отчета въ томъ, что положеніе офицеровъ, особенно при казарменной жизни, не позволяетъ имъ держать вольно-наемную и тѣмъ болѣе женскую прислугу, они не понимали и того, что есть мѣста, гдѣ никакой прислуги, ни за какія деньги имѣть нельзя.

Мои мечты имѣть «туземцевъ» не осуществились. Туземцы не шли на работу, они не знали ея и не хотѣли ей учиться. На такой окраинѣ, какъ Джаркентъ, денщикъ являлся не только слугою офицера и его семьи, но и ея другомъ. Характерно, что денщики-казаки не называли офицерскихъ дѣтей — «баринъ» или «барышня», но звали уменьшительными именами: — Вася, Коля, Тася, Маруся, — проходили годы, Тася и Маруся пріѣзжали къ родителямъ изъ гимназіи или института взрослыми дѣвицами, а для денщика все оставались Тасей и Марусей...

Такой семейственный порядокъ отношеній дѣлалъ съ одной стороны службу денщика болѣе привлекательной, съ другой вызывалъ злоупотребленія. И точно начиналось — «крѣпостное право». При моемъ предшественникѣ оно достигло въ полку значительныхъ размѣровъ. Сотни расползлись по офицерскимъ усадьбамъ и растаяли. Мнѣ предстояло собрать ихъ.

Я началъ перекличку.

— Никита Гороховодатсковъ?

— Въ строю.

— Абрамъ Михайловъ?

— Въ строю... въ строю.... въ строю...

Потомъ началось:

— У подъесаула М. въ денщикахъ... у подъесаула М. конюхомъ... у него-же при дѣтяхъ... у него-же поваромъ...

— Да кто такой этотъ подъесаулъ М., что его обслуживаютъ цѣлыхъ пять человѣкъ?

— Видите, господинъ полковникъ, онъ очень семейный... и запойный пьяница притомъ... Семьѣ трудно безъ людей... Бѣдность... Ну и жалѣемъ его семью...

Къ Рождеству я разстался съ подъесауломъ М. По аттестаціи... Тяжелая операція, но необходимая. Пьяницы не терпимы въ офицерской семьѣ.

Я боялся, что у меня выйдутъ затрудненія съ генераломъ Калитинымъ, у котораго не мало моихъ людей застряло на дворѣ и на кухнѣ. Но генералъ Калитинъ очень легко разстался со своими драбантами. Они были ему нужны, когда его семья жила съ нимъ, когда была генеральша и двѣ генеральскія дочки. «Послать туда»... «Послать сюда»... «Сбѣгай»... «Отнеси»... «Купи»... «Узнай»... Теперь семья Калитина была въ Петербургѣ, и генералъ Калитинъ на мою просьбу вернуть казаковъ въ строй, сейчасъ-же согласился.

— Конечно... конечно... въ строй ихъ Даромъ меня объѣдаютъ. Всѣхъ и у всѣхъ отберите дармоѣдовъ.Что зря небо коптятъ. Это безобразіе, что въ сотняхъ людей нѣтъ.

Такимъ образомъ, самымъ неожиданнымъ образомъ тамъ, гдѣ я больше всего опасался наткнуться на протестъ, я получилъ самую широкую поддержку.

При офицерахъ остались денщики, обязанные два раза въ недѣлю являться на строевыя занятія и вѣстовые для ухода за лошадьми, которые должны были быть на всѣхъ ученьяхъ сотни.

И въ сотняхъ оказалось по три взвода, по десяти рядовъ во взводѣ, а когда придутъ молодые казаки, будетъ четыре взвода и при доведеніи наряда до минимума, можно будетъ вывести и всѣ двѣнадцать рядовъ (штатный составъ Сибирскихъ полковъ былъ уменьшенный — четырнадцать рядовъ).

Полкъ собирался къ своимъ сотеннымъ значкамъ.

Я принялся за дѣла хозяйственныя.

22. Дѣла хозяйственныя

Въ дѣлахъ хозяйственныхъ я нашелъ въ лицѣ Войскового Старшины Осипова не только на рѣдкость честнаго и безкорыстнаго человѣка, но и человѣка прекрасно знающаго полковое хозяйство и умѣлаго, распорядительнаго организатора.

На наше первое хозяйственное засѣданіе я пригласилъ, кромѣ Осипова, войскового старшину Первушина, дѣлопроизводителя по хозяйственной части и адъютанта.

— Господа, — началъ я, — осмотръ полка привелъ меня къ грустнымъ размышленіямъ. У насъ по существу ничего нѣтъ... Ни полкового обоза, ни неприкосновеннаго запаса, ни приборовъ для обученія казаковъ, ни канцеляріи.

— Ничего и нѣтъ, — подтвердилъ мои слова Первушинъ. — Полкъ стоялъ мелкими постами по границѣ Китая. Что и было заведено — растерялось. Сведенъ полкъ совсѣмъ недавно... Некогда было обзавестись.

— Я, господа, никому этого не ставлю въ вину. Все это я понимаю. Я пригласилъ васъ, чтобы съ вами обсудить, что надо заводить въ первую очередь и съ чѣмъ можно будетъ повременить.

— Это, какъ вы сами укажете, — сказалъ какъ то нерѣшительно и недовѣрчиво Осиповъ.

— Я понимаю, какъ я укажу, но мнѣ безъ вашей дружной помощи ничего не сдѣлать, не наладить и не устроить. Прошу васъ мнѣ помочь въ моей работѣ. Моя первая забота — лошади. Нельзя допустить, чтобы въ теченіе двухъ осеннихъ мѣсяцевъ, когда лошади особенно нуждаются въ усиленномъ питаніи, когда онѣ обрастаютъ на зиму шерстью, когда ихъ нужно поддержать хорошимъ кормомъ послѣ маневровъ, онѣ вмѣсто корма... газеты читали...

— Намъ это извѣстно... Сотенные командиры отъ себя какъ то изворачиваются. Имъ и самимъ непріятно получать замѣчанія. Прикупаютъ сѣна. Но вѣдь это — законъ и не намъ его измѣнять. Отпусковъ на фуражъ нѣтъ, лошади считаются на подножномъ корму, пастбища полагаются даровыя, а на этихъ пастбищахъ ничего нѣтъ, — сказалъ съ легкимъ раздраженіемъ и досадою Первушинъ и попросилъ разрѣшенія курить.

— Да, конечно, нарушить законъ мы не можемъ, — сказалъ я, — но примѣнить законъ къ мѣстнымъ условіямъ мы обязаны и вотъ, что я вамъ предлагаю въ этомъ от-

ношенiи. Будьте любезны провѣрить мои разсчеты.

Мы занялись арифметикой. Дѣлопроизводитель бойко стучалъ костяшками счетовъ.

— Если вычесть изъ 365-ти годовыхъ дней — 61 день августа и сентября, мы получимъ 304 дня, на которые кормъ отпускается полностью на каждую лошадь по 10 фунтовъ и 20 золотниковъ ячменя. Значитъ, каждая лошадь имѣетъ на годъ 3.103 фунта. Для нашей мелкой лошади при небольшой зимней работѣ я считаю, что 10 фунтовъ 20 золотниковъ большая дача. Не всѣ лошади ее и выѣдаютъ. Если мы поставимъ лошадей на девятифунтовую дачу, на круглый годъ, на каждую лошадь **потребуется** 3.285 фунтовъ, то есть полку придется добавить на лошадь по 4 1/2 пуда ячменя, что потребуетъ расхода по 2 рубля 45 копѣекъ на каждую казачью лошадь **или въ среднемъ** на полкъ 2.450 рублей. Вотъ я васъ и прошу первымъ пунктомъ смѣты настоящаго года внести эту сумму, прибавивъ къ ней добавку на лагерное время до десяти фунтовъ, на маневры до 12 фунтовъ и для учебной команды на круглый годъ до 10 фунтовъ.

— Это очень все ново, — хмуро сказалъ Первушинъ, — и я боюсь, какъ бы чего не вышло съ казаками. Имъ — подавай полагаемое. Въ отнятiи фунта 20 золотниковъ они увидятъ ущемленiе ихъ интересовъ.

— Если бы я начиналъ это позже, начиналъ съ отнятiя ячменя — я это понялъ бы, но я начинаю съ того, что съ завтрашняго дня даю девять фунтовъ, когда ничего не полагается давать. Все это будетъ совершенно открыто объявлено въ приказѣ, сотенные командиры со своей стороны растолкуютъ эту мѣру казакамъ и когда тѣ поймутъ, что полкъ не только ничего не беретъ, но еще отъ себя прибавляетъ сверхъ нормы, они не могутъ не оцѣнить этого.

— Допустимъ, что казаки и поймутъ, а какъ къ этому отнесется высшее начальство?

— Думаю, что если и казаки поймутъ, то тѣмъ болѣе поймутъ это генералы Фольбаумъ и Самсоновъ.

Въ этомъ я не ошибся. Отъ генерала Фольбаума я получилъ записку: — «прочелъ вашъ фуражный приказъ. Съ интересомъ слѣжу за вашимъ опытомъ. Лѣтомъ въ лагерѣ провѣрю его результаты»...

Въ генералѣ Самсоновѣ я не сомнѣвался. Александръ Васильевичъ слишкомъ хорошо меня зналъ, чтобы заподозрить меня въ какомъ бы то ни было шахеръ-махерствѣ, или «комбинацiяхъ» съ фуражемъ.

— Далѣе... И это, Ефимъ Никитичъ, я прошу васъ сдѣлать завтра же — намъ необходимо выписать зернодробилку. Я въ полку четвертый день, а у меня на столѣ три рапорта о падежѣ лошадей отъ коликъ. Просматривая старыя дѣла, я вижу вообще большой отходъ лошадей отъ кормленiя ихъ недробленымъ ячменемъ.

— Слушаюсь... Завтра по телеграфу выпишу зернодробилку изъ Москвы. Но это пройдетъ три мѣсяца, пока она дойдетъ до насъ. А до тѣхъ поръ?.. Разрѣшите мнѣ что нибудь придумать?

— Придумайте, Ефимъ Никитичъ. Далѣе... Ну, подскажите мнѣ съ чего начинать.

— Въ прошломъ году мы устроили хорошее стрѣльбище въ лагерѣ. Теперь бригадный командиръ неоднократно говорилъ, что онъ требуетъ упорядоченiя нашего лагернаго расположенiя, — сказалъ Осиповъ.

— На это нужно... Сколько?

— Да, не менѣе пяти тысячъ.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ адъютантъ, — вы сами видѣли полковой приказъ, просто прокламацiя какая то на гектографѣ. Неудобно какъ то.

— Да... внесите въ смѣту литографскiй станокъ и вторую пишущую машинку.

— Каждую осень, господинъ полковникъ, — сказалъ Первушинъ, — полкъ ходитъ на плаванье на рѣку Или и каждую осень мы тамъ хоронимъ казака, утонувшаго въ рѣкѣ. У насъ нѣтъ ни лодки, ни канатовъ, ни спасательныхъ круговъ. Нужно это непремѣнно завести.

Каждый указывалъ то, что ему казалось необходимо нужнымъ. Въ смѣтѣ показались гимнастическіе снаряды для сотенъ и полковой учебной команды, станки Ливчака и приборы для стрѣльбы уменьшеннымъ зарядомъ, призы для казаковъ, деньги на учрежденіе скакового общества, постройка открытаго манежа, выписка изъ Финляндіи санитарныхъ двуколокъ, какія я видалъ въ Японскую войну въ Приморскомъ драгунсокмъ полку, на замѣну нашей полковой тяжелой допотопной колымаги временъ покоренія Туркестана, новый хорный инструментъ бѣлаго металла съ фанфарами съ подвѣсками, на чемъ непремѣнно настаивалъ адъютантъ... Смѣта росла и росла, Осиповъ крутилъ головою и тяжело вздыхалъ.

Была глубокая ночь. На моемъ столѣ выросла высокая груда различныхъ каталоговъ и объявленій отъ Рижскихъ, Петербургскихъ, Московскихъ и Саратовскихъ фирмъ.

Осиповъ показалъ на нее и сказалъ:

— Вы позвольте мнѣ завтра съ дѣлопроизводителемъ все это разобрать и подсчитать во что это выльется и завтра я вамъ все и доложу.

Въ третьемъ часу ночи мы закончили обсужденіе нуждъ полка и пошли каждый къ себѣ по тихому и совершенно безлюдному, словно вымершему Джаркенту.

23. Бой Юлдашевъ — «Маркизъ де Карабасъ» нашихъ мѣстъ

— Прежде всего, — такъ встрѣтилъ меня на другой день въ канцеляріи мой помощникъ по хозяйственной части, — позвольте вамъ доложить о зернодробилкѣ. Телеграмму я послалъ ,а пока она придетъ вотъ что мнѣ придумалъ нашъ оружейный мастеръ, нестроевой старшаго разряда Поротиковъ. Если вы разрѣшите произвести расходъ въ 20, самое большое, 50 рублей и попросите у полковника Михайлова, командира Артиллерійскаго дивизьона, два пустыхъ шрапнельныхъ стакана — мы своими средствами соорудимъ зернодробилку.

И соорудили...

Черезъ недѣлю я осматривалъ на ходу тяжелую машину, нѣкоторое подобіе какой то Римской катапульты, съ рукоятью, желѣзными шестернями, гдѣ два шрапнельныхъ стакана вращались одинъ навстрѣчу другому, дробя зерно. Недостаткомъ ея было, что она была тяжела на ходу, медленно работала и требовала четырехъ человѣкъ для приведенія ея въ ходъ. Но пока не было настоящей, машина эта на зависть другихъ частей гарнизона отлично работала, давая нужное количество дробленаго ячменя для полка.

— Мы подсчитали, — продолжалъ, покончивъ съ зернодробилкой, Осиповъ, — съ дѣлопроизводителемъ смѣту и выходитъ за пятьдесятъ тысячъ.

— Что же, сказалъ я. — вы мнѣ говорили, что справочныя цѣны на ячмень ожидаются не менѣе рубля пяти копѣекъ, а рыночная цѣна будетъ около полтинника, значитъ деньги у насъ будутъ.

— Вы знаете, господинъ полковникъ, — сказалъ мнѣ Осиповъ, — условія созданія полковой экономіи?

Онъ всталъ, заперъ двери кабинета, сѣлъ ближе ко мнѣ и принялъ таинственный видъ.

— Да, конечно, знаю. УII Отдѣлъ. Фуражное довольствіе.

— Вотъ именно.

Ефимъ Никитичъ помолчалъ немного, какъ будто не рѣшаясь говорить дальше, потомъ тихо и медлительно спросилъ меня:

— Вы получили отъ бая Юлдашева приглашеніе на обѣдъ?

— Нѣтъ.

— А вы были у него?

— Въ порядкѣ дѣланія визитовъ городскимъ властямъ — былъ.

— Такъ что вы знаете, кто такое бай Юлдашевъ? — понизивъ голосъ до шопота сказалъ Осиповъ.

Зналъ ли я? Я зналъ лишь одно, что, когда я ѣздилъ верхомъ на ученья съ адъютантомъ, или, дѣлая визиты, проѣзжалъ въ коляскѣ по городу съ ямщикомъ Прокофьевымъ, я всегда невольно вспоминалъ сказку про «Кота въ сапогахъ». Какъ тамъ на всѣ вопросы, кому принадлежитъ то или другое угодье — любезный котъ, снимая шляпу, отвѣчалъ: — «маркизу де-Карабасу», такъ и тутъ — спросилъ адъютанта:

— Геннадій Петровичъ, чей это домъ?

— Бая Юлдашева.

— А чьи это на окраинѣ такія большія скирды стоятъ?

— Бая Юлдашева.

Ѣдешь въ коляскѣ, встрѣтишь вереницуословъ, груженыхъ виноградомъ, спросишь Прокофьева:

— Чей это виноградъ?

— Да чей, ничей, какъ бая Юлдашева.

Все кругомъ принадлежало ему. Вотъ только не помню, ему ли принадлежалъ пивоваренный заводъ, стоявшій на окраинѣ Джаркента надъ Усекомъ — ему или какой то акціонерной компаніи.

Генералъ Калитинъ, бывшій моимъ руководителемъ при моихъ неопытныхъ шагахъ въ новомъ краю, сказалъ мнѣ: — «непремѣнно въ первую очередь сдѣлайте визитъ баю Юлдашеву. Очень онъ любитъ почетъ... Ну и все таки нужный намъ человѣкъ, безъ него мы тутъ и не прожили бы».

И вотъ, послѣ обоихъ батюшекъ, командировъ полковъ и Артиллерійскаго дивизьона, подлетѣлъ я на тройкѣ сѣрыхъ къ Юлдашевской усадьбѣ. Уже кто нибудь предупредилъ бая, что я ѣду къ нему. Тяжелыя дубовыя ворота распахнулись настежь, человѣкъ пять слугъ, въ китайскомъ одѣяніи, пахнущихъ чеснокомъ, съ низкими поклонами встрѣтили меня и хотѣли подхватить меня подъ локти и вести къ большой китайской фанзѣ, стоявшей въ глубинѣ обширнаго пыльнаго двора.

Помню: — рѣзныя двери, тихій сумракъ въ очень обширномъ и почти пустомъ помѣщеніи, гдѣ были на полу циновки («барданки») изъ рисовой соломы и пестрые ковры, стояла кое какая тяжелая рѣзная мебель, были высокія фарфоровыя вазы, низкіе столы и гдѣ пахло ладаннымъ дымкомъ.

Неслышными быстрыми шагами вышелъ ко мнѣ хозяинъ.

Баю Юлдашеву было вѣроятно подъ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ въ дорогой шапкѣ изъ темнаго бархата, отороченной красивымъ соболемъ. Онъ носилъ усы и небольшую черную бородку. Этимъ онъ отличался отъ китайцевъ. На немъ былъ дорогой вышитый шелками халатъ. Обѣими руками онъ принялъ мою руку и усадилъ въ низкое широкое кресло противъ четыреугольнаго столика.

— Очень радъ!.. очень радъ... Новый командиръ полка... Надѣюсь, жить будемъ въ ладу и согласіи...

Юлдашевъ хорошо и правильно говорилъ по Русски, съ тѣмъ мягкимъ произношеніемъ, съ которымъ говорятъ по Русски азіаты.

— Какъ доѣхали? Я очень жалѣлъ, что не нашлось у меня дома для васъ... Но я не зналъ, какъ и чѣмъ вамъ угодить. Но это дѣло поправимое. Можно построить такой, какой вамъ будетъ угодно.

Юлдашевъ хлопнулъ въ ладоши.

Двери въ глубинѣ покоя распахнулись, и двое нарядныхъ слугъ принесли на лаковыхъ темныхъ подносахъ обычное въ Туркестанѣ угощеніе — «достарханъ».

Въ высокіе хрустальные, европейскіе бокалы было налито теплое шампанское, въ маленькихъ тонкаго фарфора чашечкахъ безъ ручекъ дымился блѣдный цвѣточный чай, на блюдечкахъ было наложено разнообразное варенье, китайское миндальное печенье, русскіе Ландриновскіе леденцы въ бумажкахъ и монпансье, черный, горькій китайскій сахаръ и фрукты.

Разговоръ не вязался. Я чувствовалъ себя неловко въ парадной формѣ, при эполетахъ. Заговорилъ о пароходѣ, который бай Юлдашевъ хотѣлъ пустить по рѣкѣ Или и попалъ на больное мѣсто хозяина.

— Да вотъ — насовѣтовали!.. Купи, да купи пароходъ, такъ то выгодно будетъ. А кого и что возить и не подумали? Такъ и стоитъ мой пароходъ на пескѣ подлѣ рѣки никому не нужный... Одинъ чистый убытокъ.

Я просидѣлъ минутъ пять, выпилъ шампанское и чай и собрался выходить.

— Будемъ теперь шибко знакомы, — сказалъ мнѣ, прощаясь, бай.

По восточному обычаю провожалъ онъ меня черезъ дворъ, показалъ свой звѣринецъ — за загородкой у него была дикая лошадь, какія то козы, дикій баранъ съ крутыми большими рогами и павлины.

Юлдашевъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Во время путешествій по Маньчжуріи и Китаю, а потомъ во время Японской войны я достаточно повидалъ этой китайщины и притомъ много болѣе богатой. Я былъ у Дзянь-Дзюня въ Гиринѣ, у Фудутуна въ Нингутѣ, и Юлдашевъ меня не удивилъ ни обиліемъ слугъ, ни пыльною роскошью своего дома съ крашеными сандаломъ и покрытыми позолотой балками, ни рѣзными воротами и просторнымъ дворомъ. Отъ всего этого повѣяло на меня глухою, степною, провинціальною скукою и затхлымъ запахомъ замкнутой въ себѣ жизни. И я не проникся къ баю тѣмъ особымъ уваженіемъ, какое питалъ къ баю Юлдашеву генералъ Калитинъ. Не почувствовалъ я въ немъ и князя, владѣтельной могущественной особы. Капиталъ меня не трогалъ и не покорялъ. А тутъ и капиталъ то былъ грязный и плохо позолоченный.

— Такъ что же съ Юлдашевскимъ обѣдомъ? — сказалъ я послѣ короткаго раздумья, во время котораго быстро пронеслось передо мною видѣніе полутемнаго зала, креселъ съ рѣзными рукоятками и достархана съ теплымъ шампанскимъ и горьковатымъ чаемъ. — Что же это будетъ какой нибудь особенный китайскій обѣдъ, который интересно смотрѣть и невозможно ѣсть?

— О нѣтъ. Самый обыкновенный европейскій обѣдъ, и даже не очень тонкій, но изобильный блюдами и винами.

— Тогда въ чемъ же дѣло?.. Вы, пожалуйста, говорите мнѣ все. Я тутъ человѣкъ новый и могу попасть впросакъ.

— Я и хотѣлъ именно все вамъ сказать... Предупредить васъ...

Осиповъ сдѣлалъ нѣкоторую паузу. Потомъ продолжалъ:

— На вашемъ приборѣ, въ салфеткѣ, вмѣсто меню будетъ лежать... пятисотенный кредитный билетъ...

— Какая мерзость!..

— Вотъ видите... Поднимать тутъ же скандалъ, въ присутствіи всѣхъ...

— Бить за это надо, — сказалъ я, вставая, — по рожѣ бить...

— Невозможно... Возьмете вы, или оставите тамъ же, сдѣлавъ видъ, что вы не замѣтили, не обратили вниманія — все равно, тѣнь на васъ будетъ наброшена и вы потеряете то уваженіе, которое вы начали завоевывать у офицеровъ. Я слышалъ, какъ офицеры говорили: — «посмотримъ, пойдетъ, или нѣтъ нашъ командиръ обѣдать къ Юлдашеву».

— Спасибо, Ефимъ Никитичъ, что предупредили меня. Конечно, не пойду.

— Обида будетъ большая... Разрывъ...

— Да вотъ оно что?.. Разрывъ? А какъ же тогда съ довольствіемъ полка? Вѣдь тутъ, кажется, все у Юлдашева, и ничто безъ Юлдашева. Это очень осложняетъ, знаете, дѣло.

— Нѣтъ, господинъ полковникъ, въ этомъ вы неправильно освѣдомлены. Все у Юлдашева, вслѣдствіе его хитрости и нашей довѣрчивости и не предпріимчивости. Есть тутъ татаринъ Нурмаметовъ — онъ давно набивается на поставки. Человѣкъ богатый и честный. Если вы согласны порвать съ Юлдашевымъ, выйти изъ подъ его весьма невыгодной для полка опеки — у насъ и деньги хозяйственныя будутъ и все будетъ честно и прямо, безъ всякихъ грязныхъ намековъ. Если вы позволите, я завтра приведу Нурмаметова къ вамъ въ обѣденное время, чтобы никто его не видалъ. Вы познакомитесь съ нимъ и сами убѣдитесь, что это за человѣкъ.

24. Нурмаметовъ. — Сами у себя воруемъ

Нурмаметовъ мнѣ очень понравился. Въ немъ не было важности и самоувѣренности Юлдашева. Высокій, красивый татаринъ съ голымъ лицомъ, опрятно, но не роскошно одѣтый во все черное, онъ быстро съ нами сговорился.

Подряды на поставки въ полки сдавались съ торговъ. Въ Джаркентѣ никакихъ газетъ не было и негдѣ было объявлять о назначеніи такихъ торговъ. Дня за три до торговъ на дверяхъ штаба бригады вывѣшивалось для «проформы» объявленіе о томъ, что въ такой то день и часъ назначаются торги на поставку частямъ гарнизона мяса, муки, крупы, приварка, ячменя, дровъ, сѣна, соломы, и пр. въ такой то пропорціи. Всѣ знали заранѣе, что запечатанный конвертъ съ обозначеніемъ цѣнъ будетъ только одинъ — отъ бая Юлдашева — никто другой не смѣлъ выступать на торгахъ противъ всемогущаго бая.

На этотъ разъ въ штабѣ оказался и другой пакетъ. Купецъ Нурмаметовъ брался за поставку всего нужнаго для 1-го Сибирскаго Ермака Тимофеева полка и цѣны его были на все на пятачокъ меньше Юлдашевскихъ.

Къ великому неудовольствію генерала Калитина и негодованію бая Юлдашева — поставка осталась за Нурмаметовымъ. Вскорѣ послѣ, и наши батареи порвали съ Юлдашевымъ и перешли на Нурмаметова.

Мы могли теперь спокойно представить нашу смѣту на 1912-й годъ.

Генералъ Калитинъ торопился ѣхать въ Петербургъ въ отпускъ. Смѣта была спѣшно пересмотрѣна, Генералъ Калитинъ приказалъ прибавить денегъ на призы казакамъ, противъ чего я не возражалъ, и смѣта была утверждена. Оставалось ее выполнить.

Но я долженъ сознаться, что все таки и я получилъ взятку отъ Нурмаметова и принялъ ее.

Жили мы съ нимъ душа въ душу. Онъ согласился спеціально для полка весною засѣять свои поля вмѣсто ячменя овсомъ, и съ осени лошади наши стали на овесъ и начали быстро нагуливать тѣло и блестящую овсяную «рубашку». Нурмаметовъ всячески старался угодить намъ и помочь и своими знаніями и своими рабочими при всѣхъ полковыхъ работахъ. Онъ былъ очень крупный мѣстный землевладѣлецъ и обладатель лучшаго въ краѣ фруктоваго сада.

Осенью, когда созрѣли плоды, — онъ прислалъ господамъ офицерамъ и мнѣ по большой, аршина полтора въ діаметрѣ, корзинѣ замѣчательныхъ дынь, разнаго винограда, грушъ, яблоковъ, персиковъ и сливъ. Все это было красиво уложено и сопровождалось запиской съ «хорошими» словами. Зная ничтожную рыночную цѣнность присланнаго, я не рѣшился отказаться отъ подарка, посланнаго отъ чистаго сердца и безъ задней мысли и потомъ отдарилъ Нурмаметова какой то европейской вещицей. Разбирая претензіи сотника А. и хорунжаго И. я наткнулся на поразившее меня открытіе. Вѣрненское казначейство задерживало всѣ денежные отпуски полку ровно на полъ года. Отъ этого полку приходилось жить въ долгъ и задерживать всѣ оплаты. Когда Осиповъ доложилъ мнѣ объ этомъ, я спросилъ:

— Почему же это такъ дѣлается?

— Не могу знать... Но... Полугодовая стоимость содержанія гарнизона выражается во многихъ сотняхъ тысячъ. Задержанные на шесть мѣсяцевъ, возможно, что онѣ даютъ какой нибудь доходъ казнѣ.

Я накаталъ свирѣпый рапортъ и, такъ какъ въ это время я былъ за Начальника бригады, рапортъ мой прямо пошелъ въ Вѣрный.

Я не знаю, что тамъ вышло. Кажется, вышла довольно таки скверная исторія, вооружившая противъ меня чиновный и общественный міръ (доносъ!), но въ полку установилось полное благополучіе. Офицеры каждаго двадцатаго стали получать жа-

лованье, между 1-мъ и 5-мъ всѣ разсчеты съ казаками были закончены и жалованье и ремонтныя были розданы. Поставщики получали по счетамъ безъ задержки. Потомъ я узналъ, что этимъ моимъ поступкомъ былъ очень доволенъ генералъ Фольбаумъ, отъ него раньше скрывали эти задержки.

Чтобы покончить съ дѣлами хозяйственными я долженъ разсказать и еще о небольшомъ случаѣ, когда я опять таки, благодаря моему Ангелу Хранителю — Войсковому Старшинѣ Осипову вышелъ съ честью изъ бѣды.

Это было подъ весну, когда и служба и отношенія между нами наладились и мы хорошо поняли другъ друга и другъ другу повѣрили.

Заходитъ ко мнѣ на квартиру Осиповъ и говоритъ:

— Не согласитесь ли вы, господинъ полковникъ, вмѣстѣ со мною, на половинныхъ началахъ пожертвовать сто рублей на одно дѣло?

— Какое дѣло?

— Видите — каждую осень въ полку не оберешься претензій таранчей бахчевниковъ на то, что казаки у нихъ воруютъ дыни и арбузы. Отучить отъ этого казаковъ невозможно. Стоимость дыни — 2-3 копѣйки, а скандала, крика, жалобъ на сотни рублей. Предавать суду рука не поднимается. Тароватый у себя дома казакъ даже не понимаетъ, что онъ совершилъ преступленіе. Вотъ я и придумалъ. Вы знаете тотъ клинъ полковой земли, что лежитъ между казармами 4-й и 6-й сотенъ, манежемъ и берегомъ Усека. За сто рублей я найму двухъ таранчинцевъ и тѣ намъ раздѣлаютъ на этомъ клину восхитительную бахчу, засадятъ ее самыми разнообразными дынями и арбузами. Казакамъ будетъ большой соблазнъ воровать тутъ же подлѣ казармъ. Никто не будетъ знать, что бахча принадлежитъ намъ съ вами, а мы будемъ молчать и не станемъ самимъ себѣ жаловаться.

Я, конечно, охотно согласился. За казармами были разбиты большія бахчи, казаки осенью наслаждались и своими удалыми ночными набѣгами и прекрасными дынями. Одно ихъ удивляло, что никто не жалуется на нихъ, никто не тягаетъ къ отвѣту.

На второй годъ они, или догадались, или, быть можетъ, таранчинцы бахчевники имъ проболтались, кому принадлежатъ бахчи и тогда, казаки стали посылать мнѣ лучшіе фрукты. Я ѣлъ ворованныя у меня дыни.

25. На занятіяхъ «одиночкой»

Пришли молодые казаки, были по новому распредѣлены по сотнямъ, и прочно установилось росписаніе занятій.

Оно у меня нѣсколько отличалось отъ тѣхъ росписаній, какія были раньше въ полку. Понедѣльникъ, вторникъ и пятница — были посвящены одиночному обученію казака и выѣздкѣ его лошади. Среда — баня и уборка помѣщеній, а очередная сотня и съ нею любители офицеры и казаки — охотники отправлялись до разсвѣта на охоту. Четвергъ — пѣшій строй всему полку подъ музыку (муштровка). Субботу — одну недѣлю дневной маневръ, съ выступленіемъ до разсвѣта и возвращеніемъ къ полудню, другую недѣлю ночной маневръ съ выступленіемъ въ пятницу вечеромъ и возвращеніемъ въ субботу утромъ.

Какъ памятны мнѣ эти утра одиночныхъ ученій. Въ восемь часовъ утра я выхожу изъ своей квартиры, огибаю уголъ квартала и вхожу въ широкую улицу. Уже почти голы высокія раины аллей вдоль арыковъ. Въ концѣ улицы, какъ въ рамѣ оголенныхъ деревьевъ — широкій плацъ, величиной съ Марсово поле въ Петербургѣ. За нимъ розовѣетъ востокъ и стѣна снѣговыхъ горъ. Словъ нѣтъ — поразительно красиво. Но и постоянно и непрерывно напоминаетъ о томъ, какъ далеко забросила насъ служба отъ всего того, что намъ по родному, по родственному дорого и мило, отъ всѣхъ

близкихъ и дорогихъ людей... Рубежъ Китая... Край Небесной Имперіи... Конецъ земному царству.

Уголъ плаца занятъ полковой учебной командой и молодыми казаками и ихъ лошадьми 1-й сотни.

На двухъ большихъ кругахъ, уткнувшись мордами въ хвосты, ходятъ рысью лошади старослужащихъ казаковъ. На нихъ безъ стремянъ и поводьевъ сидятъ молодые казаки. Они въ суконныхъ рубашкахъ, безъ оружія.

Мнѣ издали слышно, какъ командуетъ сотникъ Анненковъ:

— Руки на бедра! Нагибаніе корпусомъ налѣво и направо, начинай.

Мѣрно бѣгутъ маленькія киргизскія лошадки, трясутся на нихъ казаки, гнутся корпусами...

— Наметомъ — ма-аршъ!.. Выбрасываніе рукъ впередъ, въ стороны, вверхъ и внизъ.

Въ воздухѣ свѣжо. Джаркентская зима даетъ себя знать. Уже были утренніе заморозки. Розоватая пыль курится надъ смѣнами. Въ ней видны машущія руки казаковъ, скачущія лошади.

Я стою въ сторонѣ и наблюдаю. Хорошо ведутъ ученья. Тамъ, подальше, у Артифексова въ учебной командѣ на тридцати вольтахъ бѣгаютъ на веревочныхъ кордахъ лошади, щелкаютъ самодѣльные бичи.

— Принять! Отцѣпить корды!.. Разобрать лошадей.

У всѣхъ казаковъ камышевыя палочки шесть вершковъ длиной. Начинается «работа въ рукахъ».

— На тротъ — ма-аршъ!

Подбираются киргизскіе коньки, становясь на тротъ, задираютъ имъ кверху «топорикомъ» тяжелыя головы казаки.

Но... Меня увидали.

— Смѣна стой!.. Смирно! Господа офицеры!

Я подхожу къ смѣнамъ и здороваюсь съ казаками.

На противоположномъ краю плаца учатся сотни 2-го полка. Тамъ поставлена лоза и глина и скачутъ, скачутъ, скачутъ длинными вереницами казаки. Сверкаютъ на солнцѣ шашки.

Такой это контрастъ съ кордами, съ качаніемъ ноги впередъ и назадъ на наметѣ по кругу.

Первый часъ конченъ. Вспотѣвшіе казаки ведутъ парящихъ лошадей къ казармамъ. Офицеры подходятъ ко мнѣ.

— Господинъ полковникъ, — несмѣло говоритъ Артифексовъ, — вы не думаете, что мы такъ отстанемъ отъ 2-го полка, что уже не нагонимъ его. Весною состязанія. Долго-ли до весны.

— Ну а сами то вы какъ, развѣ не находите, что послѣ двухъ недѣль всего лошади стали мягче на поводъ и гибче.

Артифексовъ, высокаго роста съ безбородымъ сухимъ лицомъ, покрытымъ бурымъ загаромъ. Онъ самый сильный въ полку человѣкъ и отличный гимнастъ. Онъ недовѣрчиво смотритъ на меня и говоритъ:

— Вчера былъ на занятіяхъ генералъ Калитинъ. Стоялъ долго, кривился, щурился, смѣялся, потомъ показалъ на 2-й полкъ, тамъ джигитовали, и сказалъ: — «вотъ это дѣло — по казачьи ,а то что»...

Я останавливаюсь въ улицѣ-аллеѣ въ тѣни еще не совсѣмъ облетѣвшаго сада.

— Смотрите сами, Леонидъ Александровичъ, и провѣрьте себя. Вонъ, видите — казакъ нагнулся рубить, а лошадь бросилась отъ лозы въ сторону. Онъ едва усидѣлъ. Его ворочаютъ назадъ, опять тоже... Бѣгаютъ, кричатъ, нагайками бьютъ лошадь. Чѣмъ она виновата — она просто не выѣзжена и казакъ сидитъ на ней кулемъ.

— У насъ, господинъ полковникъ, этого не будетъ, — говоритъ Анненковъ. — Казаки начинаютъ понимать, въ чемъ тутъ дѣло и увлекаются этимъ. У меня на «приниманія въ рукахъ» становятся.

Я смотрю на Анненкова. Нѣтъ, это не лесть, не подмазываніе къ командиру полка, не «4711»*), какъ говоритъ командиръ

*) Мыло № 4711 — особенно рекламируемое въ то время.

2-й батареи подполковникъ Никольскій, не «мыловарство», — но Анненкова точно захватила систематическая работа.

У перекрестка съ проспектомъ мы разстаемся. Я иду быстрыми шагами по проспекту къ выходу изъ города на нашъ главный большой плацъ, гдѣ казармы сотенъ.

Тамъ тоже дѣлается нѣчто по мнѣнію многихъ несуразное. Барабанщикъ стрѣлокъ бьетъ «рѣдкій шагъ», казаки и тоже безъ оружія маршируютъ гуськомъ по квадрату. Въ сторонѣ блещутъ звѣздами въ небѣ острія пикъ, тамъ, казаки, стоя пѣшкомъ, разставивъ ноги, дѣлаютъ боковые и горизонтальные круги, ширяютъ пиками по воздуху. Въ сосѣдней смѣнѣ тоже продѣлываютъ съ шашками — развиваютъ кисть, локоть, плечо.

Идетъ муштровка, та «дрилль», безъ которой не создать воина даже изъ такого прекраснаго матерьяла, какимъ были Сибирскіе казаки.

За всѣмъ здѣсь наблюдаетъ войсковой старшина Первушинъ. Я могу быть совершенно спокоенъ. Въ Павловскомъ училищѣ Первушинъ въ совершенствѣ постигъ тайны маршировки и муштры.

Издали видна его маленькая стройная фигура. Онъ идетъ рядомъ съ молодымъ казакомъ и показываетъ ему игру носка.

— Смотри на меня, — звонко кричитъ онъ, заглушая барабанный бой, — тяни носокъ книзу, неси прямую ногу впередъ, вались на нее всѣмъ тѣломъ. Поставилъ — поднимай ту, что осталась позади, носокъ кверху, проноси плавно...

Первушинъ увидалъ меня:

— Дивизьонъ стой! Смирно!.. Господа офицеры!

Яркое, ноябрьское солнце свѣтитъ съ безоблачнаго неба. Близкими кажутся громадныя Алатаускія горы. Снѣга спустились низко. Весь хребетъ сверкаетъ во всю длину, какъ чеканное серебро. Горы напоминаютъ Гималаи у Дарджилинга. Надъ ледниками курится сѣрая дымка метели. Тамъ воетъ и реветъ страшная горная буря.

Здѣсь тихо. Поднятая марширующими золотистая пыль медленно ложится на землю. Бьетъ барабанъ: — тамъ... тамъ... тамъ-та-тамъ....

26. Полковыя охоты

По средамъ — охота. Если только полковыя дѣла мнѣ позволяютъ, я принимаю въ ней участіе не какъ командиръ полка, но какъ охотникъ-любитель. На нашихъ охотахъ — хозяиномъ распорядителемъ всегда Войсковой Старшина Первушинъ. Ему помогаетъ сотникъ Грибановъ. Первушинъ страстный охотникъ. Онъ исходилъ здѣсь всѣ мѣста, заранѣе знаетъ, гдѣ какой звѣрь, или птица будетъ. Онъ и создаетъ планъ охоты, направляетъ загонщиковъ на облавѣ распредѣляетъ жеребья и ставитъ по нимъ стрѣлковъ.

Наша охотничья семья не велика и почти всегда одна и та же. Первушинъ, Грибановъ, Осиповъ, Дороговъ-Ивановъ, хорунжій Ивановъ, иногда есаулъ Волковъ и сотникъ Анненковъ, два, три казака, да еще присоединяются къ намъ офицеры любители Стрѣлковаго полка.

Мѣста не откупныя и не арендованныя. Громадная площадь камышей, тянущаяся отъ Джаркента до рѣки Или и вдоль нея до озера Балхашъ — ничья — Божья. Въ ней тигры водятся. Раньше они подходили къ Джаркенту, теперь откочевали далеко внизъ по Или, къ самому Балхашу. Тигръ не любитъ шума людского, не любитъ, чтобы его безпокоили. Онъ царь здѣшнихъ звѣрей. Ближе къ Или у самой Китайской границы, гдѣ глуше, водятся, и въ изобиліи, кабаны, здѣсь, у Джаркента — козлы, зайцы, набѣжитъ иногда лисица и всегда въ изобиліи,

— фазаны. На рѣкѣ Или множество утокъ самыхъ разнообразныхъ породъ.

Мы выступаемъ около шести часовъ утра съ разсчетомъ къ разсвѣту быть на мѣстѣ перваго загона.

Ночь еще въ полной силѣ. На сборномъ мѣстѣ, на главномъ проспектѣ около гарнизоннаго собранія, стоитъ, ожидая, очередная сотня. Люди въ полушубкахъ безъ оружія. Къ ней со всего города подъѣзжаютъ охотники. Первушинъ на крупномъ англоарабѣ осматриваетъ и провѣряетъ, всѣ ли заявившіе вчера о желаніи участвовать на охотѣ собрались.

— Господинъ полковникъ, можно вести?

Это только для проформы. Первушинъ знаетъ, что онъ тутъ полный хозяинъ.

Едва начинаетъ свѣтать, когда мы выбираемся за городъ, по броду переходимъ рѣку Усекъ. Казаки поятъ въ ней лошадей. Визжитъ галька подъ копытами коней. Передъ нами желтой стѣной стоятъ заросли сухого камыша — при-Илійскія джунгли. Разговоры смолкаютъ. Папиросы потушены. Въ утренней тишинѣ мѣрно стучатъ по мягкой илистой дорогѣ шаги сотни лошадей.

Безъ команды, по знаку, останавливаемся. Слѣзаемъ съ лошадей. Первушинъ насыпаетъ въ папаху приготовленные жеребья и подходитъ ко мнѣ. Лицо его сосредоточенно и серьезно. Жеребья разобраны и первому Первушинъ указываетъ его мѣсто. Потомъ идетъ и въ полголоса совѣщается съ вахмистромъ. Слышно только, какъ вахмистръ говоритъ: — «понимаю... Не извольте безпокоиться, я сигналъ тогда подамъ, когда все готово будетъ»...

Сзади насъ по пустынѣ бѣгутъ золотые лучи. Солнце восходитъ. Заиндевѣлые камыши блестятъ брилліантами. Мы тихо расходимся и становимся шагахъ въ шестидесяти отъ нихъ. Утренній вѣтерокъ набѣгаетъ и шуршитъ сухими листьями. Небо безъ облака, какъ почти всегда здѣсь, солнце сзади. Послѣ ночного мороза становится теплѣе, кое кто снялъ шинель или полушубокъ и отдаетъ вѣстовому повьючить на лошадь.

Кругомъ молчаніе, ни разговора, ни шутокъ. Всѣ какъ то нахохлились. Кто стоитъ у корявой безлистой джигды съ кривымъ сѣрымъ стволамъ, кто присѣлъ за болотной кочкой. Шумъ сотни, раздвигавшей лошадьми камыши, затихаетъ. Кажется томительно медленно тянется время.

Вдругъ, и не тамъ, гдѣ мы ожидали, раздается рѣзкій трубный звукъ: «не прозѣвайте трубный звукъ сигнала» и потомъ «впередъ, впередъ, впередъ»... Онъ кажется совсѣмъ близкимъ. И сейчасъ же лѣсъ камышей оживаетъ и наполняется криками и гамомъ.

— О-э!.. О-ооо!.. Ого-го!.. А-та-та!.. А-та-та!..

Красавецъ пѣтухъ фазанъ съ характернымъ квохтаньемъ порвался изъ камышей, за нимъ другой, третій. Цѣпь стрѣлковъ гремитъ, то одиночными увѣренными выстрѣлами — сразу знаешь, что попалъ, то двойными, неувѣренными-промахами. Вдругъ все смолкаетъ и на нашей линіи наступаетъ напряженнѣйшая тишина ожиданія.

Отъ загонщиковъ раздается предупреждающій крикъ:

— Лѣвый фланокъ смотрить — берегить козла!

Затихавшіе было голоса уставшихъ кричать загонщиковъ оживаютъ снова. То и дѣло передаютъ наблюденія за козломъ, казакамъ съ лошадей виднымъ,для насъ пока невиднымъ. Да уже не два ли тамъ козла?

— Пошелъ въ середку... Смотри, смотри!.. А-та-та!..

Линія стрѣлковъ замираетъ... Фазаны, трепща крыльями, взлетаютъ и перелетаютъ тутъ и тамъ. Никто не смотритъ на нихъ. Всѣ ждутъ козла.

Рѣзко и какъ то внушительно прогремѣлъ одиночный выстрѣлъ. Загонщики на мгновеніе смолкаютъ, потомъ снова кричатъ:

— Берегить! Козелъ на лѣвый фланокъ пошелъ!..

Уже слышно, какъ хрустятъ камыши подъ лошадиными грудями. Снова выстрѣлъ и радостные крики:

— Взяли козла!

Изъ камышей появляются казаки съ оживленными, разрумянившимися лицами. Загонъ оконченъ.

Козелъ и шесть фазановъ отвозятся казаками на дорогу, гдѣ ожидаетъ добычу сотенная артельная телѣга. Мы садимся на лошадей и ѣдемъ дальше.

Первушинъ всегда съумѣетъ такъ сообразить охоту, что мы до полудня сдѣлаемъ около пяти загоновъ и выйдемъ на одну изъ большихъ дорогъ, или на Вѣрненскій трактъ къ «муллушкамъ» у карагачевской рощи, или на Илійскую дорогу у Чолокая. Тамъ насъ ожидаетъ сотенная кухня съ горячимъ обѣдомъ и четвертью водки для казаковъ, холодная закуска, заготовленная заботливыми руками женъ охотниковъ — хлѣбъ со вложенными въ него котлетами или кусками курицы, печенье, чай, водка и вино.

Тутъ все настоящіе охотники, а не любители пикниковъ и выпивки подъ предлогомъ охоты. Время летитъ незамѣтно. Офицеры разлеглись на землѣ по буркамъ и полушубкамъ. Убитая дичь разложена сзади. Веселымъ кругомъ толпятся казаки съ котелками около кухни. Звенитъ черпакъ. Вкусно пахнетъ казачьими щами. Не смолкаютъ разговоры — подтруниванія надъ неудачниками, легкая, невинная лесть хорошимъ стрѣлкамъ.

— Вѣдь я почему, Ефимъ Никитичъ, козла не стрѣлялъ. Вижу — на васъ идетъ. И мнѣ притомъ же стрѣлять навкось.

— Козелъ что твоя лошадь!.. О пяти отросткахъ рога.

— Да ты и правильно дѣлалъ, что не стрѣлялъ, все одно — промазалъ, только козла напугалъ бы.

— Ну!.. Про-ма-залъ!.. Почему я промазалъ?

— А Ефимъ Никитичъ въ разъ. Ударилъ и готовъ.

— Ваше здоровье, Ефимъ Никитичъ!

Осиповъ герой дня. Два козла уже его, да нѣсколько фазановъ. Онъ чокается со мною. На него пріятно смотрѣть, какъ онъ пьетъ водку. Такой онъ большой, сильный, румяный, красивый, пьетъ и нисколько не хмѣлѣетъ.

— Что же, господа, — вставая, говоритъ Первушинъ. — Зимній день коротокъ. Еще загончика три сдѣлаемъ, да и айда домой.

Къ вечеру взято шесть козловъ и двадцать фазановъ. Первушинъ распредѣляетъ кому что отвезти. Начальству, собранію, участникамъ, — семейнымъ, но и казаки не забыты. Во всѣхъ сотняхъ послѣзавтра будетъ прекрасная козлятина.

Уже ночь, когда мы въѣзжаемъ въ Джаркентъ. Въ черномъ небѣ сверкаютъ ясныя звѣзды. Въ городѣ темно. Лишь кое гдѣ сквозь запертыя ставни сквозитъ золотая полоска.

Всѣ устали отъ ѣзды, ходьбы по болотнымъ кочкамъ въ камышахъ, отъ морознаго воздуха и отъ волненія охоты. Но всѣ встряхнулись и освѣжились, завтра легче будетъ идти на занятія.

Всю дорогу молчавшіе загонщики, какъ только выѣхали въ городскія улицы, подтянулись, пѣсельники запѣваютъ хриплыми, застуженными голосами: —

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ...
Передъ дикими ордами —
Мы не первый разъ стоимъ!..

Мы прошли всю степь, какъ море,
Сквозь песочный ураганъ...
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Бьетъ съ бархана на барханъ...

Пѣсня грозно гудитъ, широко разливается по темнымъ аллеямъ Джаркента, гдѣ бѣлыми привидѣніями стоятъ высокіе заиндевѣлые тополя. Въ этой пѣснѣ своя музыка и особенная дикая, первобытная сила. На ноты ее не положишь, мелодію не уловишь. Создали ее многодневные походы черезъ степи и пустыни, вылилась въ ней тяжелая доля Сибирскаго казака съ борьбою съ природой и жизнью въ необъятныхъ просторахъ Азіи. Въ ея грубомъ напѣвѣ своя суровая, несокрушимая прелесть.

Передъ полковымъ и войсковымъ празд-

никомъ, 6-го декабря, Первушинъ испрашиваетъ разрѣшеніе устроить «грандіозную» охоту на кабановъ въ верховьяхъ рѣки Или. Пойдутъ на Китайскую границу, недѣли на полторы, будутъ жить въ киргизскихъ кошмяныхъ юртахъ, вести суровый образъ жизни первобытныхъ охотниковъ.

Для меня великъ соблазнъ поѣхать вмѣстѣ съ ними, но генералъ Калитинъ уѣхалъ въ отпускъ, я остаюсь за начальника бригады и не могу надолго покинуть стоянку полка.

Охотники поѣхали на другой день послѣ Георгіевскаго праздника, 26-го ноября. Это — войсковой старшина Первушинъ, сотники Дороговъ, Ивановъ и Асановъ, хорунжіе Ивановъ и П. (не могу вспомнить фамилію). Съ ними пятьдесятъ казаковъ-любителей со всѣхъ сотенъ, все народъ серьезный и надежный, лихой и предпріимчивый, много съ ними и урядниковъ. Каждый понимаетъ, что охота на кабана — серьезная охота. Будутъ стрѣлять съ загона, а если прорвется кабанъ на чистое — погонятъ его на коняхъ, чтобы колоть пиками и рубить шашками.

Вернулись они 4-го декабря и привезли на нанятыхъ арбахъ — пять громадныхъ кабановъ и 6 великолѣпныхъ дикихъ козловъ. Будетъ что подать къ обѣду на праздникъ и въ сотняхъ и въ собраніи, у всѣхъ будетъ кабанина и козлятина въ изобиліи.

Охота прошла благополучно. Только у хорунжаго Иванова была довольно серьезно ранена лошадь. Когда кабанъ вышелъ изъ камышей, Ивановъ погналъ его верхомъ, пытаясь съ коня пристрѣлить звѣря. Кабанъ, чуя гибель, извернулся, кинулся подъ лошадь, Ивановъ и кабанъ свалились на землю въ одну общую кучу. Первымъ изъ нея выбрался кабанъ, на него наскочилъ казакъ и прикончилъ его ударомъ шашки.

Такъ наши охоты были не только забавой и развлеченіемъ въ монотонной жизни на азіатской окраинѣ ,но и серьезной школой находчивости, смѣлости, расторопности, ловкости, умѣнья рискнуть и взаимной выручки.

27. Полковой праздникъ

По четвергамъ былъ общій пѣшій строй всему полку. На площадь, у гарнизонной церкви, центральное мѣсто для всѣхъ сотенъ и командъ, сходился полкъ, и часа полтора, а иногда и два дѣлалъ общіе шашечные и ружейные пріемы, и маршировалъ подъ трубачей по широкому плацу, то, медленно, учебнымъ шагомъ, въ колоннѣ по три разомкнутыми рядами, гдѣ каждый казакъ былъ виденъ, то обыкновеннымъ шагомъ по шести, потомъ повзводно, по полусотенно, и, наконецъ, развернутымъ строемъ сотенъ, шагомъ и бѣгомъ. Шла пѣшая тренировка полка, выработка свободнаго дыханія, легкой и красивой походки, выжиманіе ноги, развитіе грудной клѣтки. Люди пріучались отвѣчать подъ ногу, кричать ура, каждый сотенный командиръ могъ тутъ видѣть, въ чемъ отстала отъ другихъ его сотня, въ чемъ она была слабѣе, я же выравнивалъ полкъ по лучшей сотнѣ.

На первомъ же полковомъ праздникѣ я и пожалъ плоды этой работы.

Къ великой радости моихъ офицеровъ это была первая наша побѣда въ гарнизонѣ.

Какъ вышли на площадь Ермаковцы — трубачи, три сотни по полныхъ двѣнадцати рядовъ во взводахъ и нестроевая команда — красота!

Ростъ гвардейскій, на всѣхъ обновленныя шинели, у всѣхъ новенькіе нашитые красные погоны съ новой шифровкой «Сб.», у всѣхъ одинаковыя папахи настоящаго бараньяго мѣха съ алыми тумаками, какъ стали на свое мѣсто лѣвѣе батарей и стрѣлковъ такъ просто заглядѣться можно.

Знамя по Туркестанскому, Скобелевскому

обычаю принимали дружнымъ «Ура» и мои Ермаковцы были научены кричать по гвардейски — «ура-а-а-а», съ безконечно протяженнымъ звукомъ «а», а не лаять, отрубая по нѣмецки, «ура»... «ура»... «ура»...

... «А послѣ музыки и дружное ура!..
Красивъ парадъ въ морозный зимній день.
Чубы казачьи завиты съ утра,
Папахи ухарски надѣты на бекрень»...*).

Какъ пошли Ермаковцы послѣ батарей и стрѣлковъ по полусотенно широкимъ вымаханнымъ шагомъ, смѣло и быстро, какъ вскинули головы въ сторону начальника и послѣдовалъ отвѣтъ на похвалу начальника гарнизона, командира 21-го Туркестанскаго стрѣлковаго полка полковника князя Баратова:

— Рады стараться, ваше сіятельство! — я услышалъ, какъ гулъ одобренія пронесся въ толпѣ горожанъ, офицеровъ и ихъ семей.

«Дѣйствительно молодцы Ермаковцы!».

На свое, на первое мѣсто стали Ермаковцы. Повѣрили тогда всѣ сомнѣвающіеся въ пользу одиночнаго обученія и муштры, въ необходимость нашей зимней работы.

Послѣ короткихъ здравицъ: — въ настоящей арміи рѣчей говорить не принято, разошлись по сотнямъ.

Въ казармахъ чисто прибрано, убраны казармы флагами, столы накрыты чистыми скатертями и покрыты расшитыми полотенцами. Принесли прозрачныя водочныя четверти, розлили чарки-манерки, и уже несутъ тяжелыя миски, полныя горячихъ пельменей. Вчера и занятій не производили — всѣ казаки сотенъ раскатывали тѣсто и готовили тысячи пельменей изъ свѣжаго бараньяго мяса. Послѣ пельменей — кабанина и козлятина, Туркестанское вино Ташкентскаго винодѣла Иванова и пиво. Торжественный тостъ:

— О здравіи Державнаго Вождя Русской арміи Государя Императора!

*) Марія Волкова. «Пѣсни Родины», Харбинъ, 1936 г., стр. 37.

Ура! и гимнъ.

Въ гарнизонномъ собраніи въ шесть часовъ вечера былъ общій обѣдъ. Полки именинники угощали весь гарнизонъ. Были всѣ чиновники Джаркента, былъ и бай Юлдашевъ.

Въ залѣ и столовой за четырьмя столами размѣстились гости и хозяева. Собранскій поваръ и его помощники щеголяли столичнымъ меню, въ него входила индѣйка, кабанье мясо и козлиное сѣдло. Русскія вина лились рѣкой. Играли трубачи двухъ полковъ и пѣли пѣсельники.

Я былъ предупрежденъ моими обоими помощниками, что это уже такъ заведено — ничего тутъ не подѣлаешь! — такая традиція, что три дня — пей до дна!.. пей до дна!!. пей до дна!!!

На 7-е назначались такъ называемыя «доѣдки». Съ доѣдками я примирился, ну, а когда на 8-е хотѣли начинать все сначала, собралъ я полкъ въ семь часовъ утра по тревогѣ и повелъ его съ полными мѣрами охраненія, въ чинномъ порядкѣ, съ головной сотней и заставами съ дозорами въ Голубевское за пятнадцать верстъ.

Шли перемѣнными аллюрами. Шли молча, нахохлившись, весьма недовольные и маневромъ и своимъ командиромъ. Опохмѣлялись свѣжимъ, слегка морознымъ воздухомъ пустыни ,растрясли и праздники и «доѣдки».

Въ Голубевскомъ былъ на полъ-часа привалъ, назадъ шли «вольно» съ трубачами и пѣсельниками. Понемногу расходились казаки и господа. Все веселѣе, громче и звонче звучали пѣсни. Съ присвисточкой пѣли:

... «Утромъ рано весной
На редутъ крѣпостной,
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый...
Я на пушкѣ сижу,
Самъ на крѣпость гляжу,
Сквозь прозрачныя волны тумана...»

Когда у въѣзда въ городъ, за длиннымъ Борохудзирскимъ мостомъ, распуская сотни по казармамъ, я пропускалъ мимо себя

полкъ, войсковой старшина Первушинъ сказалъ мнѣ:

— А это вы недурно придумали, господинъ полковникъ, вся праздничная дурь и пьянство вылетѣли изъ головъ господъ офицеровъ и казаковъ. Теперь опять ,шутя, станемъ на работу. А то раньше, бывало, съ недѣлю у всѣхъ головы трещатъ, никакъ не раскачаемся на службу.

Но особенно были этимъ довольны наши милыя полковыя дамы. Этотъ третій день праздника влеталъ ихъ мужьямъ не въ одну копѣечку, а народъ въ полку вообще былъ небогатый.

28. Маневры

По пятницамъ въ ночь, или по субботамъ съ утра, я дѣлалъ полку маневры. Молодые казаки на этотъ случай надѣвали полную походную амуницію и становились въ строй сотенъ.

Конечно, большого, замысловатаго, словомъ настоящаго маневра я не могъ разыграть — силъ для этого было недостаточно и люди не были подготовлены. Давалась самая простая задача, но на ней я требовалъ самаго внимательнаго и вдумчиваго исполненія ея каждымъ отдѣльнымъ казакомъ.

Такъ, напримѣръ, въ моей полевой книжкѣ, значится на 19-го ноября 1911-го года: — «19-го ноября въ 8 часовъ утра въ городѣ Джаркентѣ получено извѣстіе, что небольшой отрядъ, имѣя въ авангардѣ конницу, неизвѣстно сколько, движется по Хоргосской дорогѣ и прошелъ кишлакъ Аккентъ.

«6-ая сотня поднята по тревогѣ и двинута навстрѣчу противнику въ авангардѣ полка. Когда она подходила къ православному кладбищу, она была обстрѣляна изъ деревни Гышканъ рѣдкимъ огнемъ. Послала о томъ донесеніе. Получила приказаніе: — «спѣшьтесь въ улицахъ Джаркента, займите опушку города. Задерживайте противника до подхода полка.

«Исполнить: — къ 9-ти часамъ утра подойти къ опушкѣ Джаркента у кладбища. Спѣшиться изъ походной колонны съ батовкою коней. Послать пѣшіе дозоры и выставить конные наблюдательные посты. Занять опушку для обороны. Примѣненіе къ мѣстности. Установка прицѣла и правильное прицѣливаніе. Перемѣна цѣлей и огня. Противодѣйствіе охвату. Назначать раненыхъ и выносить ихъ къ коновязямъ. Учредить перевязочный пунктъ. Обратить особое вниманіе на толковое примѣненіе къ мѣстности и на правильную установку прицѣла. Управленіе огнемъ. Наблюденіе за противникомъ».

Противника на этомъ маневрѣ изображала 4-ая сотня. Она вела наступленіе тоже пѣшкомъ. Мы разыгрывали стрѣлковый бой спѣшенными частями конницы.

Я старался разнообразить маневры, вносить въ нихъ элементъ правдивости и соотвѣтствія нашей жизненной обстановкѣ. Старался создать иллюзію настоящаго боя.

Незамѣнимыми моими помощниками въ такихъ маневрахъ были полковая учебная команда съ ея офицерами хорунжими Артифексовымъ и Ивановымъ.

Однажды, весною я поручилъ имъ незамѣтно перетащить къ себѣ изъ всѣхъ сотенъ чучела для рубки. Когда наступила ночь, учебная команда разставила и разложила ихъ въ безпорядкѣ на большой окраинной площади Джаркента. Казаки же учебной команды расположились укрыто за стѣнами окружающихъ площадь садовъ. Они были обильно снабжены холостыми патронами.

Когда все было исполнено, я пріѣхалъ верхомъ въ 4-ю сотню и поднялъ ее по тревогѣ. Въ двѣ минуты сотня была готова, черезъ три минуты примчались къ ней жившіе въ городѣ офицеры. Тогда я сказалъ:

— Изъ Аккента къ Джаркенту пробираются мятежные дунгане, есть свѣдѣнія, что они уже вошли въ городъ. Смотрите — уви-

дите ихъ — рубите на совѣсть. Подъесаулъ Волковъ, ведите сотню къ Аккентской дорогѣ.

Ураганомъ поскакала сотня. Но, какъ только голова ея показалась на площади — кругомъ изъ садовъ затрещали выстрѣлы, а на самой площади были видны какія то темныя фигуры. Не своимъ голосомъ скомандовалъ командиръ сотни: — «строй взводы! Первый взводъ врознь маршъ»!

Казаки выхватили шашки изъ ножонъ, взяли пики къ бою и понеслись по площади...

Великолѣпная вышла атака. Я долженъ былъ выскочить впередъ и поторопиться подать сигналъ «отбой», боялся ,что въ пылу азарта не хватили бы и по казакамъ учебной команды по настоящему.

Мнѣ разсказывалъ командиръ перваго взвода хорунжій Поповъ:

— Я былъ и точно увѣренъ, что это дунгане. Мнѣ показалось даже ,что они бѣгутъ. Я такъ отъ сердца рубанулъ. И было просто досадно, когда увидалъ передъ собою чучело...

Эти еженедѣльные маленькіе маневры готовили полкъ къ большимъ маневрамъ всѣхъ войскъ Семирѣченской области, а тѣ готовили незамѣтно къ войнѣ, которая невидимо приближалась къ намъ, тогда такимъ мирнымъ.

Въ августѣ 1913-го года генералъ Фольбаумъ былъ въ нашемъ Тышканскомъ лагерѣ. Почти каждый день были маневры всѣхъ родовъ войскъ, или боевыя стрѣльбы съ маневрированіемъ.

Однажды подъ вечеръ, ведя наступленіе на 22-й Туркестанскій стрѣлковый полкъ, я обнаружилъ его окопавшимся лунками (по настоящему) на крутомъ и каменистомъ скатѣ Тышканскаго плоскогорья. Я выходилъ къ окопамъ изъ Бурханскаго ущелья. Быстро сообразивъ, что стрѣлкамъ придется стрѣлять круто внизъ, что ротныя поддержки и батальонный резервъ и вовсе не смогутъ принять участіе въ отраженіи атаки, на полевомъ галопѣ по трудной мѣстности, развернулъ всѣ четыре сотни для атаки на пѣхоту и эшелонами атаковалъ пѣхоту въ конномъ строю. Атака имѣла грозный видъ. Кремневая галька летѣла изъ подъ конскихъ копытъ, круча была на видъ неодолимая, маленькіе киргизы, какъ кошки, сжимаясь въ клубокъ, неслись вверхъ. Стрѣлки встали въ окопахъ, казаки пронеслись сквозь нихъ и дошли до полкового резерва.

Генералъ Фольбаумъ подалъ «отбой» и черезъ адъютанта вызвалъ меня отдѣльно къ себѣ. Онъ былъ круто недоволенъ мною.

— Полковникъ, — сказалъ онъ сердито. — Это не рѣшеніе задачи! Все это было очень стремительно и лихо. Я и представить себѣ не могъ, что по такимъ горамъ конница и вообще можетъ ходить, но — это никуда не годится. Весь вашъ полкъ былъ бы перебитъ. Я вашимъ людямъ этого, конечно, не скажу, потому что въ восторгѣ отъ видѣннаго, но вамъ дѣлаю замѣчаніе. Это маневры, а не шутки. Не упражненія въ ѣздѣ въ итальянскомъ духѣ.

И на моемъ сѣромъ «Киргизѣ», прекрасно ходившемъ по горамъ, Фольбаумъ сталъ подниматься къ собранному въ резервную колонну полку. Онъ горячо благодарилъ казаковъ и ничего не сказалъ о томъ, что считаетъ атаку невозможной, не сказалъ и я о полученномъ замѣчаніи ни офицерамъ, ни казакамъ. Не только потому, что считалъ, что прежде всего нельзя угашать конный духъ, а еще и потому, что не былъ согласенъ съ оцѣнкой моего рѣшенія задачи. Считалъ, что всегда, когда можно, надо атаковать на коняхъ — въ этомъ смыслъ и сила конницы.

Прошло съ того дня полтора года. Въ обстановкѣ еще болѣе тяжелой, потому что зимою, въ гололедицу и по снѣгу, по такимъ же крутымъ горамъ, но уже не на маневрѣ, а на войнѣ, на Кавказскомъ фронтѣ. На разсвѣтѣ 22-го декабря 1914-го года Ермаковцы, во главѣ со своимъ командиромъ полковникомъ Раддацемъ, по обледенѣлымъ кручамъ атаковали турокъ подъ Ардаганомъ.

Историкъ Міровой войны на Кавказскомъ фронтѣ Е. В. Масловскій на стр. 122 своего

труда такъ отмѣчаетъ этотъ подвигъ Сибирскихъ казаковъ: — ....«казаки-же Сибирской бригады, произведя обходъ, нанесли быстрый ударъ съ Сѣверо-Западной стороны и конной атакой овладѣли Ардаганомъ. Атака была произведена утромъ 22-го декабря. Турки въ безпорядкѣ бѣжали черезъ Яла-нуз-гамскій перевалъ, оставивъ Сибирякамъ много плѣнныхъ и два орудія»...

Это славное дѣло произошло такъ: — на разсвѣтѣ морознаго туманнаго дня 1-й Сибирскій Казачій полкъ, шедшій въ авангардѣ бригады, своими дозорами усмотрѣлъ таборъ турецкой пѣхоты на неприступныхъ, обледенѣлыхъ, покрытыхъ снѣгомъ горахъ. Впереди лежали стрѣлковыя цѣпи, нѣсколько сзади стояла батарея и еще дальше былъ батальонъ резерва, стоявшій въ густой колоннѣ. При немъ было знамя. Полкъ построился поэшелонно для атаки — и, какъ тогда на нашемъ маневрѣ подъ Тышканомъ, въ головѣ полка шла 4-ая сотня есаула Волкова. И казаки на 2/3 были тѣ же самые, которые атаковали тогда на маневрѣ. Ураганомъ, по кручамъ понеслась Ермаковская атака. Невозможное на маневрѣ и тамъ осужденное оказалось возможнымъ блистательнымъ подвигомъ на войнѣ, щедро награжденнымъ начальствомъ. Таборъ пѣхоты положилъ оружіе. Знамя было схвачено казаками 4-ой сотни. Подвигъ говорилъ самъ за себя. Полковникъ Раддацъ, командиръ полка, былъ награжденъ за эту атаку орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Я въ это время былъ на Германскомъ фронтѣ. Подъ Новый годъ я получилъ письмо отъ П. П .Калитина, написанное имъ подъ горячую руку сейчасъ послѣ Ардаганскаго дѣла. Въ письмѣ этомъ генералъ Калитинъ вспомнилъ нашъ маневръ ,полтора года тому назадъ на Тышканѣ... «Вотъ совсѣмъ такъ ,какъ тогда, и тутъ атаковали ваши доблестные Ермаковцы и Вячеславъ Волковъ со своей 4-й опять впереди. Всѣ получили Георгіевскіе кресты. Оставайтесь вы у насъ и у васъ былъ бы уже крестъ. Посмотрѣли мы потомъ на горныя кручи и изумились, какъ можно было такъ атаковать. Джаркентская школа сказалась», писалъ мнѣ Калитинъ. Письмо заканчивалось печальнымъ для меня извѣстіемъ: — мой бывшій вѣстовой приказный Порохъ, услужливый, вѣжливый, всегда привѣтливый, бодрый и веселый, — какъ онъ любилъ и ласкалъ мою «Гризетку», какимъ незамѣнимымъ былъ для моей жены и меня человѣкомъ ,когда мы ѣздили верхомъ въ Вѣрный и Пржевальскъ, и ночевали въ пустынѣ въ палаткѣ! — былъ убитъ въ этой атакѣ... Царство ему Небесное...

Наши маневры мало походили на тѣ маневры, которые мы продѣлывали подъ Краснымъ Селомъ и Петербургомъ. Рѣдкіе кишлаки... Почти нигдѣ нѣтъ засѣянныхъ полей, гладкая ровная пустыня и горы со всѣмъ ихъ разнообразіемъ скатовъ, подъемовъ, переваловъ, ущелій и плоскогорій... Пошлешь съ вечера разъѣзды на тридцать, на сорокъ верстъ, и утромъ, когда выступишь съ полкомъ — увидишь, какъ далеко въ горахъ играетъ зеркальный солнечный «зайчикъ». Ѣдущіе сзади меня геліографисты слѣзутъ съ лошадей, разставятъ треногу — и вотъ уже бѣжитъ намъ со скоростью свѣта подробное донесеніе о томъ, что дѣлается передъ нами. Мы широко примѣняли геліографъ, мы буквально все время разговаривали по солнцу съ разъѣздами и сосѣдними колоннами. Намъ днемъ нужно было только солнце, а солнце здѣсь было всегда. Ночью мы работали съ лампами Манжена.

Въ 1913-мъ году, на Тышканѣ, была собрана вся 6-ая Туркестанская Стрѣлковая бригада, причемъ походомъ пришли — 20-й полкъ изъ Вѣрнаго за 325 верстъ, 22-й полкъ изъ Пржевальска походомъ въ 350 верстъ, подошла изъ Вѣрнаго Мортирная батарея и ко мнѣ одна изъ Вѣрненскихъ сотенъ. Собралось 6 батальоновъ, 3 батареи, 7 сотенъ казаковъ и одинъ саперный батальонъ.

Для большого маневра части были сначала распредѣлены на двѣ стороны. 20-й и 21-й полки, 4 сотни моихъ Ермаковцевъ и двѣ полевыя батареи, наступая отъ Тышкана на Джаркентъ, задерживались 22-мъ пол-

комъ, мортирной батареей и тремя сотнями 2-го полка. Произошелъ рядъ встрѣчныхъ боевъ, нашъ отрядъ занялъ Джаркентъ и преслѣдовалъ противника къ Илійскому на рѣкѣ Или. Тамъ оба отряда были сведены вмѣстѣ и получили задачу съ боемъ форсировать переправу у Илійскаго.

За время маневровъ на томъ берегу рѣки офицеры генеральнаго штаба съ завѣдующими въ полкахъ оружіемъ и оружейными мастерами соорудили большую позицію, разставили мишени, обозначающія цѣпи, поддержки, резервы и батареи. Къ войскамъ были подвезены боевые патроны и снаряды, и маневръ былъ обращенъ въ боевую стрѣльбу съ маневрированіемъ всѣми частями области.

Высокій нашъ берегъ былъ занятъ стрѣлками и батареями и подъ ихъ огнемъ внизу, у самой рѣки, готовилась переправа. Оаперы наводили изъ подручнаго матерьяла, плотовъ и лодокъ мостъ, моя учебная команда съ сотникомъ Анненковымъ, принявшимъ ее послѣ того, какъ къ 1-й сотнѣ прибылъ со льготы есаулъ Рожневъ, переправилась вплавь черезъ рѣку. Я хотѣлъ пустить вплавь и весь полкъ, ручаясь генералу Фольбауму, что несчастныхъ случаевъ не будетъ ,но, такъ какъ здѣсь рѣка Или была около 200 сажень ширины, при сильномъ теченіи и очень вязкомъ, илистомъ днѣ, покрытомъ корчагами — генералъ Фольбаумъ не разрѣшилъ пустить людей вплавь. Казаки переправлялись на паромѣ, лошади плыли за паромомъ.

Какъ только казаки переправились, пѣхота и артиллерія прекратили обстрѣлъ мишеней, казачья бригада начала рѣшеніе своей задачи, обстрѣливая приготовленныя для нея мишени, а пѣхота тѣмъ временемъ переправлялись по мосту и на паромахъ.

Боевая стрѣльба закончилась атакой мишеней стрѣлками и казаками. Казачьи сотни доскакали до мишеней батарей. Тамъ былъ поданъ общій отбой.

Маневръ былъ конченъ. Кто думалъ тогда, что это былъ послѣдній маневръ войскъ Семирѣченской области, что будущую осень части области будутъ готовиться къ походу, въ ожиданіи вызова ихъ на войну.

Генералъ Фольбаумъ на почтовыхъ уѣзжалъ въ Вѣрный. Части потянулись къ своимъ зимнимъ стоянкамъ. 20-й, 22-й полки, саперы и мортирная батарея лѣвымъ берегомъ рѣки Или пошли въ Вѣрный и Пржевальскъ. Части Джаркентскаго гарнизона переправлялись обратно и по пыльной дорогѣ на Чолокай шли по квартирамъ.

Это были и мои послѣдніе въ жизни большіе маневры.

Въ облакахъ сѣрой пыли блистали копья поваленныхъ «за плечо» пикъ. Любимая въ тѣ дни казаками пѣсня неслась въ душномъ неподвижномъ воздухѣ надъ зарослями камыша: —

... «Изъ-за острова, на стряжень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные
Стеньки Разина челны»...

Щемило сердце непонятной тоской...

29. Занятія съ офицерами. «Дѣдовское оружіе»

Занятія съ офицерами происходили каждый день. Они состояли изъ: верховой ѣзды, гимнастики и фехтованія, стрѣльбы изъ винтовокъ и револьверовъ и тактическихъ занятій на планахъ. Одно время съ учителемъ мѣстной туземной школы занимались киргизскимъ языкомъ.

Нашъ манежъ, подъ наблюденіемъ войскового старшины Осипова воздвигался таранчинцами, присланными Нурмаметовымъ и росъ не по днямъ, а по часамъ. Мы строили его на плацу, гдѣ были бараки инженернаго вѣдомства. Земли было много, земля была своя, не арендованная и мы размахну-

лись постройкой 60 шаговъ на 40. Высокія, четырехъ-аршинныя стѣны изъ самана окаймляли этотъ прямоугольникъ. Съ короткаго края были устроены легкія жердяные ворота. Посерединѣ длинной стѣны свои полковые плотники строили крытую бесѣдку-ложу на 60 мѣстъ.

Занятія ѣздой съ офицерами я началъ съ прогонки лошадей на кордахъ, работы въ рукахъ, напрыгиванія на препятствія на кордахъ и систематичной манежной ѣзды. На троту добивался равновѣсія лошади подъ всадникомъ, мягкаго повода, работы шенкеля. Ѣздили преимущественно врозь, каждый самостоятельно работалъ свою лошадь. Для большинства офицеровъ все это было ново и скоро этою работою заинтересовались.

Манежная ѣзда заканчивалась маленькимъ пробѣгомъ. Всѣ офицеры жили въ городѣ, манежъ-же помѣщался за городомъ. Въ концѣ ѣзды я садился верхомъ и мы широкой вольной группой скакали полевымъ галопомъ до перваго перекрестка, откуда офицеры самостоятельно разъѣзжались по квартирамъ.

Сначала это былъ только легкій кентеръ по ровнымъ аллеямъ города, на полверсты, на версту. По мѣрѣ того, какъ лошади совершенствовались въ выѣздкѣ и преодолѣваніи препятствій, дистанція становилась больше, мы выѣзжали за головной арыкъ, шли по пустынѣ и по снятымъ полямъ, прыгая черезъ арыки, потомъ выѣзжали къ рѣкѣ Усеку, по очень крутому спуску спускались въ его русло и заканчивали пробѣгъ по галькѣ. Иногда я заранѣе ставилъ гдѣ нибудь по пути два, три препятствія, неожиданныхъ для смѣны и мы прыгали ихъ. Все это нравилось и приносило пользу. Молодежь шалила — я не препятствовалъ. Въ аллеѣ города увидали таранчинца, который везъ длинныя жерди.

— Господинъ полковникъ, — можно?

И, не дожидаясь моего отвѣта, зная, что — можно — Анненковъ и Артифексовъ вылетаютъ карьеромъ изъ смѣны, мигомъ поворачиваютъ жерди поперекъ аллеи и мы прыгаемъ черезъ хворостъ мимо изумленнаго таранчинца. Прыжокъ не трудный, растяжной, въ возѣ и полутора аршина не будетъ, но онъ новый и всѣ довольны. Таранчинецъ получаетъ бакшишъ за задержку и безпокойство и тоже доволенъ.

По четвергамъ, послѣ пѣшаго ученья, всѣ офицеры спускались по тропинкѣ къ Усеку. Тамъ были приготовлены круглыя «офицерскія» мишени и оружейный мастеръ ожидалъ насъ съ патронами.

Помню, когда пришли мы первый разъ, какъ вдругъ смутились Осиповъ, Первушинъ и Волковъ, увидѣвъ, что тамъ ожидаетъ меня и мой вѣстовой Порохъ съ моей собственной винтовкой, отдѣланной въ мореный американскій орѣхъ съ никеллированнымъ затворомъ и наново вороненымъ стволомъ.

— Господинъ полковникъ, вы будете стрѣлять? — спросилъ меня Осиповъ.

— Господинъ полковникъ, у насъ въ такихъ случаяхъ командиръ полка никогда не стрѣлялъ, — замѣтилъ, хмуро глядя на меня изъ подлобья, Первушинъ.

Волковъ досадливо пожалъ плечами.

Это не «обструкція». Это гордость и полковое самолюбіе. Офицерская смѣна Ермаковцевъ на стрѣльбѣ всегда давала полные сто процентовъ или около того. «Гадили» только молодые хорунжіе. Ну, а если и командиръ полка, кто его знаетъ, какъ онъ стрѣляетъ, въ пенсне притомъ? положитъ одну или двѣ пули, при небольшомъ числѣ стрѣлковъ процентъ будетъ такой, что 2-й полкъ смѣяться будетъ.

Я ихъ отлично понимаю и сочувствую имъ. Молча беру я свою винтовку и становлюсь на линію огня.

Мы стрѣляемъ «по смотровому», по одной пулѣ безъ показки.

«Тахъ», — раздается мой первый выстрѣлъ и Первушинъ, у котораго изумительное зрѣніе, говоритъ успокоенно:

— Въ четвертый номеръ.

Съ каждой очередью голосъ Первушина становится ласковѣе. Осиповъ мягко улыбается въ усы.

Я имъ не нагадилъ.

Испортили намъ процентъ два молодыхъ хорунжихъ — одинъ попалъ двѣ, другой три пули. Всѣ остальные попали по пяти...

Шипитъ на хорунжихъ Первушинъ:

— Прикладкой заниматься надо. По три раза въ день. Мишеньки на окна наклеить. Срамъ!.. Портите полкъ!

«Тактическія занятія» велись въ гарнизонномъ собраніи со всѣми офицерами гарнизона подъ руководствомъ начальника штаба бригады генеральнаго штаба полковника Криницкаго. Занятія эти офицерамъ не нравились. Велись они на планахъ Кайгородова и Преженцова — и Джаркентскому гарнизону дикимъ казалось оборонять какія то Пабіанице или наступать на Лодзь, когда все это было такъ далеко отъ насъ. Кто могъ тогда думать, что все это окажется близкимъ и нужнымъ? — 4-й и 7-й — Сибирскіе полки, образованные изъ людей 1-го полка въ Великую войну, оказались на Германскомъ фронтѣ.

Со скукой чертили краснымъ и синимъ карандашами биваки и сторожевое охраненіе, выбирали позиціи, ставили батареи... Все это такъ надоѣло и въ училищѣ.

Иногда изъ деревяннаго ящика доставали помятые оловянные квадратики и полоски и разыгрывали нѣкоторое подобіе военной игры.

Не увлекало и это. Тактика здѣсь не была въ модѣ. Какая тактика? Противникъ — китайцы, или дикія орды киргизовъ и дунганъ — только поспѣвай ихъ рубить.

Читали въ собраніи и сообщенія на заданныя темы. Топтались все около той же Плевны, которую изучали и въ училищѣ. Болѣе интересными были сообщенія о Японской войнѣ. Въ Сибирской бригадѣ почти всѣ старшіе офицеры были ея участниками.

Я завелъ въ дополненіе къ гарнизоннымъ тактическимъ занятіямъ свои полковыя. Мы собирались раза два въ мѣсяцъ въ «сборной» при канцеляріи. Это были не столько занятія, сколько бесѣды на военныя темы.

Вотъ во время одной изъ такихъ бесѣдъ и произошло нѣчто, надъ чѣмъ сибирскіе остряки очень изощрялись, а мои офицеры въ душѣ были довольны.

Не помню кто, — подъесаулъ Волковъ, или подъесаулъ Калмыковъ — оба были горячіе патріоты войска и полка и оба нервные, сталъ желчно и съ ѣдкой досадой говорить:

— Господинъ полковникъ, Высочайшимъ приказомъ казачьимъ офицерамъ разрѣшено носить дѣдовское оружіе произвольнаго образца и съ украшеніями. И я знаю, что кавказскіе казаки и донцы украсились прекрасными шашками, саблями и клычами, кто знаетъ, точно ли дѣдовскими или полученными отъ «дѣдушки Шафа*). А чѣмъ, позвольте мнѣ васъ спросить, виноваты мы, что наши дѣды вели войны съ туркменами и дунганами, у которыхъ такое оружіе, что намъ не подойдетъ?.. Вотъ у насъ — говорившій показалъ на свою шашку, — видите какая дешевенькая казенщина, носить тошно! Развѣ передашь такое сыну или внуку?

— Если ваши дѣды сдѣлали такую ошибку, зачѣмъ вы будете ее повторять? — спокойно сказалъ я.

— То есть? Я васъ не понимаю.

— Если ваши дѣды были вамъ плохими дѣдами, будьте вы хорошими вашимъ внукамъ. Заведите себѣ прекрасныя сабли или шашки, освятите ихъ вѣрной службой Государю и Родинѣ и передайте ихъ своимъ сыновьямъ.

Я сказалъ это почти что... такъ. Просто, чтобы разсѣять то недовольство своею судьбою, которое слышалось въ рѣчи задавшаго мнѣ вопросъ и которое было мнѣ непріятно.

Совсѣмъ неожиданно мои слова были горячо приняты и подхвачены. Офицеры заволновались, сразу всѣ заговорили. Не помню, кто изъ офицеровъ полка былъ тогда въ командировкѣ въ Петербургѣ, въ Офицерской Стрѣлковой Школѣ, сейчасъ же рѣшили послать ему телеграмму, указать ему

*) Шафъ, извѣстный фабрикантъ холоднаго оружія въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ.

сходить къ Шафу и узнать, во что обойдется хорошая шашка, если заказъ будетъ сдѣланъ на тридцать штукъ сразу.

— Не шашку ,а саблю, какъ у гвардейскихъ казаковъ, — раздавались голоса.

— Клычъ!

— Клычъ, съ хорошимъ венгерскимъ клинкомъ!

— Съ эмблемами полка на лезвеѣ!

Я ни во что не вмѣшивался. Я считалъ это движеніе здоровымъ и полезнымъ. Была составлена телеграмма въ Петербургъ и повидимому она захватила и офицера, бывшаго тамъ, потому что уже черезъ три дня получился отвѣтъ. Каждая сабля обойдется около 60 рублей. Образецъ высылался въ полкъ.

Черезъ два мѣсяца пришелъ и образецъ. На прекрасномъ клинкѣ венгерскаго образца проволочной стали, съ изображеніемъ на немъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ на венгерскихъ клинкахъ бывало изображеніе Божіей Матери или надписи, — Ермака въ шеломѣ, отлично награвированнаго, съ надписью славянскими буквами «Ермакъ Тимофеевичъ» кругомъ, съ эфесомъ изъ слоновой кости въ оправѣ изъ бѣлаго металла, съ цѣпочкой, съ бѣлыми прорѣзными ножнами на красной юфти — клычъ этотъ всѣмъ понравился.

Полкъ открылъ офицерамъ для пріобрѣтенія этой сабли годовой кредитъ, съ вычетомъ по пяти рублей въ мѣсяцъ изъ жалованья и къ веснѣ мы всѣ получили «дѣдовское оружіе» нашихъ внуковъ.

Мы стали надѣвать его явочнымъ порядкомъ во всѣхъ парадныхъ случаяхъ. Лѣтомъ, когда былъ объѣздъ лагеря генераломъ Фольбаумомъ и были вызваны «всѣ на линію», офицеры были при этихъ сабляхъ, на поясныхъ портупеяхъ. Я заранѣе предупредилъ Михаила Александровича о нашемъ самовольствѣ и добрѣйшій нашъ корпусный командиръ одобрилъ желаніе офицеровъ пріукраситься оружіемъ.

Подъѣхавъ къ флангу моего полка, Фольбаумъ остановилъ лошадь и сказалъ:

— Очень красиво, господа. Носите же съ честью эти сабли, носите такъ, чтобы внуки ваши гордились своими дѣдами.

Я не знаю, взяли ли въ походъ офицеры Ермаковцы эти сабли? Освятили они ихъ подвигами своими и смѣлою рубкою врага? Не знаю я такъ же, послѣ Россійскаго погрома, сохранилась ли хотя у кого нибудь изъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ, Ермаковцевъ, наша «дѣдовская» Ермаковская сабля? Но, по тому, что совершили Ермаковцы въ Великую войну и что продѣлали они потомъ въ арміи Колчака, — если у кого сохранилась такая сабля, она многое можетъ разсказать о подвигахъ владѣльца. Теперешніе внуки Ермаковцевъ, а я знаю, что таковые уже растутъ, воспитываются дѣдами въ любви къ Россіи и Сибирскому войску, могутъ на вполнѣ законномъ основаніи и съ гордостью носить такія сабли своихъ дѣдовъ.

30. Джаркентскія развлеченія

Все это можетъ показаться мелочнымъ, суетнымъ и смѣшнымъ, а попустительство генерала Фольбаума даже и излишнимъ, ненужнымъ и неумѣстнымъ. Но нужно знать условія жизни въ Джаркентѣ, на рубежѣ Китая, на далекой и трудно достижимой окраинѣ Россійской Имперіи.

Разстояніе и отсутствіе сообщеній давили. Нормально, въ лѣтнее и осеннее время мы получали Петербургскія и Московскія газеты на двадцать пятый день. Зимою, когда между Пишпекомъ и Ауліе-Ата прольютъ осенніе дожди и дороги расплывутся въ грязи, — почта приходила на сороковой и даже на шестидесятый день! О георгіевскомъ праздникѣ, 26-го ноября, мы читали въ концѣ января!

Когда началась война на Балканскомъ по-

луостровѣ, по иниціативѣ начальника штаба бригады были выписаны Агентскія телеграммы, ихъ литографировали въ канцеляріи полка и разсылали всѣмъ господамъ офицерамъ гарнизона.

Надо было занимать молодежь. Женатымъ было легче, но каково было холостымъ?! Барышень въ Джаркентѣ на бѣду, а, можетъ быть, къ счастью — почти не было. Дочери генерала Калитина зимы проводили въ Петербургѣ и очень скоро повыходили замужъ за офицеровъ 2-го Сибирскаго казачьяго и Л. Гв. Сводно-казачьяго пп. Грибановскихъ. У старика вдовца полковника Селядцева, получившаго 21-й стрѣлковый полкъ послѣ князя Баратова, было три дочери-барышни, но онѣ жили замкнуто и нигдѣ не появлялись. У Соборнаго протоіерея была прехорошенькая дочь, барышня лѣтъ семнадцати — вотъ и всѣ. Осиповы, Тася Баженова, Маруся Волкова, Тата Никольская — все это были дѣвочки восьми, девяти, десяти лѣтъ, большинство зиму проводили въ Семипалатинскѣ въ гимназіи и пріѣзжали только на лѣто на Тышканъ.

Жизнь такимъ образомъ для офицера складывалась одинокая, угрюмая, замкнутая въ тѣсномъ кругу полковыхъ интересовъ. Бывало лѣтомъ смотритъ въ знойный день офицеръ на горы, гдѣ все меньше и меньше становится какъ бы бѣлое облачко ледника и неотвязная мысль крутится въ его мозгу, а что, если въ одинъ далеко не прекрасный день — ледникъ совсѣмъ растаетъ и съ нимъ изсякнетъ Усекъ и головной арыкъ, вся жизнь замретъ безъ воды и доскакать никуда не успѣешь.

Почти каждый годъ бывали самоубійства офицеровъ.

Надо было занять общество, отвлечь отъ тяжелыхъ мыслей, заставить забыть свою оторванность.

Въ гарнизонномъ собраніи отъ поры до времени устраивались балы.

Помню первый балъ, на который пріѣхалъ я съ женой. Генералъ Калитинъ еще не уѣхалъ въ отпускъ. Но семья его была въ Петербургѣ, и моя жена оказалась старшей дамой въ гарнизонѣ.

Пустой, просторный залъ. Бѣлые, некрашенные дощатые полы блестятъ отъ воска. По стѣнамъ ярко и чадно горятъ керосиновыя лампы. Моя жена вошла въ залъ и только хотѣла сѣсть на стулъ, какъ къ ней, шаркая ногами, подбѣжалъ адъютантъ Самсоновъ.

— Лидія Ѳедоровна, не садитесь на стулья. У васъ свѣтлое платье, а наша прислуга, «для блеска», смазала стулья керосиномъ...

Мою жену провели вглубь, на возвышеніе «сцены» и усадили въ кресло. Она увидала въ той же комнатѣ жену нашего дѣлопроизводителя по хозяйственной части, даму старшую ея годами, подошла къ ней и поздоровалась. И сейчасъ же раздался среди бывшихъ тамъ дамъ — шопотъ удивленія: — «сама поздоровалась»,.. «первая подошла»... «Почему?».

Какъ водится всюду и вездѣ, дамы боялись первыми пріѣхать на балъ, почему и являлись съ большимъ опозданіемъ. Онѣ подходили къ моей женѣ, здоровались съ нею и сейчасъ-же, какъ то даже поспѣшно, отходили отъ нея. Онѣ были такъ милы на визитахъ, моя жена входила въ ихъ семьи, ласкала ихъ дѣтей, на людяхъ ея остерегались — боялись, что скажутъ, что онѣ заискиваютъ передъ женою командира полка, ищутъ чего-то... Моя жена осталась въ мужскомъ обществѣ. Милѣйшій «дѣдушка Калитинъ», прекрасной души человѣкъ, умный, образованный уѣздный нашъ начальникъ Василій Васильевичъ Смирновъ оставались при ней, подходили и «занимали» ее офицеры; молодежь, Анненковъ и Артифексовъ въ промежуткѣ между танцами окружали ее, дамы держались въ сторонѣ, таковъ былъ обычай.

Молодыя дамы — много было красивыхъ, интересныхъ: — наши, Ермаковскія, — Волкова, Калмыкова, Асанова, жена доктора Бѣлевичъ, 2-го полка Михайлова и Вологодская, Стрѣлковая дама Керманъ, Артиллерійская Сакулина — танцовали. Дамы постарше

и съ ними молодая и очень красивая Осипова усѣлись въ глубинѣ гостиной играть въ лото.

Моя жена смотрѣла танцы. Керосиновыя лампы лили мягкій и теплый свѣтъ на дамскія лица, руки и плечи. Не занавѣшенныя окна зіяли высокими прямоугольниками, бѣленыя стѣны, некрашеные полы , простые стулья по краямъ залы. Въ пѣвучемъ, плавномъ вальсѣ кружатся пары. Чуть звякаютъ въ тактъ шпоры, длинные шлейфы взвиваются при поворотѣ, мягко играютъ трубачи. Адъютантъ Самсоновъ въ бѣлыхъ перчаткахъ слѣдитъ, чтобы дамы не сидѣли безъ кавалеровъ, разгоняетъ молодежь, подпирающую стѣны у входной двери.

— Не правда-ли, Лидія Өедоровна, — говоритъ Смирновъ моей женѣ, — какъ наши дамы умѣютъ хорошо одѣваться...

Моя жена поднимаетъ на него голову. Что онъ шутитъ? Это иронія, или онъ говоритъ серьезно? Восхищеніе на лицѣ Смирнова. Онъ наслаждается всѣмъ, что онъ видитъ.

Дамы одѣты — ... мило... Есть одна, двѣ — Волкова — въ томъ числѣ, которыя бываютъ въ Петербургѣ и тамъ пошили себѣ туалеты... Остальныя?.. Гдѣ же имъ было сшить себѣ — «бальное» платье? Въ Джаркентѣ никакихъ портнихъ не было. А между тѣмъ желаніе принарядиться, блистать на гарнизонномъ балу, быть лучше другихъ, было. Кто побогаче и менѣе связанъ семьею, недѣли за четыре до бала ѣхалъ въ тарантасѣ въ Вѣрный — три дня пути туда, да столько же обратно, тамъ останавливался у знакомыхъ и у мѣстной Вѣрненской портнихи по «Парижскимъ модамъ» изъ «Нивы» прошлаго года сшилъ себѣ платье, а большинство вооружалось иголкой, составлялись компаніи и дружно сами шили себѣ платья по тѣмъ же выкройкамъ «Нивы»... Это было трогательно, мило, на красивыхъ и красиво, но было не совсѣмъ то, что привыкъ видѣть глазъ моей жены на балахъ. Много было яркаго, пестраго, вычурнаго, такъ не отвѣчавшаго бѣлымъ, некрашенымъ тополевымъ поламъ, темнымъ окнамъ и бѣленымъ известкой простѣнкамъ, къ которымъ нельзя было прислониться безъ того, чтобы не запачкаться.

Генералъ Калитинъ требовалъ, чтобы кавалеры были въ перчаткахъ, но кавалеры старались уклониться отъ этого: «ловчѣе безъ перчатокъ». Дамы построже говорили такимъ кавалерамъ:

— Надѣньте перчатки, Иванъ Михайловичъ, сейчасъ-же надѣньте перчатки. У меня платье свѣтлое, залапаете потными руками.

Памятуя, что стулья смазаны керосиномъ, кавалеръ, прежде чѣмъ посадить даму, накидывалъ на стулъ свой чистый носовой платокъ.

Тихо мимо незанавѣшенныхъ оконъ собранія шествовала темная холодная зимняя ночь. Таранчи толпились подъ окнами, глазѣли на непонятные имъ танцы.

Танцовали кадриль, вальсъ, польку, краковякъ, па-д-эспань, мазурку, венгерку и хіавату. Балъ неизмѣнно заканчивался котильономъ. Кидали конфетти, пускали длинныя, цвѣтныя ленты серпантина, и долго потомъ собранская прислуга не могла выбить изъ щелей пола пестрыя бумажки серпантина и мелкіе кружки конфетти.

Часа въ два ночи подавали ужинъ — съ индѣйкой, дикой козой, фазанами, мороженымъ и винами Ташкентскаго винодѣла Иванова.

За ужиномъ сидѣли долго, было шумно, гамно и тѣсно. Послѣ ужина танцовали Русскую, казачекъ и лезгинку, кто что умѣлъ.

Разъѣзжались — въ колясках, тарантасахъ, и просто въ артельныхъ телѣгахъ, а большинство расходилось пѣшкомъ въ седьмомъ часу, когда уже свѣтало и ярко горѣли на солнцѣ вдали ледники громадныхъ горъ.

На одинъ изъ баловъ, подъ весну 1913-го года, моя молодежь придумала и объявила, что отъ Ермаковцевъ на балу будетъ сюрпризъ, а какой — никто не знаетъ. Знали о томъ учебная команда, семьи Осиповыхъ

и Первушиныхъ, я, моя жена, но мы никому не выдавали тайны.

Весь Джаркентъ былъ заинтригованъ. Дамы говорили:

— Эти головорѣзы верхомъ въѣдутъ въ залъ.

— Да что вы! Никогда Петръ Петровичъ (Калитинъ) этого не позволитъ! Прямо съ бала на гаупвахту!

— Полъ провалится. Стѣны рухнутъ...

— Такимъ, какъ Анненкову, Артифексову, Иванову — это все равно.

— Командиръ имъ во всемъ попустительствуетъ.

Дамы допытывали Самсонова:

— Геннадій Петровичъ, душечка, скажите, что будетъ?

Но адъютантъ былъ нѣмъ, какъ рыба. Очень просто почему — онъ и самъ ничего не зналъ.

— Можетъ быть Лидія Өедоровна будетъ пѣть...

— Лидія Өедоровна будетъ пѣть, но только другой разъ. Не на балу.

Балъ начался и шелъ, какъ и всякій другой балъ. Уже начинали разочаровываться, думать, что все это было пущено нарочно, только для того, чтобы подразнить и что ничего особеннаго не будетъ.

У дамъ въ маленькихъ «карнэ» были расписаны всѣ кадрили, вальсы и мазурки. Блистали Асанова, Сакулина, много танцовала молодая золотокудрая красавица Борисевичъ, жена нашего новаго Начальника Штаба бригады, недавно пріѣхавшаго въ Джаркентъ. Нервы были напряжены. Дамы невнимательно отвѣчали на вопросы кавалеровъ, слѣдили, не уйдутъ ли Ермаковцы. Но всѣ они были на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Самсоновъ танцовалъ, Анненковъ и Артифексовъ по своему обыкновенію подпирали стѣны у дверей. Ихъ командиръ сидѣлъ въ глубинѣ гостиной и ничѣмъ не выдавалъ волненія.

Уже подходило время къ котильону и ужину. Вдругъ грянулъ маршъ съ фанфарами, двери, ведущія въ прихожую распахнулись на обѣ половинки и въ нихъ появился маленькій шестилѣтній Осиповъ. Хорошенькій мальчикъ былъ одѣтъ строго по формѣ, въ мундирѣ съ алыми погонами, съ шифровкой полка, въ шароварахъ съ лампасами, въ высокихъ сапожкахъ, при шашкѣ. Папаха лихо была сдвинута на бекрень. Онъ велъ подъ уздцы ослика. Что за прелесть былъ этотъ осликъ! Выхоленъ, вычищенъ, расчесанъ, бѣлая грудка, какъ серебро, спина и бока точно прочерчены черными полосами, кисть хвоста разобрана и — дамы увѣряли — надушена! За длиннымъ ухомъ, какъ у таранчинскихъ красавицъ торчитъ громадная бумажная хризантема. На осликѣ бѣлая уздечка въ серебрѣ, осликъ повьюченъ большими алыми шелковыми подушками, свисающими съ его боковъ. Подушки сплошь утыканы самыми разнообразными орденами и цвѣтами для котильона, присланными отъ Пето изъ Петербурга. Оба — и мальчикъ, и осликъ — были, какъ очаровательная живая игрушка!

Мальчикъ быстрымъ взглядомъ окинулъ гостей. Мать подала ему незамѣтный знакъ и, подъ звуки фанфарнаго марша, мальчикъ рѣшительными шагами направился къ моей женѣ. Въ дверяхъ прихожей толпились казаки учебной команды, смотрѣли, не подведетъ ли въ этомъ блескѣ и шумѣ восторженныхъ восклицаній оселъ?.. Нѣтъ! Не подвелъ.

Генералъ Калитинъ остановилъ маленькаго казака.

— Ты что же? — сказалъ онъ, — коня то своего не боишься?

Надо было видѣть, какъ поднялъ пушистыя свои рѣсницы, какъ посмотрѣлъ голубыми глазами на Калитина маленькій Осиповъ.

— Это, ваше превосходительство, — съ тихимъ упрекомъ сказалъ онъ, — не конь, а оселъ...

Сюрпризъ Ермаковцевъ имѣлъ громадный успѣхъ...

Балы — они устраивались три, четыре раза въ зиму, смѣнялись любительскими спек-

таклями. Здѣсь орудовала неугомонная, энергичная, талантливая — и что оригинально — шепелявящая — въ этомъ была значительная доля комизма ея игры — жена дѣлопроизводителя 2-го Сибирскаго Казачьяго полка мадамъ Аркашова. Ей помогала видная и очень интересная — она играла роли грандъ-дамъ — жена нашего полкового врача — Бѣлевичъ.

Очень трудно было ставить спектакли. Не было рьяныхъ любителей. Офицеры лѣнились, да и некогда было учить на зубокъ роли. Сцена собранская была мала, тѣсно было и въ залѣ. Спектаклями больше увлекалось второе поколѣніе нашего гарнизона — офицерскія дѣти.

На Рождество вмѣсто елки горѣлъ огнями свѣчей раскидистый кедръ, привезенный изъ Алатаускихъ горъ изъ казеннаго лѣса. На Новый годъ въ Соборной нашей церкви, въ полночь служили молебенъ, а послѣ въ собраніи былъ общій ужинъ и танцы, что, впрочемъ, не отмѣняло визитовъ въ парадной формѣ на слѣдующій день. Вѣдь здѣсь и визиты были развлеченіе.

На Пасху, заутреня и общіе розговѣны. Въ это время Джаркентъ былъ бѣло-розовый отъ мощнаго цвѣта фруктовыхъ деревьевъ. По бульварамъ благоухала джигда, тополя были налиты душистыми почками, цвѣла бѣлая акація. Все цвѣло здѣсь разомъ, одновременно, точно торопясь отцвѣсть до наступленія жаровъ. Пригрѣтые за день ледники къ ночи посылали шумныя воды въ арыки и арыки шумѣли, и пѣли соловьи, а на болотахъ подъ Усекомъ неистово заливались въ своихъ концертахъ безчисленныя лягушки.

Все это — полковые смотры и церковные парады, балы и спектакли, праздники и другія наши развлеченія — происходило въ своемъ кругу, между своими. Мы варились въ своемъ соку. Души же наши жаждали впечатлѣній извнѣ, изъ другого міра, жаждали какихъ то новыхъ людей, намъ не знакомыхъ.

Но какіе новые люди поѣдутъ въ этотъ глухой уголъ Россійской Имперіи, куда нѣтъ дороги и откуда некуда податься?

И потому происшествія, на которыя въ иномъ мѣстѣ никто особеннаго вниманія не обратилъ бы — въ Джаркентѣ, выходя изъ рамокъ повседневной жизни, становились — событіями. О нихъ потомъ долго говорили. Они являлись до нѣкоторой степени эрой нашего счисленія времени. Это было до того то или послѣ этого. И такихъ «событій» на протяженіи двухъ зимъ 1912 и 1913-го годовъ было только три.

31. «События»

Зимою 1912 года въ Джаркентъ пріѣхалъ странствующій кинематографъ. Онъ привезъ всего одинъ фильмъ. Это было какое то цирковое приключеніе, гдѣ акробатку, ходящую по канату играла очень красивая артистка. Тамъ была такая сцена — соперница акробатки пускаетъ ядовитую змѣю на канатъ и змѣя лежитъ на серединѣ каната, когда по нему идетъ артистка.

Офицеры и ихъ семьи не выходили изъ кинематографа, по нѣсколько разъ смотрѣли все одинъ и тотъ же фильмъ. Всѣ казаки, артиллеристы и стрѣлки были на представленіи. Смотрѣли съ жадностью, столь понятною въ нашемъ положеніи. Это былъ мертвый міръ, міръ тѣней, но это былъ какой то другой міръ — **не нашъ,** это было не въ Джаркентѣ и въ этомъ были прелесть и обаяніе кинематографа.

Туземное населеніе интересовалось не фильмомъ. Его оно повидимому не понимало. Но кинематографъ привезъ съ собою динамо-машину и вывѣска кинематографа освѣщалась электрическими лампочками. Туземцы никогда въ жизни не видали электричества. По вечерамъ, задолго до начала спек-

такля, вся улица передъ сараемъ, гдѣ давали представленія была черна отъ народа. Ждали, когда **сами** загорятся лампочки. Тогда раздавался восторженный гулъ и толпа стояла на улицѣ, какъ зачарованная до тѣхъ поръ, пока по окончаніи представленія лампочки сами гасли.

— Никто и не дунетъ на нихъ, — говорили въ толпѣ.

Фильмъ былъ, конечно, нѣмой и сопровождался игрой на разбитомъ піанино, скрипкѣ и флейтѣ. Но все это: — и піанино, и скрипка и флейта вмѣстѣ съ мельканіями тѣней были **не наши** и потому привлекали и нравились.

Второе событіе было устроено нашимъ славнымъ Ермаковскимъ полкомъ. Мы выписали керосино-калильные фонари. Первые фонари въ Джаркентѣ! Когда пришли они и нестроевая команда соорудила высокія мачты и поставила одинъ у полковой канцеляріи на главномъ перекресткѣ Джаркента, другой въ пятистахъ шагахъ во дворѣ 1-й сотни, и еще два за городомъ, гдѣ были казармы двухъ сотенъ, все туземное населеніе стало собираться къ нимъ и смотрѣть, какъ оружейникъ спускаетъ ихъ на проволокѣ, какъ заправляетъ и какъ поднятые наверхъ они начинаютъ лить яркій свѣтъ на землю. Тогда по освѣщенному пространству начиналось настоящее гулянье.

Наконецъ, — третье событіе, оставившее глубокій слѣдъ въ жизни полка былъ пріѣздъ цирка.

Осенью 1912 года, когда полкъ вернулся съ плаванія на рѣкѣ Или, старослужащіе казаки ушли на льготу, молодые не прибыли еще, въ полку было самое скучное и монотонное время — въ Джаркентъ пріѣхалъ странствующій циркъ и, какъ это, часто бываетъ съ такими цирками съ очень хорошими артистами.

Гимнасты этого цирка просили моего разрѣшенія тренироваться по утрамъ на снарядахъ, недавно нами полученныхъ изъ Риги въ полковой учебной командѣ. Разрѣшеніе было дано. Цирковые артисты приходили ежедневно на дворъ команды и тамъ продѣлывали свои упражненія. Великолѣпные гимнасты наши Анненковъ и Артифексовъ свели съ ними знакомство, подружились, что облегчилось еще и тѣмъ, что лучшій цирковый гимнастъ оказался бывшимъ гимназистомъ Бакинской гимназіи, которую окончилъ и Артифексовъ, стали брать у нихъ уроки, за офицерами потянулись казаки — и наша команда стала продѣлывать цирковые номера.

Какъ только на рыночной площади было поставлено «шапито» и начались представленія, весь гарнизонъ повалилъ въ циркъ. Артистокъ засыпали цвѣтами и подношеніями. Самая пламенная, чистая любовь загорѣлась въ сердцахъ самыхъ неприступныхъ офицеровъ. Циркъ пробылъ около недѣли. Всѣ представленія прошли при полномъ сборѣ. Циркъ не надоѣдалъ. Его принимали съ дѣтской жадностью. Артисткамъ апплодировали неистово. Въ эти дни «мошенники» хорошо расторговались, надо было одаривать небожительницъ, явившихся изъ иного міра и въ него уходящихъ.

Когда циркъ походнымъ порядкомъ потянулся дальше, молодежь полка отпросилась проводить его и провожала верхомъ на сто съ лишнимъ верстъ до Зайцевскаго. Разставались, какъ съ самыми дорогими и милыми друзьями. Клялись свидѣться снова и не свидѣлись. Гдѣ уже тамъ! — черезъ годъ началась великая война, а тамъ вся Россія завертѣлась въ кровавомъ ураганѣ революціи и гдѣ оказался циркъ, гдѣ почитатели его артистовъ и артистокъ одному Господу Богу извѣстно.

32. Джаркентское общество любителей спорта

При такой монотонной и скучной жизни насъ весьма выручалъ спортъ.

Уже зимою 1912 года было учреждено Джаркентское общество любителей спорта, съ уставомъ, съ членскими взносами — кажется, 10 рублей въ годъ. Въ Общество записались всѣ офицеры Отдѣльной сибирской казачьей бригады, многіе офицеры артиллерійскаго дивизіона, во главѣ съ полковникомъ Михайловымъ, командиромъ дивизіона и нѣкоторые офицеры 21-го Туркестанскаго стрѣлковаго полка.

Осенью 1912 года сотникъ Анненковъ получилъ отъ полка командировку «въ Россію». Онъ долженъ былъ побывать на аукціонахъ скаковыхъ лошадей въ Москвѣ и Коломягахъ, у барышниковъ въ Воронежѣ и привести лошадей офицерамъ обоихъ казачьихъ полковъ. Онъ и привелъ нѣсколько чистокровныхъ лошадей и нѣсколько полукровокъ.

Лѣтомъ 1913 года, съ благословенія генерала Фольбаума, при Вѣрненскихъ сотняхъ, былъ устроенъ полковой конный заводъ. Войсковой старшина Первушинъ совершилъ путешествіе въ Китайскіе предѣлы въ горы Кунгей Алатау и привелъ оттуда шесть прекрасныхъ Торгаутскихъ матокъ. Эти горныя лошади отличаются своею нарядностью, крѣпостью и силой. Онѣ считаются лучшими изъ киргизскихъ лошадей. Матки эти предполагалось покрыть жеребцами Вѣрненскаго и Пржевальскаго пунктовъ. Осенью 1913 года въ бригаду прибылъ еще новый транспортъ арабовъ и арабо-кабардинцевъ, пріобрѣтенныхъ офицерами 2-го полка на заводѣ графа Строгонова, на Кавказѣ, на станціи Минеральныя воды.

Такъ началось появленіе на скаковыхъ поляхъ Семирѣчья кровныхъ и полукровныхъ лошадей. Многими встрѣчено оно было скептически. Генералъ Калитинъ, медицинскіе и ветеринарные врачи и кое кто изъ офицеровъ продолжали стоять на томъ, что «чистокровная англійская лошадь — да, словъ нѣтъ, — отличная лошадь, но лошадь изнѣженная, хрупкая, для нашихъ мѣстъ непригодная. Какъ пойдетъ она по горамъ? Можетъ быть, на скачкахъ, на рѣзвость, на малыя дистанціи — она и непобѣдима, но пустите ее на пятьдесятъ, на сто верстъ и она выдохнется. Киргизъ ее обгонитъ. Тутъ уже, извините, она спасуетъ».

Считаясь съ такими взглядами — Джаркентское общество любителей спорта весьма продуманно составило программу своихъ состязаній, чтобы дать возможность всесторонне убѣдиться въ качествахъ кровной лошади.

Состязанія были весеннія, въ полковомъ манежѣ нашего, а потомъ 2-го Сибирскаго казачьяго полка, построившаго прекрасный манежъ въ центрѣ города и лѣтнія, въ лагерѣ на Тышканѣ.

Я началъ съ классическаго «Конкуръ иппикъ», по образцу устраивавшихся великимъ постомъ въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ манежѣ. Дѣло у насъ было новое. Кровныхъ лошадей почти что еще и не было, для киргизовъ препятствія нормальнаго размѣра были пока не доступны. Пришлось понизить препятствія. Самое высокое было 1 аршинъ 4 вершка, остальныя 1 аршинъ 2 вершка. Первый день было два заѣзда одинъ для офицеровъ и другой для казаковъ. Было шесть препятствій — плетень, каменная стѣнка, двойной плетень, бревенчатый заборъ и канава, прикрытая плетнемъ. Послѣ барьеровъ были состязанія офицеровъ и казаковъ въ рубкѣ, уколахъ пиками и джигитовкѣ.

Воскресный день былъ на рѣдкость красивый. Тепло, но еще не жарко. Заросли кустовъ вдоль головного арыка были голыя, но уже порозовѣли и погустѣли, вѣтки наливались весенними соками. За ихъ кружевною линіей совсѣмъ близкими казались Ала-таускія горы. Снѣговая линія лежитъ низко и горы сверкаютъ на солнцѣ. Надъ ними голубое безоблачное небо.

Къ нашей манежной бесѣдкѣ одинъ за другимъ подкатываютъ экипажи. Моя жена пріѣхала съ уѣзднымъ начальникомъ и маленькимъ шестилѣтнимъ Асановымъ, сыномъ полкового казначея, ея постояннымъ «кавалеромъ» на всѣхъ праздникахъ. Она пріѣхала на тройкѣ сѣрыхъ полковыхъ киргизовъ. Семенъ Васильевичъ Буровъ лихо подкатилъ на тройкѣ гнѣдыхъ въ прекрасной коляскѣ, лошади въ сбруѣ съ малиновыми мохрами — его пріѣздъ возбудилъ въ толпѣ зрителей возгласы восторга передъ прекрасной запряжкой. Пріѣхалъ въ коляскѣ на парѣ крупныхъ «россійскихъ» артиллерійскихъ лошадей полковникъ Михайловъ, новый командиръ стрѣлковаго полка полковникъ Селядцевъ, Бай Юлдашевъ, бесѣдка наполнялась дамами и почетными гостями. У бесѣдки толпа офицеровъ. Смотрятъ выѣзды командировъ, сравниваютъ одни съ другими. Пальма первенства за 2-мъ полкомъ. Мои офицеры нахмурились. Недовольны. Особенно Осиповъ. Онъ по своей грузности въ состязаніяхъ участія не принимаетъ. Онъ весь въ разсмотрѣніи выѣздовъ.

Звенятъ бубенцы и колокольцы пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ троекъ. Трубачи играютъ марши. Въ ложѣ, впереди, на стульяхъ, дамскій цвѣтникъ. Нарядныя манто, шубки, шляпы вѣрненскихъ шляпницъ. Сзади сплошная толпа офицеровъ гарнизона.

Чуть колышатся флаги на бесѣдкѣ. Кругомъ всего манежа надъ стѣною нависли таранчи и конные киргизы, пріѣхавшіе изъ пустыни смотрѣть конныя забавы.

Все у насъ, какъ полагается. Звенитъ колоколъ. Судьи съ важнымъ и сосредоточеннымъ видомъ расходятся по препятствіямъ. Музыка смолкаетъ. Одиноко ударяетъ колоколъ, ворота растворяются и первый всадникъ съ номеромъ на рукавѣ въѣзжаетъ въ манежъ.

Лица моихъ офицеровъ сіяютъ. Я сдержалъ обѣщаніе, моя система, да моя-ли она?.. оправдала себя. Всѣ первые и вторые призы остались за Ермаковцами. «Порядокъ бьетъ классъ». Выѣздка, систематичная тренировка, напрыгиваніе лошадей, умѣлая посадка сдѣлали свое дѣло. Увѣренно и смѣло прыгали одинъ за другимъ мои офицеры въ полной и напряженной тишинѣ манежа.

И потомъ, когда выскакивалъ на рубку или на уколы казакъ Ермаковецъ любо-дорого было смотрѣть, какъ совершенно правильнымъ галопомъ шла его лошадь, не мѣшая, но помогая казаку рубить, какъ послѣ каждаго взмаха шашки или удара пикой раздавалось восторженное — ахъ! въ толпѣ зрителей. Не прошла даромъ скучная зимняя подготовка.

Этотъ первый въ Джаркентѣ «Конкуръ иппикъ» прошелъ блестяще для полка, а для меня имѣлъ еще и совсѣмъ неожиданныя, глубоко меня тронувшія послѣдствія.

На другой день вечеромъ, когда я занимался въ канцеляріи, войсковой старшина Осиповъ обратился ко мнѣ:

— Господинъ полковникъ, у насъ по смѣтѣ остается свободныхъ нѣсколько сотенъ рублей, разрѣшите сейчасъ же выписать изъ Москвы отъ Волка хорошую троечную сбрую съ алыми мохрами и кистями и съ наборомъ колокольцевъ и бубенцовъ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Зачѣмъ, Ефимъ Никитичъ? У насъ совсѣмъ не плохая упряжь. Вы сами знаете, я почти никогда не ѣзжу въ экипажѣ, а жена моя вполнѣ довольна тѣмъ, что мы имѣемъ. Намъ еще такъ многое нужно завести для полка, что мы не можемъ позволить себѣ эту роскошь.

Ефимъ Никитичъ немного замялся и потомъ рѣшительно и убѣдительно сказалъ:

— Вчера, на нашихъ скачкахъ не только нашимъ офицерамъ, но и казакамъ было чрезвычайно обидно,что жена ихъ командира подъѣхала на тройкѣ, которая оказалась не лучшей въ Джаркентѣ.

«А, — подумалъ я, — такъ это значитъ задѣто полковое самолюбіе. Что же это то, что надо лелѣять и беречь и на что можно пожертвовать нѣсколькими десятками рублей».

Въ это время изъ сосѣдней комнаты пришли на поддержку Осипову — Первушинъ

и адъютантъ и они втроемъ такъ насѣли на меня, что я принужденъ былъ сдаться.

Въ большомъ секретѣ отъ 2-го полка и вообще отъ всѣхъ, была выписана какая то особенная сбруя, съ какими то особенными колокольцами и, когда лѣтомъ къ нашему скаковому павильону подъѣзжала на тройкѣ вороныхъ или сѣрыхъ моя жена со своимъ неизмѣннымъ кавалеромъ маленькимъ Асановымъ я видѣлъ полное удовлетвореніе у казаковъ и офицеровъ полка: — «забили 2-й полкъ!». Прокофьевъ подкатывалъ съ такою лихостью, что у меня сердце замирало, вотъ-вотъ вывалитъ и мальчика и мою жену.

33. «Конкуръ иппикъ»

По мѣрѣ улучшенія конскаго состава полковъ и лучшей подготовки всадниковъ и лошадей скаковой комитетъ разнообразилъ состязанія. Въ 1913 году мы уже ставили нормальныя препятствія въ полтора аршина и аршинъ три четверти. Нѣкоторые наши киргизскіе кони были такъ напрыганы, что прыгали и эти препятствія. Комитетъ объявилъ состязаніе на 14 препятствій, никогда не виданныхъ и безъ предварительной подготовки. Это были весьма оригинальныя препятствія. Между ними былъ накрытый столъ, на которомъ стояла посуда и бутылки и за которымъ сидѣли офицеры. Для прыжка былъ оставленъ только пролетъ въ полтора аршина. Это было новостью только въ Джаркентѣ — въ Поставахъ давно прыгали черезъ такой столъ... и во Франціи, въ Сомюрѣ... Было еще препятствіе шесть буковыхъ стульевъ, поставленныхъ рядомъ, прыгать надо было со стороны сидѣньевъ, потомъ садовая скамейка, телѣга съ хворостомъ, поваленное дерево, снопы соломы, тюки съ сѣномъ... и — два живыхъ ослика, поставленныхъ между оглобель, задами вмѣстѣ, головами въ стороны. Ихъ держали за поводки казаки.

Джаркентскія дамы возмущались:

— Какое безобразіе, покалѣчатъ бѣдныхъ осликовъ! Эти Ермаковцы! Чисто шалые! Былъ бы тутъ Петръ Петровичъ, никогда не разрѣшилъ бы такого тиранства!

Но съ особеннымъ жаднымъ, женскимъ любопытствомъ смотрѣли, какъ шли на живое препятствіе лошади. Шли прекрасно, издали прицѣливались ушами, нюхали воздухъ ноздрями и прыгали такъ деликатно, что ни одна не свалила бѣлую рейку, положенную на спины осламъ. Ослы же волновались только тогда, когда шла первая лошадь, но это шелъ знаменитый «Султанъ», улучшенный киргизъ отъ киргизской матки и Ново-Александровскаго почти чистокровнаго жеребца, онъ шелъ подъ своимъ владѣльцемъ, сотникомъ Анненковымъ, лучшимъ наѣздникомъ въ полку.

Во всѣхъ этихъ состязаніяхъ я принималъ участіе внѣ конкурса. Мои лошади и по кровямъ и по выѣздкѣ были много выше лошадей офицеровъ, состязаться имъ со мною было нельзя. Я же шелъ на состязанія, чтобы показать критикамъ, что все, что предлагается не такъ уже и страшно.

Очень скоро на нашихъ состязаніяхъ намѣтилась компанія фаворитовъ. Впереди всѣхъ стоялъ въ нашемъ полку — сотникъ Анненковъ со своимъ «Султаномъ», потомъ войсковой старшина Первушинъ съ англо-арабскимъ жеребцомъ, хорунжій Артифексовъ съ «Вахмистромъ», полукровнымъ конемъ, хорунжій Ивановъ съ сѣрымъ киргизомъ, очень сильнымъ и прекрасно напрыганнымъ, во 2-мъ полку сотникъ Грибановскій и хорунжіе Михайловъ и Вологодскій, въ артиллеріи поручикъ Сакулинъ... Они и дѣлили по преимуществу между собою всѣ первые и вторые призы.

Наши конкуры увлекали Джаркентскій уѣздъ. Въ дни состязаній городъ принималъ праздничный видъ. Тысячныя толпы таран-

чей и киргизовъ, всѣ конные, устремлялись къ мѣсту состязаній. По городу раздавалась музыка и весь городъ бывалъ въ эти дни на площади, гдѣ происходили состязанія.

Особенно красивы были они въ манежѣ 2-го полка, построенномъ больше и богаче нашего, въ центрѣ города, на площади, окруженной садами.

Циркъ оставилъ слѣды и на нашихъ состязаніяхъ. На состязаніи 1913 года, подъ звуки рыси, гуськомъ, на точной дистанціи трехъ шаговъ, на арену манежа вбѣжало на свободѣ 16 лошадей нашей полковой учебной команды — четыре гнѣдыхъ, четыре рыжихъ, четыре чисто вороныхъ и четыре сѣрыхъ. Онѣ были вычищены и выхолены, какъ картина. Красныя уздечки съ поводьями, подтянутыми къ краснымъ трокамъ, надъ ушами перья орловъ — все было сдѣлано, какъ... въ циркѣ. На аренѣ были только сотникъ Анненковъ со своимъ вахмистромъ. Они слегка помогали лошадямъ исполнять урокъ. Музыка играла рысь и подъ нее, строго соблюдая темпъ, лошади на свободѣ бѣгали по манежу, одновременно дѣлали вольты, поворачивались, какъ бы вальсируя, ходили навстрѣчу другъ другу, строились рядами и по четыре. Потомъ трубачи заиграли галопъ и лошади перешли на галопъ. Въ концѣ же построили шеренгу, стали на дыбы и пошли на Анненкова, потомъ сѣли какъ собаки на заднія ноги и, наконецъ, легли. Къ нимъ вбѣжали казаки владѣльцы и сѣли на нихъ. Это все было для Джаркента и его публики, особенно для туземцевъ такъ ново, лошади показались такими красавицами, что гулъ восторга и восхищенія стоялъ все время показа, какъ въ ложѣ, такъ и кругомъ въ туземной толпѣ.

Когда я выходилъ изъ манежа, то слышалъ, какъ одна изъ нашихъ дамъ — сибирячка — говорила съ восторгомъ:

— Я никогда не думала, что наши лошади могутъ быть такими красавицами и умницами. Что это за прелесть была! Я еще болѣе полюбила нашихъ казачьихъ коней!

На конкурѣ офицеры показывали — и въ гимнастическихъ костюмахъ — ловкость и силу на гимнастикѣ. Хорунжій Артифексовъ и казаки учебной команды прыгали черезъ шестъ, а потомъ черезъ восемь лошадей. Артифексовъ дѣлалъ при этомъ сальтомортале.

Съ такими офицерами и казаками, какіе были въ полку, можно было позволить себѣ и цирковые номера.

34. Скачки и пробѣги

Лѣтомъ, на Тышканѣ были скачки.

Мы установили традицію: въ день открытія скачекъ на высшей точкѣ хребта Терскей Алатау на высотѣ 4.679 метровъ долженъ быть поднятъ Ермаковцами Русскій флагъ. Въ экспедицію за два дня до скачекъ отправлялись знатокъ этихъ горъ сотникъ Анненковъ и съ нимъ хорунжій Ивановъ и всѣ офицеры, вышедшіе осенью въ полкъ — это было ихъ горное крещеніе. Съ ними шли казаки учебной команды, несли высокую мачту, громадный флагъ, канаты, кирки и лопаты. На горѣ былъ положенъ желѣзный ящикъ, въ него всѣ участники экспедиціи должны были бросить свои карточки съ именами. Ночевали въ горахъ и точно по часамъ должны были къ началу скачекъ приготовить все къ подъему флага.

На Тышканскомъ скаковомъ полѣ къ шести часамъ вечера полно народа. У раскрытой собранской бесѣдки стоятъ дамы, офицеры, всѣ бинокли подняты кверху, всѣ смотрятъ на вершину. Черная и суровая она возвышается надъ бѣлыми ледниками и кажется недоступной. Людей на ней и въ бинокль не видно. Трубачи держатъ трубы на готовѣ.

Шесть часовъ вечера... Еще минута, двѣ и вдругъ радостный гулъ несется въ толпѣ. Надъ темной вершиной, чуть колеблясь, развертывается Русскій флагъ. Онъ кажется такимъ маленькимъ, какъ носовой платокъ, а

въ немъ четыре сажени длины. Вотъ онъ развернулся совсѣмъ и началъ рѣять на вѣтру. Какая тамъ должна быть буря!

Трубачи грянули гимнъ. Офицеры держатъ руки «подвысь». Толпа туземцевъ замерла. Громкое ура несется къ горамъ. Слышно ли оно тамъ? Участники говорили, что имъ все у насъ было сверху видно и что слышали и гимнъ и наше ура...

Скачки были сначала гладкія на версту для казаковъ и на двѣ версты для офицеровъ, потомъ барьерныя на двѣ версты и, наконецъ, стипль-чезы на три и четыре версты, причемъ послѣдній былъ съ препятствіями казенной, такъ называемой, «министерской» скачки.

Кромѣ скачекъ были самыя разнообразныя состязанія, въ рубкѣ, уколахъ пиками, стрѣльбѣ, джигитовкѣ, развѣдкѣ, рѣшеніи простыхъ тактическихъ задачъ въ полѣ, наконецъ, были состязанія пѣсельниковъ...

Вотъ тутъ на рубкѣ и рубили мы арбузъ и баранью тушу въ шерсти. Очень хотѣлось казакамъ рубить живого барана, какъ это дѣлаютъ туркмены, но я не разрѣшилъ этого.

Не только взрослое населеніе Тышкана, но и дѣти были захвачены скачками.

Тѣ самые ослики, которые служили живымъ препятствіемъ на весеннихъ состязаніяхъ были подарены обществомъ семейнымъ офицерамъ, кое кто и самъ купилъ своимъ дѣтямъословъ и лѣтомъ была скачка для дѣтей на ослахъ на дистанцію триста шаговъ. 1-й призъ столовая серебряная ложка, 2-й призъ чайная ложка, 3-й призъ коробка конфетъ.

Выходитъ какъ то утромъ моя жена на прогулку и видитъ, что передъ хатой сосѣда, командира 5-й сотни, есаула Баженова, на площадкѣ дѣти шумятъ, бѣгаютъ. Они привязали къ уздечкѣ осла веревку и заставляютъ его бѣгать по кругу.

— Что это вы тутъ дѣлаете? — спросила моя жена карапуза шести лѣтъ.

— А это мы осла тленилуемъ, — послѣдовалъ точный отвѣтъ.

Дѣтскій заѣздъ на ослахъ былъ назначенъ въ промежуткѣ между скачками, когда заводили участниковъ на противоположный конецъ круга къ старту. Я поручилъ адъютанту пустить дѣтей.

Но... Что то тамъ неладное выходитъ. Мамаши волнуются у финиша, ожидая своихъ сыновей. На стартѣ же крики и споры, адъютантъ машетъ рукой и бѣжитъ ко мнѣ.

— Что случилось, Геннадій Петровичъ?

— Чистая бѣда съ ними, — говоритъ запыхавшійся адъютантъ. — Наѣздники не желаютъ скакать, требуютъ, чтобы ихъ пускалъ, какъ то полагается на скачкахъ, командиръ полка.

А старшему наѣзднику всего восемь лѣтъ!

Пришлось командиру садиться въ коляску и скакать съ синимъ флагомъ къ старту ослиной скачки.

Наконецъ, ослы выравнены:

— Пошелъ!

Взмахнулъ синій флагъ. Три осла, надо полагать тѣ, которыхъ «тлениловали» поскакали ослинымъ галопщемъ, остальные предпочли бѣжать, несмотря на отчаянныя понуканія сѣдоковъ, рысью.

Къ финишу подошли сильно растянувшись. «Командирша» раздавала призы. Маленькіе наѣздники цѣловали ей руку, счастливыя мамаши сіяли — все было честь-честью. Для многихъ этотъ номеръ оказался самымъ интереснымъ, памятнымъ и важнымъ.

Въ дѣятельности Джаркентскаго общества любителей спорта при мнѣ наиболѣе серьезными состязаніями были: трехъ-верстный стипль-чезъ въ Пржевальскѣ осенью 1912 года и 136-верстный пробѣгъ со скачкою на версту въ Кульджѣ весною 1913 года.

Скачки въ Пржевальскѣ были пріурочены къ конской тамъ выставкѣ. Душою выставки и организаторами скачекъ была чета Пяновскихъ.

Не совсѣмъ обыкновенная, даже и по Туркестанскому масштабу, была эта пара.

Пяновскій служилъ офицеромъ въ Стрѣлковомъ полку, расположенномъ въ Ташкентѣ. Онъ былъ наѣздникъ Божіею Милостью, постоянно скакалъ въ Ташкентѣ и былъ тонкимъ знатокомъ лошади. Въ ту пору началь-

никомъ артиллерiи Туркестанскаго военнаго округа былъ генералъ Петраковъ. Старые артиллеристы его хорошо помнятъ — онъ былъ раньше командиромъ батареи Михайловскаго Артиллерiйскаго Училища. Знатокъ лошади и отличный наѣздникъ онъ составилъ единственное въ своемъ родѣ руководство ѣзды и выѣздки верховой и артиллерiйской упряжной лошади. У генерала Петракова была красавица дочь, такая же наѣздница и любительница лошадей, какъ и ея отецъ. И такъ было естественно, что въ Ташкентѣ она увлеклась стройнымъ и красивымъ штабсъ-капитаномъ, непобѣдимымъ на скачкахъ. Молодые люди сговорились. Пяновскiй устроился начальникомъ Пржевальскаго случного пункта. Ночью онъ съ дочерью Петракова явился на конюшню генерала, отобралъ двухъ лучшихъ жеребцовъ и они верхомъ ускакали въ Пржевальскъ.

Петраковъ потомъ съ досадою говорилъ:

— Что онъ дочь у меня укралъ — Богъ ему судья, но что онъ укралъ лучшихъ моихъ жеребцовъ — этого я ему никогда не прощу.

По приглашенiю Пяновскаго 1-й и 2-й полки прислали въ Пржевальскъ своихъ джигитовъ, рубакъ, фланкировщиковъ пиками и наѣздниковъ.

Я прiѣхалъ въ Пржевальскъ верхомъ съ женою и офицерами-войсковымъ старшиною Первушинымъ, сотниками Самсоновымъ, Анненковымъ и хорунжими Артифексовымъ и Ивановымъ, съ учебной командой и сотенными призовиками.

Я и моя жена были гостями у Пяновскихъ. Трогательно было смотрѣть, какъ молодая Пяновская съ ранняго утра и до поздней ночи возилась съ годовичками и двухъ-лѣтками, приводимыми на выставку, дѣлала имъ туалетъ, чистила и прибирала ихъ, подстригала имъ гривки, чолки и хвосты, убирала ихъ цвѣтными лентами. Она продѣлала это не только съ казенными жеребятами конюшни ея мужа но и съ тѣми, которыхъ привели изъ горъ киргизы.

На выставкѣ ея заботами всѣ лошади были представлены, такъ, какъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ.

За городомъ, на высотѣ почти 3000 метровъ, на большомъ зеленомъ лугу обширнаго плоскогорья былъ устроенъ ипподромъ, окруженный заборомъ и длинныя на нѣсколько сотъ зрителей трибуны.

Несказанной красоты былъ видъ съ этихъ трибунъ. По ту сторону забора высились снѣговые отроги Небесныхъ горъ — Тянь-Шаня. Основанiе ихъ было покрыто густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Темную зелень кедровъ и елей смѣняла свѣтлая и пестрая горныхъ луговъ, надъ ними высились черно-голубыя скалы и еще выше сверкала, блистала, слѣпила глаза серебряная зубчатая полоса снѣговъ.

По другую сторону — подъ самымъ ипподромомъ, широко раскинулся березовыми садами и зарослями кустовъ, красными крышами домовъ Пржевальскъ, а за нимъ море голубой воды въ рамѣ лилово-розовыхъ горъ — озеро Иссыкъ Куль.Красивѣе знаменитаго вида на Женевское озеро съ «Коль де Форсiй», мощнѣе, грознѣе, величественнѣе и лучше Люцернскаго озера въ Альпахъ.

Состязанiй было много. Были скачки для киргизовъ — на рѣзвость на одну версту и на тягучесть — на пятьдесятъ верстъ, были заѣзды для двухлѣтокъ и для трехлѣтокъ, были для кровныхъ киргизовъ и для киргизовъ улучшенныхъ. Гвоздемъ дня, конечно, былъ нашъ стипль-чезъ съ восемью препятствiями, въ числѣ которыхъ настоящiй трибуненъ шпрунгъ, валы съ канавами и канавы. Такъ какъ насъ, могущихъ пройти этотъ стипль чезъ, было очень мало я рѣшилъ скакать на немъ на своей «Гризеткѣ» и, конечно, внѣ конкурса.

Когда это было рѣшено и мое имя появилось на афишахъ — Анненковъ сталъ мрачнѣе ночи. До сихъ поръ онъ еще никѣмъ не былъ побѣжденъ въ Семирѣчьѣ на скачкахъ. Теперь онъ видѣлъ, что его «Султану» никогда не обогнать «Гризетки» — разный былъ классъ и одинаково прекрасный порядокъ.

— Борисъ Владимiровичъ, — сказалъ я

ему, — не безпокойтесь, я не дамъ никому посрамить вашего «Султана».

— Но?... Господинъ полковникъ, а ваша «Гризетка»?

— Она придетъ голова въ голову съ вашимъ «Султаномъ» и мы, строго равняясь, подскачемъ къ финишу. У скаковыхъ трибунъ я пожму вамъ руку.

Мы такъ и сдѣлали къ великому восторгу Анненкова и еще большему — госпожи Пяновской.

Мнѣ это ровно ничего не стоило — свою «Гризетку» я зналъ и зналъ, что здѣсь пока никто не могъ съ нею состязаться. Первыми пришли голова въ голову «Гризетка» и «Султанъ», потомъ съ большимъ просвѣтомъ англо-арабъ Первушина, за нимъ «Вахмистръ» Артифексова, далѣе Ивановскій киргизъ и потомъ остальные.

Это былъ мой послѣдній въ жизни стипльчезъ. Потомъ пошли другія скачки, приведшія меня къ печальному финишу въ чужихъ краяхъ.

Изъ Пржевальска мы возвращались дружною семьею. Пяновскіе провожали насъ на пятьдесятъ верстъ до спуска въ долину Каркары. Очень красива была наша кавалькада съ двумя амазонками на кровныхъ лошадяхъ среди зеленыхъ плоскогорій, на фонѣ снѣговыхъ горъ и причудливыхъ утесовъ.

Моя жена и я унесли незабываемое воспоминаніе отъ этого пробѣга по пустынямъ и неприступнымъ горамъ Тянь Шаня на протяженіи въ оба конца на 700 верстъ, съ ночлегами въ палаткѣ среди нѣмой тишины пустыни, съ подъемами на крутые перевалы и спусками въ закрытыя долины. Подлѣ одного такого перевала мы нашли двѣ груды камней, насыпанныхъ пирамидами. Одна громадная, много выше человѣческаго роста, другая совсѣмъ малая. Преданіе говоритъ, что эти пирамиды насыпаны солдатами арміи Тамерлана. Первая тогда, когда онъ шелъ въ Европу, вторая на обратномъ пути. Каждый воинъ клалъ по камню, такъ много было воиновъ при походѣ туда и такъ мало осталось, когда Тамерланъ возвращался въ Азію.

134-верстный пробѣгъ былъ намѣченъ изъ Джаркента въ Кульджу, въ китайскіе предѣлы. Черезъ нашего консула г. Бродовича, было получено на то разрѣшеніе соотвѣтствующихъ китайскихъ властей. Пробѣгъ надо было сдѣлать въ 10 часовъ. Въ 8 часовъ утра на окраинѣ Джаркента былъ стартъ. Къ шести часамъ вечера участники должны были прибыть на окраину Кульджи, гдѣ была разбита «прямая» на версту. Въ 6½ часовъ вечера, всѣ прибывшіе въ норму принимали участіе въ скачкѣ на рѣзвость на одну версту. Эта скачка опредѣляла первенство. Всѣ пришедшіе въ Кульджу въ норму получали серебряные жетоны съ надписью,первый пришедшій на скачкѣ получалъ 400 руб. деньгами и золотой жетонъ съ бриллiантами и рубинами отъ консула. Получали еще призы вторая, третья и четвертая лошади.

На пути въ Хоргосѣ и Суйдунѣ были устроены контрольные пункты, тамъ были фельдшера и все необходимое на случай болѣзни сѣдока или лошади.

Въ Кульджу были посланы оба хора трубачей полковъ бригады, туда съѣхались почти всѣ офицеры и дамы гарнизона Джаркента. Всѣмъ самое широкое гостепріимство оказали Бродовичи.

Къ шести часамъ вечера, кажется, вся Кульджа собралась на окраинѣ Джаркента у временнаго скакового поля. Трубачи играли въ ожиданіи всадниковъ, которые начали прибывать съ пяти часовъ вечера. Очень волновались китайцы, они ставили пари, разспрашивали офицеровъ о шансахъ той или другой лошади.

Пробѣгъ въ норму прошли всѣ и кровныя и киргизы. Разница была лишь въ томъ, что офицеры, ѣхавшіе на кровныхъ лошадяхъ меньше устали, чѣмъ ѣхавшіе на киргизахъ, которыхъ пришлось съ половины пробѣга посылать.

На скачкахъ лошади размѣстились строго по коэффиціенту чистой крови находившейся въ нихъ. Первою пришла чистокровная — и какъ легко! — подъ офицеромъ 2-го Сибирскаго казачьяго полка, второю почти

чистокровная и тоже подъ офицеромъ 2-го полка, третьимъ Анненковскій «Султанъ» — это было первое его пораженіе, очень огорчившее Бориса Владиміровича и заставившее его тѣмъ же лѣтомъ привести себѣ чистокровную лошадь, четвертымъ Ивановъ на своемъ сѣромъ киргизѣ...

Послѣ скачекъ дамы и офицеры были на парадномъ обѣдѣ у консула. На этомъ обѣдѣ были и китайскія власти. Ласково выговаривалъ мнѣ Суйдунскій фудутунъ:

— Твоя говорилъ моя, будетъ нѣсколько офицеровъ — только скачка. Твоя привелъ трубачи, сколько казаковъ!.. Цѣлый полкъ!.. Что скажетъ Пекинъ?.. Ай-ай, что скажетъ Пекинъ!?

Какъ могъ, я успокаивалъ фудутуна, налегая главнымъ образомъ на сладкую Смирновскую вишневку, какъ на лучшій аргументъ, когда и самъ сознаешь свою вину.

Послѣ обѣда и до утра танцовали тѣ самые офицеры, которые сдѣлали пробѣгъ и потомъ скакали — такъ были у всѣхъ празднично и радостно приподняты нервы, такъ были прелестны наши дамы, что усталости какъ бы вовсе не было.

35. Свой домъ. Пріемы.

Въ серединѣ ноября 1911 года, то есть на пятый мѣсяцъ послѣ того, какъ были посланы наши вещи изъ Петербурга, возвращаясь съ занятій я увидѣлъ на проспектѣ противъ нашего дома арбы, запряженныя лошадьми и волами и таранчей, носившихъ тяжелые ящики въ домъ.

Скучное, почти одиночное заключеніе моей жены въ пустомъ домѣ окончилось. Она могла, наконецъ, заняться тѣмъ, что такъ любила, что составляло профессію ея — музыкой и пѣніемъ, могла устраивать свой home, свое гнѣздо.

Трудное это было дѣло. Не легко и не просто было на покатыхъ книзу стѣнахъ повѣсить оконныя и дверныя портьеры, развѣсить картины съ нужнымъ, а не обратнымъ наклономъ. Ефимъ Никитичъ Осиповъ прислалъ двухъ прекрасныхъ мастеровъ изъ нестроевой команды и съ ихъ помощью, благодаря необычайной изобрѣтательности казаковъ всѣ трудности были преодолѣны.

Конечно, далеко это вышло не то, о чемъ мы мечтали въ Петербургѣ, не такъ, какъ мы видали у Кунста и Альбертса во Владивостокѣ и у посланника г. Лессара въ Пекинѣ, но все таки Ермаковцы, и не безъ основанія, стали гордиться квартирой своего командира полка.

Бѣлые щелявые полы затянули сѣроватымъ сукномъ въ тонъ мебели, ковры, купленные у «мошенниковъ» теперь не такъ рѣзали глаза, въ простѣнкѣ между окнами стали часы — подарокъ Л. Гв. Атаманскаго полка съ бронзовымъ изображеніемъ нашего штандартнаго вахмистра Нехаева, часы эти играли Атаманскій маршъ. Напротивъ, стало піанино и подлѣ высокая этажерка съ нотами. Шубертъ и Шуманъ, Григъ и Сенъ-Сансъ, Чайковскій, Глинка, Бородинъ, Даргомыжскій, Цезарь Кюи, Гречаниновъ, Рубинштейнъ, Варламовъ, Гурилевъ, словомъ — всѣ кумиры моей жены стали въ чинномъ порядкѣ, совсѣмъ такъ, какъ стояли они въ Петербургѣ. Жена моя могла начать свои занятія.

Тутъ узнала она, что жена командира 2-й батареи подполковника Никольскаго, Ольга Николаевна, рожденная Лопухина, — прекрасная піанистка, а самъ Никольскій играетъ на скрипкѣ, между моею женою и Ольгой Николаевной вскорѣ завязалась дружба, музыка сблизила ихъ на далекой окраинѣ. Теперь я спокойнѣе могъ оставлять одну жену, зная, что ей уже не такъ скучно.

Генералъ Калитинъ, уѣзжая въ Петербургъ, передалъ намъ, «чтобы не баловался и не забылъ своего искусства» своего повара, казака 2-го полка, обучавшагося по-

варскому дѣлу въ Вѣрномъ и мы могли начать свои «пріемы».

Наша столовая была не велика. Мы не могли принять одновременно больше восьми человѣкъ. Жена моя стала устраивать по воскресеньямъ обѣды — одинъ разъ для старшихъ, женатыхъ, другой разъ для молодежи, потомъ для младшихъ женатыхъ.

Съ молодежью было веселѣе, непринужденнѣе, мы какъ то быстро сошлись, спортъ связалъ насъ, разговоры про службу, про лошадей нравились офицерамъ и мы проводили эти дни весело и хорошо.

Съ дамами было труднѣе, нужно было ихъ хорошо узнать, понимать ихъ обычаи, въ разговорѣ онѣ были очень сдержанны, мужья ли ихъ стѣсняли, но онѣ почти ничего не ѣли и не пили за столомъ. Это обижало мою жену. Потомъ уже, много позднѣе, прелестная Осипова, мать большой семьи, примѣрная матрона, прекрасная хозяйка, красавица съ глубокими темно-голубыми глазами, съ свѣтлыми, цвѣта спѣлой ржи волосами, призналась моей женѣ, что «въ гостяхъ дамамъ не принято ѣсть», что «онѣ приходятъ, покушавши дома, чтобы ничѣмъ не соблазняться въ гостяхъ».

Но пріемы наши, вызвали желаніе намъ отвѣчать и это безпокоило меня. Если Осиповы и Волковы были съ нѣкоторыми средствами и ихъ это не стѣснило бы, то остальные были бѣдны. Имъ было не до пріемовъ. Надо было какъ то это разстроить. Нужно было съ кѣмъ то посовѣтоваться, какъ это сдѣлать. Совѣтоваться съ Осиповымъ или Первушинымъ было безполезно, они уже звали насъ.

Я обратился къ адъютанту. Къ этому времени Геннадій Петровичъ былъ моимъ другомъ и вполнѣ откровенно говорилъ все то, что адъютантъ долженъ говорить командиру полка.

Самсоновъ взъерошилъ свои густые, красивые, вьющіеся отъ природы темные волосы, покраснѣлъ и сказалъ:

— Деликатное это дѣло, господинъ полковникъ. Вашъ предшественникъ и его жена очень любили эти пріемы. У офицеровъ установилось своего рода соревнованіе, кто лучше приметъ и угоститъ командира. Ну... и...

— Дальше.

— Принимали, конечно, не одного командира, были и другіе гости... Многимъ это было не по карману... Отсюда — долги...

— Такъ — лучше — отказать?

— Обидятся... Конечно — обидятся... Особенно Осиповы... Они такіе хлѣбосолы... Но... Вѣдь вы всѣмъ откажете?.. Я думаю — поймутъ... И — оцѣнятъ...

Сославшись на недосугъ — и правда не легко намъ было бывать на постоянныхъ званыхъ обѣдахъ — мы отказались. Обида была... Но поняли, простили... Простили — и оцѣнили.

У Осиповыхъ все таки, хотя и очень рѣдко, намъ пришлось обѣдать, но не торжественно, а интимно, безъ другихъ приглашенныхъ. Слишкомъ тѣсно спаяла насъ служба съ ея непрерывными заботами, и очень намъ полюбилась вся ихъ крѣпкая сильная семья, полная простого благородства. Раза два были мы у Первушиныхъ на дневномъ чаѣ. Первушинъ былъ женатъ на полькѣ — похоже, что дочери ссыльнаго. Семья ихъ была культурная, образованная, но замкнутая въ самой себѣ. Много было у Первушиныхъ книгъ, о многомъ можно было съ ними говорить.

Существуетъ ходячее мнѣніе, что офицеры, да еще армейскіе, да притомъ въ такой глуши, и казаки!! — люди грубые, не воспитанные, не образованные, полуграмотные.

Ефимъ Никитичъ Осиповъ окончилъ Оренбургское казачье училище. Его жена врядъ-ли была въ гимназіи, вѣрнѣе всего кончила, четырехъклассное городское училище. Но, сколько природнаго ума, такта, было въ этой крѣпкой семьѣ, какъ воспитывали и чисто держали они своихъ дѣтей. Постоянныя кочевки изъ Семипалатинска въ Джаркентъ и обратно развили ихъ умъ и наблюдательность, сдѣлали ихъ практически находчивыми и умѣющими примѣняться къ жизненной обстановкѣ. Осипова никогда въ жизни не

видала желѣзной дороги. Она вся была въ семьѣ, въ хозяйствѣ, въ дѣтяхъ, но какъ тонко и умно она умѣла поддерживать разговоръ, безъ сплетенъ и пересудовъ.

Ефимъ Никитичъ былъ отличнымъ хозяиномъ, практичнымъ, разсудительнымъ, находчивымъ, ловкимъ, онъ на лету ловилъ всѣ хозяйственныя преобразованія въ полку.

Устраивалъ я съ нимъ нашъ Тышканскій лагерь.

— Хотѣлось бы, господинъ полковникъ, чтобы было, какъ въ Красномъ Селѣ, — говоритъ мнѣ Осиповъ. — Знаете — передняя линейка, грибы для дневальныхъ и все прочее... Вы мнѣ нарисуйте, а мы сообразимъ, какъ сдѣлать.

И сообразили...

Въ лагерѣ негдѣ казакамъ было мыться. Бани не было, рѣка Тышканка и мелка и камениста и, главное, какъ текущая изъ близкаго ледника имѣла слишкомъ холодную воду. И вотъ Осиповъ надумалъ отвести воду Тышканки въ особый деревянный бассейнъ, гдѣ вода нагрѣвалась бы солнечными лучами, оттуда поступала бы, уже нагрѣтая въ другой бассейнъ съ дырочками и проливалась бы душемъ внизъ. Такъ устроился у насъ прекрасный душъ-купальня для полка.

Осиповъ постоянно что то строилъ, придумывалъ, изобрѣталъ для улучшенія быта полка.

Первушинъ въ молодые годы исходилъ всѣ Алатаускія горы, бывалъ на Тянь-Шанѣ, ходилъ на Памиръ, гдѣ раньше былъ постъ нашего полка, теперь Памиръ занималъ постъ 2-го полка. Онъ ходилъ на тигровъ въ камыши у озера Балхашъ. Какъ то провелъ онъ довольно долгое время на охотахъ съ англичанами и научился говорить по англійски. Онъ недурно объяснялся по китайски и по киргизски. Онъ много читалъ, путешествовалъ, охотился, былъ знакомъ со всѣми охотниками при-Илійскаго края, какъ Русскими, такъ и туземцами — и все это безъ всякой позы, безъ «снобизма», просто такъ, что это такъ и быть должно. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ среди офицеровъ и казаковъ полка.

Судьба нѣкоторыхъ офицеровъ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка въ военное и смутное время оказалась столь замѣчательна и интересна, что о нихъ необходимо особо поговорить, ибо вошли они въ исторію.

36. Вячеславъ Ивановичъ Волковъ

4-ю сотню при мнѣ принялъ подъесаулъ Вячеславъ Ивановичъ Волковъ. Онъ окончилъ кадетскій корпусъ и Николаевское кавалерійское училище. Онъ былъ женатъ на уральской казачкѣ изъ стараго рода Толстовыхъ. У него была единственная дочь — Маруся. Засталъ я ее восьмилѣтней дѣвочкой, съ густою темною косою и громадными, пытливыми глазами. Кто могъ тогда думать, что въ кабинетѣ командира 4-й сотни, на тахтѣ, въ углу, наблюдая за нашимъ споромъ, лежитъ будущая незаурядная Русская поэтесса, пѣвецъ казачьей доблести, скорби и неизбывнаго горя?

Вячеславъ Ивановичъ былъ «рыцарь безъ страха и упрека» — образцовый командиръ сотни, всегда выдающійся, но для меня, особенно, первое время, пока мы другъ друга не поняли, — командиръ трудный.

Горячій, пламенный патріотъ Сибирскаго войска, самолюбивый и нервный, пылкій, не всегда сдержанный, — думаю, что онъ и былъ во главѣ оппозиціи ставшей противъ меня, какъ чужого войску, какъ Донского казака.

Съ его сотни начиналъ я ломку, потому что зналъ, что, если Волковъ приметъ новшество, то и доведетъ его до конца, до настоящей шлифовки. Да такъ оно и было. Изъ прекрасныхъ сотенъ полка — 4-ая была лучшей и побивала ее только 1-ая, когда ею временно командовалъ сотникъ Анненковъ.

У Вячеслава Ивановича были свои симпатіи и антипатіи. Сибиряковъ онъ любилъ, «чужимъ» не довѣрялъ, Анненкова ненавидѣлъ — и не только какъ серьезнаго соперника, но и по моральнымъ причинамъ. Анненковъ требовалъ тяжелой руки и когда остался безъ управленія — свихнулся.

Волковъ нигдѣ и никогда не погрѣшилъ противъ совѣсти и присяги.

Со мною ему было тяжело, временами и мнѣ было не легко съ нимъ. Онъ видѣлъ, что я веду полкъ по вѣрному пути, но признать это долгое время не хотѣлъ. Когда у меня что нибудь срывалось — не все же шло у меня гладко — Волковъ указывалъ мнѣ это съ нѣкоторымъ даже злорадствомъ.

И въ то же время я былъ увѣренъ въ Волковѣ. Если мнѣ нужно было — тогда на маневрѣ — дать отвѣтственную задачу — я давалъ ее Вячеславу Ивановичу и зналъ, что выполнитъ онъ ее блестяще. Далъ бы ему такую задачу и на войнѣ, какъ далъ ее узнавшій Волкова мой преемникъ полковникъ Раддацъ.

Волковъ былъ первымъ Георгіевскимъ кавалеромъ въ полку и за какое блестящее дѣло — за конную атаку подъ Ардаганомъ!

Въ 1917 году Волковъ получилъ въ командованіе 7-й Сибирскій казачій полкъ и съ Кавказскаго фронта попалъ на Германскій. Тамъ и застала Волкова революція. Всѣ Сибирскіе полки были отправлены на Родину. 7-й полкъ въ Кокчетавѣ былъ расформированъ. Волковъ переѣхалъ въ Петропавловскъ. Тутъ началась его конспиративная работа по организаціи Правительства на смѣну Омскому, составленному изъ соціалистовъ, ведшихъ Сибирскій край подъ ярмо большевиковъ. Здѣсь Волковъ подобралъ себѣ сотрудниковъ, такихъ же пламенныхъ патріотовъ Сибири, какимъ былъ онъ самъ и надежнѣйшихъ офицеровъ — Апол. В. Катанаева и высокаго, тощаго русобородаго Ивана Красильникова, бывшаго при мнѣ хорунжимъ въ полку и прозваннаго за свой большой ростъ «Полтора Ивана».

Волковъ получилъ должность Начальника гарнизона города Омска. 18го ноября 1918 года, видя полную неспособность переѣхавшей въ Омскъ «Директоріи» бороться противъ большевиковъ, — Волковъ со своими сподвижниками арестовалъ соціалистовъ, членовъ этой «Директоріи» и передалъ всю власть адмиралу Колчаку.

Очевидцы этого переворота писали тогда: ...«чудный, памятный день переворота въ Петропавловскѣ остался навсегда въ душѣ. Какъ много надеждъ воскресло тогда, какъ много стало увѣренности въ томъ, что Россія выходитъ на путь избавленія!».

Виновники переворота Волковъ, Катанаевъ и Красильниковъ были арестованы и преданы военно-полевому суду. Изъ суда мятежныхъ офицеровъ судъ обратился въ судъ надъ Директоріей. Подсудимые стали національными героями. Наканунѣ суда Волковъ имѣлъ свиданіе съ адмираломъ Колчакомъ. Онъ умолялъ адмирала, чтобы тотъ приказалъ судьямъ строго осудить его и разстрѣлять, какъ иниціатора переворота. Этимъ Верховный Правитель и его сотрудники показали бы, что они твердо стоятъ на стражѣ закона и никому не позволятъ никакого самоуправства. Такимъ актомъ разстрѣла Волкова — адмиралъ Колчакъ заставилъ бы замолчать всѣхъ своихъ враговъ.

Волковъ былъ такъ увѣренъ, что адмиралъ Колчакъ согласился съ его доводами, что подготовилъ свою жену и дочь къ мысли о неизбѣжности ужаснаго конца.

На скамьѣ подсудимыхъ онъ былъ спокоенъ.

Судъ оправдалъ Волкова. Оставаться въ Омскѣ Волкову было невозможно. Адмиралъ Колчакъ послалъ его на Дальній Востокъ съ особымъ порученіемъ. Атаманъ Семеновъ, не признававшій адмирала Колчака Верховнымъ Правителемъ, не пропустилъ Волкова на свою автономную «Семеновскую» территорію. Волковъ принужденъ былъ задержаться въ Иркутскѣ и былъ назначенъ Командующимъ войсками Иркутскаго военнаго округа. Тыловая должность не удовлетворила Вячеслава Ивановича. Съ разрѣшенія Колчака Волковъ сформировалъ Сводный казачій корпусъ и съ нимъ выступилъ на

помощь Колчаку. Съ казаками прошелъ Волковъ за Уралъ и съ ними же принужденъ былъ пережить весь ужасъ отступленія зимою черезъ всю Сибирь. Измѣна была кругомъ. Измѣна Чеховъ, которымъ такъ вѣрили и на кого такъ надѣялись, измѣна союзниковъ... Наступила страшная зима 1919-1920 года. Шелъ ни съ чѣмъ не сравнимый по ужасамъ зимній походъ по пустынямъ Сибири, черезъ таежную глушь. За Иркутскомъ у станціи Китай, 11-го февраля 1920 года въ глухомъ и страшномъ лѣсу остатки корпуса Волкова были окружены большевиками. Оставалось одно — сдаться.

Глухо раздавшійся въ таежной глуши одиночный револьверный выстрѣлъ окончилъ жизнь Сибирскаго героя.

Нѣжный памятникъ трогательной, дочерней любви поставленъ ему той маленькой Марусей, которая выросла въ Джаркентѣ въ 1-мъ Сибирскомъ Ермака Тимофеева полку. Она помянула его въ своихъ прекрасныхъ стихахъ:

...«Твой образъ всегда предо мной, какъ живой,
Безумно любимый отецъ.
За что тебѣ посланъ жестокой судьбой
Такой безпощадный конецъ?

Ты Родину свято и вѣрно любилъ
И жертвъ для нея не считалъ,
Ты вѣрой въ ея возрожденіе жилъ,
Но гибель ея увидалъ...

Былъ стоекъ и храбръ въ неустанной борьбѣ
Въ тяжелые злые года,
Но жизнью играя, ты лавровъ себѣ
Не ждалъ, не искалъ никогда.

Завѣты казачьи ты крѣпко хранилъ,
Въ бою былъ всегда впереди
И дерзкой отвагой съ лихвой заслужилъ
Свой бѣленькій крестъ на груди*).

Марія Волкова воспѣла героическій походъ казаковъ съ адмираломъ Колчакомъ. Она была его участницей Она въ немъ потеряла своего первенца — дочь. Она пережила со своимъ мужемъ, офицеромъ 7-го Сибирскаго полка — Эйхельбергеромъ — всѣ ужасы ледяного похода черезъ Сибирскую тайгу. О своихъ соратникахъ такъ сказана она: —

....«Люди съ душою открытою,
Траурнымъ флеромъ повитою,
Въ жертву себя принесли вы —
Отчизнѣ.

Бились съ судьбой непреклонною —
Вѣчной тоскѣ обреченные —
И пали, уйдя красиво
Изъ жизни...»**)

Теперь въ далекой и чужой ей Литвѣ у Маріи Вячеславовны растутъ сынъ и дочь. У Вячеслава Ивановича — внукъ. Какъ пригодилась бы этому внуку Ермаковская сабля его дѣда, надъ которой Вячеславъ Ивановичъ, охотно носившій ее, любилъ иногда посмѣяться? Когда молодъ, развѣ знаешь, что будетъ впереди? Когда дочери восемь лѣтъ — не подумаешь, что не такъ далеко время, когда станешь дѣдушкой, и внукамъ понадобится память о своемъ свѣтломъ героѣ дѣдѣ.

...Дѣдовское оружіе....

---

*) «Казаку отцу». Марія Волкова. «Пѣсни Родинѣ». Харбинъ. 1936.

**) «Павшимъ рыцарямъ бѣлой Сибири». Марія Волкова. «Пѣсни Родинѣ».

37. Борисъ Владиміровичъ Анненковъ

Вячеславъ Ивановичъ Волковъ иногда упрекалъ меня въ томъ, что Анненковъ мой любимецъ.

Было это такъ, или нѣтъ?

И да.... И нѣтъ....

Я не могъ не благоволить къ Борису Владиміровичу Анненкову потому, что это былъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся офицеръ. Человѣкъ богато одаренный Богомъ, смѣлый, рѣшительный, умный, выносливый, всегда бодрый. Самъ отличный наѣздникъ, спортсменъ, великолѣпный стрѣлокъ, гимнастъ, фехтовальщикъ и рубака — онъ умѣлъ свои знанія полностью передать и своимъ подчиненнымъ-казакамъ, умѣлъ увлечь ихъ за собою.

Когда сотникъ Анненковъ временно, до прибытія со льготы изъ войска есаула Рожнева, командовалъ 1-й сотней — сотня эта была и первой въ полку. Когда потомъ онъ принялъ полковую учебную команду — команда эта стала на недосягаемую высоту. Чтобы быть ближе къ казакамъ, Анненковъ жилъ въ казармѣ команды, отгородившись отъ казаковъ полотномъ. Онъ шелъ далеко впереди моихъ требованій, угадывалъ ихъ съ налета, развивалъ мои мысли и доводилъ ихъ до желаемаго мною завершенія.

На дворѣ 1-й сотни онъ настроилъ самыя разнообразныя препятствія и я часто пріѣзжалъ къ нему, чтобы на нихъ провѣрить своихъ «Ванду» и «Гризетку». Онъ часто садился подъ поваленное дерево, имѣя на рукахъ своего фокса, и казаки сотни прыгали на лошадяхъ черезъ своего сотеннаго командира. Не было ничего рискованнаго, на что онъ не вызвался-бы.

Чистота одежды, опрятность казаковъ, ихъ воспитаніе и развитіе — все это было доведено у него въ сотнѣ, а потомъ въ командѣ, до совершенства.

Какъ-же мнѣ было не любить и не цѣнить такого офицера? Онъ никогда не «дулся» на замѣчанія, всегда былъ веселъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ былъ сыномъ Курскаго помѣщика и цыганки. Когда эта цыганская кровь прорывалась въ немъ, мнѣ приходилось круто одергивать его.

Вдругъ явится онъ въ строй въ фуражкѣ съ тульей чуть не въ четверть аршина, въ какомъ-то дикомъ подобіи фуражки. Онъ не обижался, когда я дѣлалъ ему замѣчаніе и покорно уничтожалъ фуражку.

Потомъ встрѣчу я его въ кителѣ, на которомъ, какъ у какого нибудь цирковаго борца, вмѣсто орденовъ, на груди прицѣплены всѣ тѣ жетоны, которые онъ получалъ на скачкахъ и иныхъ состязаніяхъ. Да, мало того, что такъ ходитъ по городу, но еще снимется со всѣми этими «регаліями». А мнѣ шлютъ изъ Вѣрнаго его фотографію и пишутъ: — «полюбуйтесь — в а ш ъ Анненковъ»!

Ну, и опять кислые разговоры съ Борисомъ Владиміровичемъ. У Анненкова — и въ этомъ опять сказывалась цыганская кровь — была страсть мѣнять, продавать и покупать лошадей. Только своему непобѣдимому «Султану» онъ и былъ вѣренъ. То появится у него чистокровная двухлѣтка съ ипподрома, то отпросится онъ на двѣ недѣли въ отпускъ, умчится въ Ауліе Ата и приведетъ оттуда прелестную трехлѣтку англотекинской породы.

Незадолго до сдачи мною полка и отъѣзда моего, Волковъ обвинялъ на словахъ Анненкова въ нечестной торговлѣ лошадьми. Я потребовалъ рапорта для производства дознанія. Пожалѣлъ-ли Вячеславъ Ивановичъ Анненкова, или не могъ получить точныхъ данныхъ, но рапорта не подалъ, а я, по словеснымъ разсказамъ, носившимъ характеръ обычныхъ казачьихъ сплетенъ, дѣла надъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ полка не началъ. Я поручилъ Войсковому Старшинѣ Первушину негласно провѣрить эти слухи. Первушинъ не нашелъ ничего предосудительнаго въ поступкахъ Анненкова... Волковъ-же считалъ, что я не началъ дѣла по-

тому, что Анненковъ былъ моимъ любимцемъ.

Вскорѣ послѣ моего ухода изъ полка, Анненковъ былъ спущенъ на льготу и во время Великой войны былъ въ 4-мъ Сибирскомъ казачьемъ полку на Германскомъ фронтѣ. Я получалъ отъ Бориса Владиміровича съ фронта восторженныя письма и все о лошадяхъ. Онъ писалъ мнѣ, какихъ лошадей онъ отнялъ у нѣмцевъ, писалъ, что лошадь нѣмецкаго офицера оказалась хуже его «Султана». Онъ скоро и съ честью получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Къ концу войны онъ командовалъ сотней, едва-ли не полкомъ. Я потерялъ его изъ вида. Послѣ революціи, Анненковъ оказался въ ставшемъ ему роднымъ Семирѣчьѣ.

Тутъ начинается темная, не достаточно изученная страница его жизни и дѣятельности.

Выборнымъ Войсковымъ Атаманомъ Семирѣченскаго войска въ ту пору былъ Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ Александръ Михайловичъ Іоновъ, сынъ знаменитаго Семирѣченскаго Наказнаго Атамана и перваго устроителя Семирѣчья и города Вѣрнаго, Генералъ-Лейтенанта Іонова.

И вдругъ, на окраинѣ Семирѣчья появляется другой атаманъ — Анненковъ. Онъ противъ большевиковъ, онъ яростно сражается съ ними, наноситъ имъ большія потери, оттягиваетъ ихъ силы отъ Колчака и Семенова, рыщетъ вдоль границъ Монголіи съ коннымъ отрядомъ.

Кто онъ? Онъ самъ назвалъ себя партизаномъ, и въ теченіе почти цѣлаго года велъ партизанскую войну съ большевиками. Онъ не пожелалъ признать адмирала Колчака — не захотѣлъ подчиняться Колчаковскимъ генераламъ, не вѣря имъ, не пожелалъ и соединяться съ Семеновымъ. Онъ остался самостоятельнымъ правителемъ разбойничьяго типа въ Семирѣчьи. Край ему прекрасно знакомъ. Киргизскимъ и китайскимъ языками онъ достаточно владѣетъ, монгольскіе нойоны и китайскіе фудутуны — ему друзья. Онъ подобралъ себѣ вольницу головорѣзовъ и съ ними рыскалъ по Семирѣчью, грабя населеніе и воюя съ большевиками. Кумиръ для однихъ — ненавистный для другихъ.

Весною 1924-го года встрѣтилъ я въ Парижѣ только что прибывшаго съ Дальняго Востока генерала Лохвицкаго.

Я спросилъ его объ Анненковѣ.

— Какой позоръ этотъ Анненковъ, — сказалъ мнѣ Лохвицкій. — Это типичный «зеленый». Одѣлъ свой отрядъ въ черные гусарскіе доломаны, награбилъ хорошихъ лошадей и шарилъ по Семирѣчью, не столько помогая, сколько вредя адмиралу Колчаку. Никого, кромѣ себя, не признавалъ. Мнѣ разсказывали: — въ его отрядѣ возится громадное малиновое знамя съ надписью золотыми буквами: — «съ нами Богъ— и атаманъ!»... Каковъ!

Расправившись съ адмираломъ Колчакомъ, большевики бросили значительныя силы въ Семирѣчье приводя его населеніе подъ свою тяжелую руку. Они нажали на Анненкова, и я стороною услышалъ, что Анненковъ ушелъ въ Китайскіе предѣлы.

12-го сентября 1924-го года, во Франціи, въ Сантени, я получилъ телеграмму изъ Сѣверо-западнаго Китая, изъ города Лян-чу-фу: — «привѣтъ, лучшія пожеланія прошу принять отъ меня и моихъ партизанъ. Атаманъ Анненковъ».

«Отыскался Тарасовъ слѣдъ».

Я отвѣтилъ Анненкову телеграммой-же и на этомъ наша связь опять оборвалась.

Прошелъ годъ. Однажды вечеромъ въ Шуаньи, Великій Князь Николай Николаевичъ спросилъ меня:

— Вы вѣдь, Петръ Николаевичъ, знали атамана Анненкова?

— Да, Ваше Императорское Высочество, зналъ и даже хорошо зналъ.

— Что это былъ за человѣкъ?

Я сообщилъ Великому Князю все то, что пишу объ Анненковѣ здѣсь.

— Я получилъ телеграмму, — сказалъ Великій Князь. — Анненковъ томится въ китайской тюрьмѣ. Проситъ помочь ему. Что вы скажете?

— Анненковъ несомнѣнно много напуталъ

въ дни своей партизанщины — сказалъ я, — но вѣдь надо сознаться, что обстановка въ томъ краю была такая, что молодому и неопытному политически человѣку трудно было въ ней разобраться.

— Но Анненковъ былъ противъ большевиковъ?

— Несомнѣнно противъ, Ваше Императорское Высочество.

— И онъ въ прошломъ, при васъ, и потомъ на войнѣ былъ хорошiй офицеръ?

— Прекрасный офицеръ, Ваше Императорское Высочество.

— Надо ему помочь.

Великiй Князь поручилъ, состоявшему при немъ, генералъ-лейтенанту барону Сталь съѣздить къ Михаилу Николаевичу Гирсу, стоявшему въ Парижѣ во главѣ Русскихъ пословъ и просить его ходатайствовать передъ китайскимъ посланникомъ въ Парижѣ объ освобожденiи Анненкова.

Анненковъ былъ освобожденъ, остался въ Китаѣ и гдѣ-то, не помню точно гдѣ, близъ границы Внѣшней Монголiи, занялся своимъ любимымъ коннымъ дѣломъ, куплей, продажей и разведенiемъ лошадей.

Но Анненковъ былъ по духу слишкомъ военный человѣкъ, одно коневодство его не удовлетворяло, ему хотѣлось опять формировать, создавать, учить и воспитывать конныя войсковыя части.

Этимъ воспользовался сотрудникъ большевицкаго комиссара въ Китаѣ, Бородина, бывшiй полковникъ Генеральнаго Штаба Гущинъ, по происхожденiю Донской казакъ, человѣкъ опытный въ дѣлахъ предательства. Онъ свидѣлся съ Анненковымъ и уговорилъ его переѣхать въ Монголiю. Тамъ, по словамъ Гущина, образуется свободная и независимая Монгольская республика, она создаетъ свое войско, ей нужна многочисленная конница и кому же и создавать ее, какъ не знаменитому партизану атаману Анненкову? Перспектива стать во главѣ, на первыхъ порахъ десяти-тысячнаго, коннаго отряда въ Монголiи, обучать его по «Ермаковски», соблазнила Анненкова. Онъ согласился прiѣхать къ Гущину со своимъ начальникомъ штаба, полковникомъ Денисовымъ, для выработки плана созданiя Монгольской конницы.

Ночью, у Гущина, Анненковъ и Денисовъ были схвачены большевиками и отправлены для «показательнаго процесса» въ Семипалатинскъ.

Кто-то съ Дальняго Востока, быть можетъ, это былъ и самъ Гущинъ, который въ давнее время меня хорошо зналъ и съ кѣмъ я одно время вмѣстѣ скрывался отъ большевиковъ въ Константиновской станицѣ Донского Войска, прислалъ мнѣ небольшую печатную брошюру: — «покаянное письмо атамана Анненкова».

Не думаю, чтобы это письмо было и точно написано Борисомъ Владимiровичемъ. Не его былъ стиль. Очень было похоже оно на все то, что фабрикуется въ такихъ случаяхъ большевиками. Въ письмѣ Анненковъ раскаивался во всѣхъ своихъ заблужденiяхъ, грабежахъ и насилiяхъ надъ крестьянами, и особенно въ томъ, что онъ пошелъ противъ рабоче-крестьянской совѣтской власти, лучшей власти въ мiрѣ. Онъ призывалъ всѣхъ Русскихъ офицеровъ послѣдовать его примѣру и передаваться большевикамъ. Въ Совѣтскомъ союзѣ, дескать, идетъ подлинное народное строительство и каждый долженъ быть тамъ и помогать дѣлу Ленина.

Очень все это было грубо и казенно написано, такъ что и недоброжелатели Анненкова, получившiе эту брошюру, писали мнѣ изъ Шанхая: — «обычная чекистская агитка»....

Вскорѣ послѣ этого получилъ я съ Дальняго Востока совѣтскiя газеты съ подробнымъ описанiемъ процесса и съ портретами Анненкова и Денисова. Анненкова я сейчасъ же узналъ. Онъ мало измѣнился. Только ужасно было выраженiе его лица и совершенно безумныхъ глазъ.

Процессъ былъ проведенъ по всѣмъ правиламъ совѣтскаго правосудiя. Выступали многочисленныя свидѣтельницы и свидѣтели, которые по существу ничего изъ того, что они показывали, не могли видѣть. Они были изъ подъ Семипалатинска, Анненковъ

дѣйствовалъ въ Семирѣчьи. Они разсказывали о звѣрствахъ, совершенныхъ Анненковымъ и его партизанами,о насиліяхъ,убійствахъ и грабежахъ. Ихъ показанія прерывались дикими криками толпы, присутствовавшей на судѣ: — «смерть имъ! къ разстрѣлу!!»

Анненкова и Денисова разстрѣляли. Анненковъ принялъ смерть со спокойствіемъ и гордо. Денисовъ труднѣе.

Такъ окончилъ свои дни «атаманъ» Анненковъ.

Когда онъ былъ еще въ 1-мъ Сибирскомъ казачьемъ Ермака Тимофеева полку, въ нашихъ съ нимъ долгихъ поѣздкахъ съ учебной командой по горамъ и пустынямъ Прилийскаго края, онъ часто и охотно говорилъ со мною о Стенькѣ Разинѣ, о Пугачевѣ, о разбоѣ, о романтической удали разбойничьей жизни. Кипѣла и бушевала въ немъ цыганская кровь. Любимой пѣсенью его была — Разинская — «схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ»...

Бывало запоютъ ее пѣсельники, Анненковъ обернется ко мнѣ и скажетъ:

— Вотъ это смерть!.. Господинъ полковникъ, вы не находите, что такъ это хорошо покоиться одному на вольной землѣ между трехъ большихъ Россійскихъ дорогъ?

Его глаза блестятъ, въ нихъ дрожитъ такъ несвойственная Анненкову слеза.

Сбылось, да не такъ, какъ ему хотѣлось.

Уже очень въ ту пору, и особенно, въ глухомъ и богатомъ Семирѣченскомъ краю, сложное было время и трудно было молодымъ и богато одареннымъ натурамъ удержаться и не скользнуть въ бездну, такъ заманчиво развернувшуюся передъ ними.

Когда нибудь историкъ этого новаго Смутнаго времени, отмѣтитъ имена теперешнихъ Тушинскихъ воровъ и Болотниковыхъ, всѣхъ этихъ атамановъ «зеленыхъ», зазнавшихся, никого не признававшихъ, никому не подчинявшихся мальчишекъ — атамановъ и партизанъ. Мутна была вода и много плавало въ ней жирной рыбы.

Соблазнился тогда не одинъ Анненковъ. Въ ту пору на всѣхъ фронтахъ гражданской войны, какъ пузыри на лужахъ въ осенній дождь, появились подобные ему. Кое кого пришлось самимъ «бѣлымъ» разстрѣлять...

Анненкова разстрѣляли большевики. Этимъ сняли они съ него вольныя и невольныя вины его партизанства и пріобщили его къ сонму мучениковъ, умученныхъ за Россію.

38. Леонидъ Александровичъ Артифексовъ

Выдающуюся большую карьеру сдѣлалъ и другой молодой офицеръ 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка, кого я засталъ въ 1911-мъ году молодымъ хорунжимъ — Леонидъ Александровичъ Артифексовъ.

Родомъ онъ былъ Терскій казакъ, учился въ Бакинской классической гимназіи, потомъ окончилъ Тифлисское военное училище. Высокаго роста, могучаго сложенія, силачъ и прекрасный гимнастъ, онъ такъ-же, какъ и Анненковъ, шелъ впереди моихъ требованій. Но былъ онъ много мягче, податливѣе Анненкова и работать съ нимъ было легко и пріятно. Сказывалась въ этомъ Кавказская кровь Терца. Онъ былъ пріятенъ въ обращеніи, безъ заискиванія и робости, но съ достоинствомъ и уваженіемъ.

Вспыльчивый и нетерпѣливый по натурѣ, онъ умѣлъ владѣть собою и поражалъ своимъ терпѣніемъ при обученіи казаковъ учебной команды. Онъ никогда не срывался на урокѣ, но приходилъ ко мнѣ послѣ съ изліяніями, жалобами и возмущеніемъ. Его громкій, звучный голосъ гудѣлъ у меня въ кабинетѣ.

— Да, никогда, господинъ полковникъ, терскому казаку и объяснять этого не пришлось-бы!... — говорилъ онъ. — Это дубины какія-то стоеросовыя. Прихожу, пишу на

доскѣ: — 12 помножить на 12. Каждому ясно — будетъ — сто сорокъ четыре. И думать не надо. Вызываю къ доскѣ Запѣвалова. Онъ стоитъ, потѣетъ, мажетъ мѣломъ, рѣшить не можетъ. Я спрашиваю его, сколько въ коробкѣ перьевъ? — «Дюжина дюжинъ, ваше благородіе» — быстро отвѣчаетъ онъ. Сосчитай. Считаетъ. — «Сто сорокъ четыре, ваше благородіе». Ну, такъ сколько будетъ двѣнадцать помножить на двѣнадцать? Молчитъ, потѣетъ... Дубина стоеросовая... Я не могу съ ними заниматься. Силъ не хватаетъ.

А на экзаменѣ эти дубины стоеросовыя, шутя, слагали, вычитали умножали и дѣлили простыя и десятичныя дроби.

Артифексовъ изумительный былъ учитель. Самолюбивъ, горячъ и гордъ.

Не мало мнѣ было съ нимъ непріятностей изъ за его вспыльчиваго характера и огорченій.

— Господинъ полковникъ, позвольте доложить о происшествіи: — побилъ нагайкой таранчинскаго учителя.

— Боже мой! Да за что, Леонидъ Александровичъ?

Гудитъ на всю канцелярію Артифексовъ.

— Ѣдемъ съ ученья строемъ. Навстрѣчу учитель. Претъ прямо въ середину фронта: «Сворачивай», кричу ему я. Онъ отвѣчаетъ: — «самъ сворачивай, царскій опричникъ» и врѣзался въ строй. Я не стерпѣлъ, говорю вахмистру: — «дай раза»! Онъ далъ. Тотъ вылетѣлъ изъ строя и поскакалъ жаловаться.

— Да что онъ пьянъ что-ли былъ?

— Ничего не пьянъ. Онъ просто соціалистъ и насъ ненавидитъ.

— Позвольте, да вѣдь онъ — учитель?

— Учитель и есть. Они всѣ тутъ такіе подобрались. Онъ къ генералу Калитину поѣхалъ... Прошу покорно заступиться за меня.

— Ну, генералъ Калитинъ васъ въ обиду и такъ не дастъ.

— Знаю, господинъ полковникъ, что Петръ Петровичъ меня любитъ, да уже очень онъ боится этихъ самыхъ таранчинцевъ и жалобъ и кляузъ ихнихъ.

Въ такихъ случаяхъ звалъ я генерала Калитина обѣдать и за обѣдомъ обхаживалъ его и доказывалъ, что Артифексовъ не могъ иначе поступить, что самъ генералъ, будь онъ на его мѣстѣ, такъ-же поступилъ бы. Иногда сходило, иногда и нѣтъ....

Съ моимъ уходомъ изъ полка ушелъ изъ Сибирскаго войска и Артифексовъ. Сбылась его мечта — состоялся его переводъ въ Кубанское войско. Онъ поступилъ въ 1-й Запорожскій Императрицы Екатерины Великой полкъ.

Съ этимъ полкомъ, начальникомъ пулеметной команды и выступилъ на войну въ Закавказье Леонидъ Александровичъ. И въ первомъ же бою, 6-го ноября 1914-го года, у селенія Верхній Харгалыхъ на рѣкѣ Евфратѣ имѣлъ страшный бой, дрался въ рукопашную съ курдами, былъ израненъ и получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Оправившись отъ ранъ и чувствуя, что раны будутъ мѣшать ему служить, какъ надо въ конницѣ, жадно стремясь ко всему новому въ военномъ дѣлѣ, Артифексовъ изучилъ броневое дѣло и поступилъ въ броневыя войска.

Судьба свела насъ опять въ страшные дни октября 1917-го года.

Съ частями III Коннаго корпуса, которымъ я тогда командовалъ, я велъ наступленіе на Петроградъ, гдѣ большевики только что прогнали Временное Правительство. У меня было очень мало войска. Казаки разлагались. Среди нихъ была брошена пропаганда: — «на большевиковъ идутъ только казаки и юнкера — то есть господа. Съ большевиками весь народъ»... Мнѣ необходимо было хотя немного с о л д а т ъ. Въ Гатчинѣ приносятъ мнѣ записку: — «иду къ вамъ на поддержку съ броневымъ дивизьономъ. Полковникъ Артифексовъ».

Какъ обрадовала и какъ ободрила меня тогда эта записка. Вдвойнѣ обрадовала. Я получалъ не только броневыя машины съ такъ нужными мнѣ с о л д а т а м и, что подниметъ духъ казаковъ, но приходилъ ко мнѣ въ эту поистинѣ жуткую минуту Леонидъ Артифексовъ, котораго я прекрасно

зналъ, кого любилъ и кому вѣрилъ и кто меня любилъ и понималъ меня съ полуслова.

Прошелъ томительный день ожиданія, — броневики не являлись. Поздно ночью доложили мнѣ, что меня желаетъ видѣть какой то странный офицеръ. Я вышелъ. Въ корридорѣ Гатчинскаго дворца стоялъ Леонидъ Александровичъ. Его голова была окручена окровавленнымъ платкомъ, онъ опирался на выломанную въ лѣсу палку и едва держался на ногахъ. Я провелъ его къ себѣ, приказалъ подать вина, чаю, ѣсть.

— Что-же случилось, Леонидъ Александровичъ? Гдѣ ваши броневики?

— Я пришелъ одинъ, — глухо сказалъ Артифексовъ. Рыданіе вырвалось у него изъ груди.

Онъ замолчалъ. Я ждалъ, что скажетъ онъ дальше.

— Иду къ вамъ. Мои подлецы — какъ я имъ вѣрилъ, какъ мы съ ними сжились! мои подлецы клялись смести изъ Петрограда большевиковъ. Въ лѣсу, безъ команды машины останавливаются, прислуга соскакиваетъ съ нихъ и всѣ бѣгутъ ко мнѣ. Окружаютъ. Понимаете — митингъ!... Не желаютъ идти противъ большевиковъ, большевики за народъ... Ахъ, канальи! Я кричу — по мѣстамъ! Никакого повиновенія. Я выхватываю револьверъ. На меня набрасываются пятеро. Вы меня, ваше превосходительство, знаете. Меня этимъ не испугаешь, произошла безобразная свалка. Вотъ видите, какъ изукрасили, я двоихъ уложилъ изъ револьвера, троихъ сбросилъ съ себя, но избили и изранили они меня ужасно. Удалось бѣжать въ лѣсъ. Преслѣдовать меня не рѣшились. Стрѣляли много да не попали. Лѣсомъ цѣлый день пробирался къ вамъ, чтобы сказать вамъ, чтобы вы чего худого про меня не подумали. Артифексовъ вамъ не измѣнилъ и не обманулъ васъ, но — судьба.

Да... Судьба....

Мнѣ оставалось только отправить Артифексова къ врачамъ и эвакуировать его по причинѣ тяжкихъ его раненій.

Эти раненія и раны, полученныя въ Великую войну помѣшали Артифексову нести службу въ строю въ Добровольческой Арміи. Онъ былъ генераломъ для особыхъ порученій при Главнокомандующемъ Русской Арміи, генералѣ Врангелѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ Главнокомандующаго.

Въ 1922—23-мъ году встрѣтилъ я его въ Германіи, въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ, жажда знаній и почти совершенно не зная нѣмецкаго языка, поступилъ въ нѣмецкій Политехникумъ вольно-слушателемъ. Одновременно съ лекціями онъ бралъ и уроки нѣмецкаго языка. Онъ весь горѣлъ непремѣннымъ желаніемъ что нибудь основательно изучить, чтобы быть полезнымъ Россіи.

Пули, оставшіяся въ его могучемъ тѣлѣ мучили его. Въ Мюнхенскомъ госпиталѣ сдѣлали ему операцію. Я навѣщалъ его. Казалось онъ совсѣмъ оправился. Онъ переѣхалъ въ Югославію и вдругъ, почти внезапно, скончался отъ скоротечной чахотки. Борьба съ броневыми солдатами не прошла даромъ и сломила его могучій организмъ.

39. А. Г. Грызовъ и А. Д. Баженовъ

Листая въ памяти списокъ офицеровъ, служившихъ вмѣстѣ со мною въ 1-мъ Сибирскомъ казачьемъ Ермака Тимофеевича полку на рубежѣ Китая, съ болью въ сердцѣ я слышу, какъ при каждомъ знакомомъ и дорогомъ мнѣ имени, какъ бы похоронный колоколъ отзваниваетъ «умеръ!.. убитъ!.. замученъ большевиками!.. убитъ!.. убитъ!..»

Почти никого не осталось.

Въ перепискѣ со мною бывшій при мнѣ командиромъ 2-й сотни есаулъ Алексѣй Георгіевичъ Грызовъ, съ кѣмъ препирался я вечерами на его маленькой квартирѣ въ Вѣрномъ по казачьимъ вопросамъ. Грызовъ жи-

ветъ въ Харбинѣ и помогаетъ Представителю Сибирскаго Казачьяго Войска заграницей, полковнику Ефиму Прокопьевичу Березовскому.

Знаю, что живъ командиръ 5-й сотни, принявшій ее въ 1913-мъ году, есаулъ Баженовъ, мой сосѣдъ по Тышканскому лагерю. Его хижина стояла рядомъ съ моей «усадьбой».

Въ Шанхаѣ проживаетъ генералъ-лейтенантъ Глѣбовъ... Этотъ Глѣбовъ въ званіи урядника, только что окончившій полковую учебную команду, велъ шестерыхъ казаковъ въ Ташкентъ въ Конвой Командующаго войсками Округа и былъ первымъ Ермаковцемъ, котораго я увидѣлъ подлѣ станціи Кабулъ-Сай, когда ѣхалъ къ полку. Въ Сибирскихъ арміяхъ онъ подвигами личной храбрости и умѣніемъ организовывать части дослужился до чина Генералъ-Лейтенанта.

А. Г. Грызовъ и А. Д. Баженовъ продолжаютъ тщательно и любовно работать для родного Сибирскаго войска. Они украсили рядомъ статей прекрасный «Войсковой юбилейный Сборникъ Сибирскаго Казачьяго войска — 1582—1932», вышедшій въ Харбинѣ подъ названіемъ «Сибирскій казакъ».

А. Д. Баженовъ въ немъ помѣстилъ свои статьи: — «Краткій историческій очеркъ Сибирскаго казачьяго войска», описалъ проѣздъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича черезъ Сибирское войско въ 1891-мъ году, Войсковой Кругъ 1903-го года, боевую работу 6-го и 9-го Сибирскихъ казачьихъ полковъ въ Японскую войну, свою службу въ полкахъ 1-й очереди и на льготѣ, далъ очеркъ объ артиллеріи Сибирскаго казачьяго войска, написалъ о своемъ пребываніи въ Сотнѣ юнкеровъ Николаевскаго кавалерійскаго училища — все это ярко красочно, красиво написанное, съ глубокой любовью къ Родинѣ и Сибирскому казаку.

И на литературной нивѣ Ермаковцы дали прекрасные всходы.

А. Г. Грызовъ въ этомъ же сборникѣ далъ трогательные образы своихъ первыхъ учителей. Назвалъ онъ очеркъ: — «Неизвѣстному учителю». Учили Грызова въ поселкѣ Ачаиръ сначала урядникъ Андрей Тимофеевичъ Саблинъ, а потомъ Екатерина Ивановна Чащина, старушка, вдова унтеръ-офицера изъ Омска.

Учениками этихъ «неизвѣстныхъ учителей» были и столь извѣстные въ Сибири люди, какъ генералъ И. Ф. Путинцевъ, бывшій атаманомъ 3-го Отдѣла войска и его братья Петръ и Павелъ, артиллерійскіе генералы, Генеральнаго Штаба генералъ А. П. Буровъ, бывшій одно время начальникомъ Штаба Семирѣченской области и многіе другіе. Вотъ изъ какихъ народныхъ твердыхъ глубинъ вырастало крѣпкое Русское офицерство, хорошо грамотное, страстно и самоотверженно любящее Россію.

По слѣдамъ отцовъ послѣдовали и дѣти Грызова и Баженова. Къ нимъ присоединяется и дочь Волкова. Они составили талантливую семью поэтовъ, воспѣвающихъ Сибирское войско, его доблести и славу. Сынъ Грызова, печатающій свои стихи подъ псевдонимомъ — именемъ родного поселка «Ачаиръ», уже теперь извѣстный поэтъ съ моднымъ налетомъ символизма, но съ яснымъ и четкимъ стихомъ и красивыми образами. Марія Волкова дала въ «Сибирскомъ Казакѣ» нѣсколько стихотвореній и прекрасныхъ очерковъ въ прозѣ, посвященныхъ Джаркенту, Тышкану, Вѣрному и Кокчетаву, и въ 1936-мъ году выпустила прелестный сборникъ стиховъ «Пѣсни Родинѣ», Таисія Баженова написала нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній и отличный очеркъ въ прозѣ «Лагерь на Аблакеткѣ».

«Есть еще порохъ въ пороховницахъ, не оскудѣла сила казачья».

У дѣтей моихъ бывшихъ офицеровъ уже есть дѣти — внуки Ермаковцевъ.

Такъ бываетъ на степномъ пожарищѣ. Сухою осенью налетѣлъ на Сибирскую степь палъ. Все сгорѣло до тла. Кругомъ вся степь черна, все уныло и плоско, безотрадно и мертво. Земля потрескалась и, кажется, никогда и ничего здѣсь не бу-

деть живого. Но, пролили благодатные весенніе дожди, тутъ, тамъ показались зеленыя иголочки молодой травы... И не успѣешь оглянуться, какъ буйно и пышно зацвѣтетъ радостными цвѣтами погорѣлая степь.

До тла выжгли моихъ нѣкогда Ермаковцевъ... Никого не осталось. Умерли, убиты, истреблены и самаго имени полка нѣтъ.

Но вотъ встаютъ, изъ далекихъ, чужихъ краевъ подаютъ вѣсть. И радостно сознавать, что растетъ новое поколѣніе, что есть кому наново создавать славный Ермаковскій полкъ во всей его былой славѣ и красотѣ.

40. Китай и Китайцы

Мы жили и служили на рубежѣ Китая. Нѣкоторые офицеры полка, какъ Первушинъ, Грибановъ, Анненковъ могли объясняться по-китайски, кое кто изъ казаковъ тоже говорилъ на китайскомъ языкѣ, но мы совершенно не знали ни Китая, ни китайцевъ.

Такая разница была между нашей и китайской культурой, между нашимъ и ихъ бытомъ, что ни мы ихъ, ни они насъ не могли понять. Годами живетъ офицеръ на китайскомъ дворѣ, гдѣ нибудь въ Кульджѣ или Суйдунѣ, а съ хозяевами не сходится и они съ нимъ не сойдутся. Бываютъ другъ у друга въ гостяхъ, разговариваютъ, угощаютъ другъ друга, а все чужіе. Даже наружно мы ихъ усвоить не могли.

Когда были мы въ Кульджѣ, моя жена пошла съ женою консула Бродовича, безупречно говорившей по-китайски, по лавкамъ. Моей женѣ хотѣлось купить, что нибудь особенно китайское, чтобы послать друзьямъ въ Петербургъ... Госпожа Бродовичъ объяснила что нужно купцу. Китаецъ сталъ доставать и устанавливать прилавокъ картонками съ товаромъ. Нѣжныя розовыя и голубыя ткани съ прелестно исполненными цвѣтами, изумительной красоты шелкъ, разворачивался передъ глазами покупательницъ. Совсѣмъ французская работа! Это и былъ подлинный Китай.

— А вонъ тамъ, на полкѣ, — сказала моя жена, — вонъ тѣ желтые платки съ такими страшными черными драконами... Вотъ это кажется и есть то, что мнѣ нужно. Настоящій китайскій рисунокъ.

Госпожа Бродовичъ перевела слова моей жены купцу, тотъ досталъ желтые платки и, расплываясь въ широкой улыбкѣ голаго лица, раскинулъ ихъ по прилавку и ногтемъ показалъ на кромку платка. На ней печатными буквами по Русски было выткано: — «Саратовская сарпинка».

Не знали мы, офицеры и казаки, китайцевъ еще и потому, что было у насъ какое-то презрительное, свысока отношеніе къ нимъ: —

— «Китай» . . .

«У китайца нѣтъ души, у него — паръ»...

Когда ѣздили на охоту въ верховья Или свободно охотились въ китайскихъ предѣлахъ — никто этому не препятствовалъ.

«Рубежъ Китая», а гдѣ собственно былъ-то этотъ — рубежъ, кто его знаетъ?..

Хоргосскія горы — граница Китая. Ѣду я въ Кульджу. По нашему, западному склону невысокаго хребта показались саманныя постройки Русско - таранчинскаго поселка — Хоргосъ. Небольшая Русская церковь, низкія постройки казармъ двухъ сотенъ 2-го Сибирскаго Казачьяго полка. Пыльный шляхъ идетъ черезъ горы. На опушкѣ справа небольшой домъ, надъ нимъ рѣетъ Русскій флагъ — нашъ таможенный постъ. Дальше, въ низинѣ, течетъ по камушкамъ мелкая рѣчушка Хоргоска. За нею — Китай.

Ни постройки, ни поста, ни часового, ни шлагбаума — даже пограничнаго столба нѣтъ. Въ крѣпости Суйдунѣ — это въ пятидесяти пяти верстахъ отъ границы — сто-

итъ постъ 2-го полка при офицерѣ, также и въ Кульджѣ, при консулѣ.

Казаки — тѣ, какъ то даже и не вѣрили, что это чужая земля, чужое иноземное государство — такъ - только — Китай!

Изъ за такихъ взглядовъ, изъ за такого отношенія иногда выходили пограничныя недоразумѣнія и непріятности для командира полка.

Весною 1912-го года, согласно съ наставленіемъ для веденія занятій съ развѣдчиками, отправилъ я команды сотенныхъ развѣдчиковъ 3-хъ Джаркентскихъ сотенъ въ полевую поѣздку. Съ ними поѣхалъ войсковой старшина Первушинъ.

Поѣздка была намѣчена вдоль границы Китая, по Хоргосскимъ горамъ.

Когда развѣдчики вернулись, Первушинъ пришелъ ко мнѣ съ докладомъ и почему то привелъ съ собою и командовавшаго 1-й сотней сотника Анненкова, ѣздившаго съ развѣдчиками своей сотни.

— Господинъ полковникъ, во время поѣздки развѣдчиковъ 1-й, 4-й и 6-й сотенъ ввѣреннаго вамъ полка происшествій никакихъ не случилось... Только... Объ этомъ вамъ доложитъ сотникъ Анненковъ.

— Что-же случилось, Борисъ Владиміровичъ? — спросилъ я.

— Сущіе пустяки, господинъ полковникъ... Когда мы шли вдоль границы, шелъ я въ лѣвой заставѣ. Мы увидали на границѣ постъ — бѣлая башенька съ зубцами по верху, надъ нею дымокъ вьется, — развязно и наигранно безпечно докладывалъ мнѣ Анненковъ. — Казаки и говорятъ мнѣ: — «ваше благородіе, давайте посмотримъ, какой такой Китай?» — я думаю, — чѣмъ мы рискуемъ? Мы поѣхали на постъ. Ну, какой-же это былъ постъ! тамъ и всего то былъ одинъ человѣкъ. Онъ, значитъ, часовой, онъ и начальникъ поста, онъ самъ себѣ и смѣна. Маленькая комнатушка у него, солома, какъ въ хлѣву накидана, на стѣнѣ виситъ прелестный новенькій Маузеръ. Игрушка — не карабинъ. Манза намъ кланяется, улыбается, просто не знаетъ, какъ любезнѣе насъ принять. «Покажи», — говоримъ ему — «твое ружье». Онъ подаетъ. Взяли мы Маузеръ, зарядили, выстрѣлили. Хорошо бьетъ. Потомъ по лѣстницѣ поднялись на крышу башеньки, тамъ зубцы подѣланы изъ глины. Солдатовъ, вы его господинъ полковникъ, навѣрно, помните, первый силачъ въ сотнѣ, говоритъ мнѣ: — «дозвольте, ваше благородіе, я руками всю ихъ крѣпость повалю». «Дуй», — говорю, — «въ мою голову». Онъ, знаете, понатужился и свалилъ зубецъ... Манза испугался, разъахался, завздыхалъ: — «ахъ», да «ахъ»... Мы его, какъ могли, ублаготворили, угостили, чѣмъ могли и, дружески простившись, поѣхали дальше. Онъ насъ еще съ полверсты провожалъ пѣшкомъ. Вотъ, господинъ полковникъ, и все.

Мы переглянулись съ Первушинымъ.

— Я уже жучилъ за это Бориса Владиміровича, — сказалъ мнѣ Первушинъ. — Да я думаю — ничего... Сойдетъ... К и т а й !

На томъ и успокоились и за суетою полковой нашей жизни совсѣмъ забыли объ этомъ происшествіи.

Прошло полъ-года. Получаю я изъ штаба Семирѣченской Области грозный запросъ и при немъ цѣлое «дѣло». «Переходилъ я съ вооруженнымъ отрядомъ Китайскую границу?.. Обезоруживалъ постъ пограничной стражи?.. Разрушалъ китайскую крѣпость?» и т. д. и т. д. Запросъ шелъ изъ нашего военнаго министерства къ генералу Самсонову. Изъ разсмотрѣнія дѣла оказалось: — тотъ китайскій солдатикъ донесъ обо всемъ въ Куре, крѣпость подлѣ Суйдуна, Суйдунскій фудутунъ фен-ты-минъ — нашъ другъ, прекрасно говорившій по-русски, дувшійся на насъ за нашу Кульджинскую оккупацію, вмѣсто того, чтобы, какъ это раньше бывало, полюбовно со мною переговорить, — катнулъ донесеніе въ Пекинъ, оттуда — и все почтой — пошло донесеніе — жалоба въ наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ — тамъ, вѣроятно, порядочно попраздновали труса и переполошились и написали въ наше Военное Министерство, въ немъ посмотрѣли на дѣло спокойнѣе, написали генералу Самсонову, тотъ генералу Фоль-

бауму и отъ него все пришло ко мнѣ съ порядочной головомойкой.

Вырасло цѣлое «досье».

Пришлось отписываться, объясняться, оправдываться, извиняться. Хорошо, что мой «тетенькинъ хвостикъ» дотянулся до Ташкента и тамъ меня знали и въ обиду не дали. Не знаю, что написалъ Александръ Васильевичъ Самсоновъ для Пѣвческаго моста*), но, вѣроятно, написалъ твердо и хорошо. Меня оставили въ покоѣ, а я съѣздилъ къ Фен-ты-мину въ Суйдунъ и попенялъ его за не товарищеское отношеніе. Разговоръ былъ примѣрно такой: —

— Моя къ тебѣ не ходи, твоя ко мнѣ не ходи. Такой уговоръ. Твой Анненковъ не хорошій человѣкъ, шибко смѣется надъ Китаемъ, надъ моими солдаза. Моя солдаза теперь республиканска, нельзя теперь смѣяться надъ моя солдаза.

А все почему?

Китай! Никакъ не могли принять его въ серьезъ, хотя и произошла въ немъ революція, въ которой и намъ пришлось принять умиротворяющее участіе.

---

*) Наше министерство иностранныхъ дѣлъ помѣщалось въ Петербургѣ у Пѣвческаго моста на Мойкѣ.

41. Революція въ Китаѣ

Въ ночь на 26-е декабря 1911-го года я проснулся въ своемъ кабинетѣ отъ какого-то далекаго гулкаго удара. Первая моя мысль была — землетрясеніе. Я посмотрѣлъ на часы. Было два часа ночи. На землетрясеніе не было похоже. При землетрясеніи, такъ мнѣ разсказывали, — гулъ бываетъ продолжительный — здѣсь былъ одинъ короткій гулъ, какой бываетъ отъ взрыва большого количества динамита. Это не могло быть у насъ, въ Джаркентѣ. У насъ и нечему было взрываться. Въ Джаркентскомъ пороховомъ погребѣ хранились только артиллерійскіе и ружейные патроны, да незначительное количество толовыхъ шашекъ. Если-бы тамъ что нибудь случилось звукъ былъ бы совсѣмъ другой... Взрывъ былъ далеко отъ насъ и на востокъ. Я подождалъ немного, не зазвонитъ-ли телефонъ. Все было тихо кругомъ. Раскинувъ въ умѣ карту окрестностей Джаркента я старался сообразить, гдѣ бы это могло быть? Въ Хоргосѣ нечему было взрывать, значитъ, это было не у насъ, а въ Китаѣ, и, вѣрнѣе всего, въ Суйдунѣ или Куре . Это восемьдесятъ верстъ отъ насъ, значитъ, какой-же это былъ страшный взрывъ, если гулъ его долетѣлъ до насъ...

На другой день утромъ я пошелъ въ свою полковую канцелярію и въ штабъ бригады. Генералъ Калитинъ былъ въ отпуску, я временно командовалъ бригадой. И въ канцеляріи и въ штабѣ — пустота. Кромѣ дежурныхъ писарей — никого. Праздники — Рождество Христово. Я зашелъ на квартиру начальника штаба полковника Криницкаго, у него былъ старшій адъютантъ штаба есаулъ Ребровъ. Никто изъ нихъ ничего ночью не слыхалъ. Возвращаясь, я на улицѣ встрѣтилъ войскового старшину Первушина. Тотъ взрывъ слыхалъ, какъ и я, въ два часа ночи и тоже опредѣлилъ его въ Куре или въ Суйдунѣ.

— Не случилось-ли тамъ чего нибудь? — сказалъ мнѣ мой помощникъ, — когда мы были на охотѣ въ началѣ декабря на кабановъ, китайцы мнѣ говорили, что у нихъ большія волненія въ Пекинѣ. Императоръ - ребенокъ... Смута идетъ... Хотятъ реформъ... Намъ надо на всякій случай быть на готовѣ.

— Генералъ Калитинъ насъ такъ нажучилъ тревогами, что мы всегда готовы.

— Вы отпустили сотника Анненкова и хорунжаго Красильникова на охоту въ Хоргосскія горы, не отзовете-ли вы ихъ и не

распросите-ли ихъ? Они тамъ были ближе, должны были и видѣть и слышать, что тамъ происходитъ.

Я согласился съ Первушинымъ и по телефону сообщилъ въ Хоргосъ, чтобы оттуда, отправили конныхъ искать моихъ офицеровъ и приказали имъ возвращаться къ полку.

День шелъ тихій и спокойный. Жена моя принимала визиты гарнизонныхъ дамъ, былъ чай и шоколадъ. Вечеромъ въ собраніи должна была быть зажжена елка и состояться семейно-танцовальный вечеръ для дѣтей.

Около шести часовъ вечера мнѣ доложили, что въ Джаркентъ изъ Хоргоса подъ конвоемъ доставленъ прибѣжавшій изъ Китая командиръ китайскаго сапернаго батальона Дзу-хай-цынъ. Я послалъ за переводчикомъ и допросилъ бѣглеца. Офицеръ былъ изъ новыхъ реформированныхъ войскъ, безъ косы, въ мундирѣ японскаго образца, свѣтло-песочнаго цвѣта. Онъ сообщилъ слѣдующее: —

«Въ ночь на 26-е декабря въ Куре началась рѣзня. Новыя революціонныя войска (Джан-цзо-лина), состоявшія подъ начальствомъ японофильскаго генерала Ян-ту-лина, напали на маньчжуръ. Ямынъ (губернаторскій домъ) Дзянь-дзюня подожженъ, въ него стрѣляютъ изъ орудій. Генералъ Ян-ту-линъ послалъ просить Русскихъ занять Кульджу впредь до усмиренія края. Онъ обѣщаетъ, что Ли (Джан-цзо-линъ) заплатитъ Русскому правительству за занятіе Кульджи пять милліоновъ рублей».

Опасаясь попасть на провокацію, я задержалъ Дзу-хай-цына при канцеляріи 2-го полка подъ карауломъ и послалъ по командѣ телеграммы.

Почти одновременно пришла тревожная телеграмма отъ Кульджинскаго консула. Бродовичъ сообщалъ, что въ Китаѣ произошла революція, что Императоръ бѣжалъ. Въ Кульджѣ, гдѣ много Русскихъ подданныхъ китайцевъ и дунганъ, гдѣ находится отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, могутъ возникнуть безпорядки. Консулъ просилъ занять Кульджу сильнымъ Русскимъ гарнизономъ.

Вечеромъ пришло донесеніе отъ сотника Анненкова изъ Хоргоса. Анненковъ писалъ: — «26-го числа я выѣхалъ въ Суйдунъ. Проѣхавъ укрѣпленіе Чимпандзы я замѣтилъ усиленное движеніе по дорогѣ изъ Суйдуна таранчей и дунганъ. По опросамъ оказалось, что укрѣпленіе Куре занято революціонными китайскими солдатами. Во главѣ ихъ стоитъ Ян-ту-линъ. Дворецъ Дзянъ-дзюня взорванъ или снесенъ артиллеріей. Самъ Дзянъ-дзюнъ убитъ. Комендантъ укрѣпленія Чимпандзы съ тридцатью конными солдатами ускакалъ въ Суйдунъ. Онъ подтвердилъ все это. Въ Чимпандзы оставлено 5 солдатъ при унтеръ-офицерѣ. Пограничные посты пусты — солдаты отозваны въ Суйдунъ, гдѣ Джанъ-тай собираетъ отрядъ. Населенію выдаются винтовки и патроны. Ночью на 27-е декабря распространился слухъ, что въ Суйдунѣ изъ Маньчжуръ, сабинцевъ и солоновъ формируется отрядъ и около Кульджи собираются войска стараго формированія для самозащиты и движенія на Куре. Ночью съ Хоргоса не было видно никакого зарева и не было слышно стрѣльбы».

На посланныя мною обо всемъ этомъ по командѣ шифрованныя телеграммы я получилъ 27-го декабря около полудня непосредственно изъ Ташкента приказаніе занять Кульджу двумя сотнями съ ружьями пулеметами.

Такъ какъ 2-й полкъ стоялъ ближе къ Кульджѣ, занимая Хоргосъ и имѣя офицерскій постъ въ самой Кульджѣ, я приказалъ командиру 2-го полка передвинуть Хоргосскія сотни въ Кульджу и снабдитъ ихъ пулеметами. Полковникъ Буровъ назначилъ командовать дивизьономъ войскового старшину Шмонина.

Въ полдень, готовый къ походу, рослый, тяжелый и хмурый, въ пальто на ватѣ, при боевой аммуниціи, явился ко мнѣ Шмонинъ.

— Какія будутъ распоряженія? — мрачно спросилъ онъ.

— Сегодня вечеромъ выступить изъ Хоргоса и завтра днемъ быть въ Кульджѣ.

Охранять консульство, отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, обезпечить полную безопасность Русскихъ подданныхъ.

— Слушаю. Мнѣ придется идти на Суйдунъ?

— Да.

— А, если Суйдунскія войска меня не пропустятъ? Тамъ больше дивизіи, у меня всего двѣ сотни.

— Не допускаю этой мысли. Тѣмъ болѣе, что Ян-ту-линъ, который, повидимому, беретъ верхъ, самъ просилъ меня о занятіи Кульджи.

— Вы знаете, господинъ полковникъ, поговорку, когда двѣ собаки дерутся... Фен-ты-минъ, который въ Суйдунѣ, можетъ и не пустить насъ.

— Пройдете съ боемъ.

— Тамъ дивизія и съ артиллеріей. Могу и не пройдти.

— Завяжете бой. Дадите мнѣ знать, я приду со своимъ полкомъ и, если будетъ нужно, князь Баратовъ съ артиллеріей и стрѣлками подкрѣпитъ насъ.

— Такъ то оно такъ... А только?..

Я отлично понималъ колебанія Шмонина. Китайцевъ и боя съ ними онъ нисколько не боялся, но попасть въ отвѣтъ передъ своимъ начальствомъ весьма опасался. Трудно воевать, когда точно не знаешь, имѣешь-ли право на это? Молча, предложивъ Шмонину сѣсть, я въ «Полевой книжкѣ большого формата, согласно пункта 2, приказа по Главному Управленію Генеральнаго Штаба 1906-го года № 144» сталъ писать приказъ отряду войскового старшины Шмонина, въ которомъ въ категорической формѣ требовалъ отъ отряда занятія Кульджи, предусматривая возможныя случайности и ставя всѣ точки надъ «і».

Я подалъ приказъ Шмонину, онъ просмотрѣлъ его, тщательно сложилъ, положилъ въ свою полевую сумку и уже не хмуро, но рѣшительно сказалъ:

— Теперь я все понимаю. Будетъ въ точности исполнено. Завтра я буду въ Кульджѣ. Можете быть совершенно спокойны.

Онъ пошелъ садиться на лошадь, ожидавшую его у дверей канцеляріи.

Въ 4 часа дня онъ былъ въ Хоргосѣ, въ 8 часовъ вечера выступилъ оттуда и на разсвѣтѣ 28-го декабря подошелъ къ Суйдуну. Здѣсь встрѣтили его встревоженные офицеры, присланные Фен-ты-миномъ.

— Почему Русскія войска вошли въ Китай? — спросили они Шмонина. — Развѣ объявлена война.

— У меня есть приказъ и я его исполняю, — отвѣчалъ, не останавливая лошади, Шмонинъ.

— Фен-ты-минъ проситъ васъ всѣхъ заѣхать въ Суйдунъ къ нему. Онъ хочетъ угостить васъ достарханомъ.

— Указаній на то не имѣю-съ. Когда нибудь въ другой, болѣе благопріятный разъ.

— Но, позвольте, вы-же понимаете, что, если вы такъ проѣдете мимо Фен-ты-мина, вы обидите его, онъ потеряетъ тогда лицо. Очень это некрасиво выйдетъ.

— А уже это красиво или некрасиво, меня, простите, не касается. Дивизьонъ, р-рысью, ма-аршъ!

Казачьи сотни рысью прошли мимо Суйдуна, не въѣзжая въ городскія ворота.

Послѣ полудня Шмонинъ входилъ въ Кульджу. Городъ былъ убранъ Русскими флагами. Были люди, помнившіе Русскихъ во времена оккупаціи и усвоившіе себѣ, что Русскіе — это — порядокъ и спокойствіе. Толпы народа привѣтствовали казаковъ.

Полковникъ Буровъ вскорѣ замѣнилъ войскового старшину Шмонина молодымъ и энергичнымъ войсковымъ старшиною Волковымъ.

По прибытіи въ Кульджу, Волковъ мнѣ сообщилъ, что по всему видно, что пребываніе казаковъ въ Кульджѣ будетъ весьма продолжительнымъ, не мѣсяцы, а годы. Стоять по обывательскимъ квартирамъ (китайскимъ) онъ считаетъ неудобнымъ и непрактичнымъ, проситъ, чтобы Инженерное Вѣдомство соорудило помѣщенія для дивизьона — это погрузиться въ между-вѣдомственную волокиту и не дождаться казармъ, да и смѣта выйдетъ такая большая, что въ ней

можетъ быть отказано. Волковъ просилъ меня выхлопотать пособіе на постройку казармъ — двадцать тысячъ. Кульджинское городское самоуправленіе отводило безвозмездно отличный участокъ земли, Волковъ брался за эти деньги своими казаками построить вполнѣ приличныя казармы.

Я поѣхалъ въ Вѣрный къ генералу Фольбауму, получилъ отъ него разрѣшеніе на постройку своими средствами казармъ на двѣ сотни и ассигновку. Казаки съ полною охотою принялись за работу.

Въ февралѣ 1912-го года я поѣхалъ смотрѣть только что законченныя дивизьономъ 2-го полка казармы.

Какая это была радость и гордость на сердцѣ, когда я въѣхалъ черезъ красивыя, каменныя китайскія ворота усадьбы, отведенной городомъ, надъ которыми тихо рѣялъ большой Русскій флагъ, и увидѣлъ новыя постройки. Въ линію вытянулись стройные многооконные свѣтлые бѣлые бараки саманной постройки на деревянной въ клѣтку основѣ. Два барака для сотенъ, нѣсколько меньшій баракъ для пулеметной команды, отдѣльные домики для офицеровъ, дивизьонное собраніе, конюшни, обозный сарай, механическая прачешная, кухни, баня, отхожія мѣста, хлѣбопекарня, открытый манежъ, все чистенькое, хорошо построенное, свѣтлое, по линейкѣ выравненное. Въ казармахъ просторныя нары, голландскія печи, широкіе корридоры для занятій. Все выросло въ какія нибудь 6 недѣль и обошлось въ двадцать тысячъ!

Была зима. Глубокій снѣгъ лежалъ въ дворахъ и въ саду со старыми карагачами усадьбы; на яркомъ Азіатскомъ солнцѣ блистали стекла домовъ. Въ казармахъ было тепло. На кухнѣ казакъ кашеваръ готовилъ щи, на хлѣбопекарнѣ вкусно пахло свѣжимъ хлѣбомъ.

Два дня провелъ я у Волкова, восторгаясь созданнымъ имъ благоустройствомъ дивизьона. Стали прочно, надолго.... Н а в с е г д а !

Вотъ такъ-же нѣкогда строился Куропаткинымъ Джаркентъ, такъ-же войсками устраивался Русскій Ташкентъ, и въ глубокой, дремучей дали казаки нашего шефа Ермака Тимофеевича ставили, рубили городки въ Сибири, поднимаясь по Иртышу къ озеру Зайсану, подаваясь къ «мунгальскимъ» предѣламъ....

Великъ Русскій колонизаторскій геній. Что остановитъ это могучее шествіе Русскаго народа на востокъ, несеніе мягкой, христіанской, творческой культуры въ темныя нѣдра Китая?

Никакая сила не могла остановить этого, кромѣ болѣзни націи, ея самоубійства.

Какъ далеки мы были тогда, въ этомъ краю, отъ самой мысли о возможности т а к о г о конца Россіи.

Я послалъ подробное донесеніе съ альбомомъ фотографій нашего Кульджинскаго казачьяго городка генералу Фольбауму.

Я зналъ, что это его очень порадуетъ.

42. Тышканскій лагерь

Лѣтомъ въ Джаркентѣ жить и служить было невозможно. Жара доходила до 62° и выносили ее только привычные къ солнечному зною таранчи и дунгане, совершенно голыми работавшіе въ поляхъ. Полки уходили на лѣто въ лагерь, въ горы, на Тышканское плоскогорье.

Какъ только опытнымъ глазомъ Ефимъ Никитичъ Осиповъ опредѣлилъ, что снѣгъ сошелъ съ Тышкана, онъ пригласилъ меня поѣхать осмотрѣть нашу лагерную стоянку. Осиповъ съ командиромъ нестроевой команды, сотникомъ Дороговымъ Ивановымъ и оружейнымъ мастеромъ, поѣхали въ тарантасѣ, я съ женою и сотникомъ Анненковымъ верхомъ.

Отъ Джаркента до Тышкана считается сорокъ верстъ, никѣмъ не мѣряныхъ. Широко натоптанный войсками въ пустынѣ шляхъ сначала полого и незамѣтно поднимается въ горы. Съ середины пути, отъ кишлака Тышканъ характеръ мѣстности мѣняется, пологая пустыня смѣняется крутымъ подъемомъ въ гору. Справа идетъ глубокое ущелье, надъ нимъ торчатъ причудливой формы голубыя, розовыя и сѣрыя скалы мергеля.

Наши лошади легко бѣгутъ вверхъ. Дыханіе свободно, горный воздухъ пьянитъ. Ярко свѣтитъ солнце, слѣпятъ глаза совсѣмъ близкіе снѣга вершинъ.

Еще одинъ подъемъ покруче по каменистому пути, покрытому галькой когда то сползшаго сюда ледника — вотъ и Тышканъ.

Мы въѣзжаемъ на наше «военное поле». За нимъ справа жалкій таранчинскій поселокъ изъ двѣнадцати—пятнадцати маленькихъ хатокъ, въ его улицѣ нѣсколько кривыхъ акацій. За нимъ на голомъ полѣ уступами поднимающемся къ горамъ лагерное мѣсто. По нему — обыкновенно въ такихъ случаяхъ пишутъ «въ живописномъ безпорядкѣ», но ничего тутъ живописнаго не было — разбросаны были бѣдныя, кривобокія саманныя постройки. Ни деревьевъ, ни садовъ, ни улицъ, ни заборовъ. Мы подъѣхали къ длинной саманной постройкѣ въ четыре окна — полковой канцеляріи, надъ нею, на плоскомъ мѣстѣ, надъ обрывомъ, стояла избушка на курьихъ ножкахъ — изъ тонкихъ кривыхъ жердей была сложена клѣтка, въ эту клѣтку вмазаны глиняныя стѣны, вставлены большія окна, подвѣшена дверь и устроено подобіе крыльца. Вся она просвѣчивала насквозь — это и было мое жилище — квартира командира полка. Въ ней было три большихъ, полныхъ яркаго горнаго свѣта комнаты со щелявыми полами и такимъ же щелявымъ потолкомъ и больше ничего. Ни кухни, ни помѣщенія для прислуги, ни конюшни, ничего.... На открытомъ всѣмъ вѣтрамъ и всѣмъ взорамъ юру, стоитъ, какъ палатка этотъ домикъ.

Я тутъ-же нанялъ таранчей и сговорился съ ними обнести домъ заборомъ изъ глины, устроить дворъ, помѣстить на дворѣ конюшню, домикъ для казаковъ и прислуги, кухню, словомъ, создать хотя нѣкоторое подобіе уюта. Но, конечно, нигдѣ не было ни дерева, ни куста. Песокъ, камни и желтая верблюжья сухая трава.

Мы пошли съ Осиповымъ по лагерю вдоль разбросанныхъ по скату маленькихъ хатокъ.

— Мой домъ, — говорилъ Осиповъ, — а это подъесаула Волкова, тамъ Калмыкова, эта сакля Анненкова и Артифексова, видите, какое жилье! Кое кто изъ семейныхъ нанимаетъ у кочевыхъ киргизовъ кошмяныя юрты, да такъ и живетъ. Очаги у всѣхъ открытые, даже и безъ навѣса. Тутъ дождей почти не бываетъ, ну, а прольетъ, все равно всѣ крыши и въ домахъ протекаютъ. Бивакъ, а не лагерь!

Большая саманная постройка было гарнизонное собраніе, отдѣленное отъ лагеря стѣною. Въ немъ просторная свѣтлая столовая, залъ, библіотечная комната. На дальнемъ краю довольно хорошій домъ начальника лагернаго сбора и подлѣ штабъ бригады. Сейчасъ же за этими постройками былъ крутой обрывъ, въ узкомъ ущельѣ неслась, пѣнясь и шумя по камнямъ, рѣчка Тышканка, за ущельемъ стѣною стояли темныя скалистыя горы. Ущелье мрачно уходило вглубь. Сѣверные его бока были покрыты густымъ лѣсомъ горной ели и кедрами.

Часа три ходилъ я съ Осиповымъ, Дороговымъ-Ивановымъ и оружейнымъ мастеромъ Поротиковымъ по лагерю, намѣчая мѣста палатокъ. Было рѣшено устроить ихъ, какъ въ Гвардіи, съ деревяннымъ дощатымъ основаніемъ и нарами, потомъ намѣтили шестами мѣсто середины полкового лагеря, мѣсто полкового образа, караульной палатки, знаменнаго намета. Спустились внизъ и на скатѣ къ Тышканкѣ намѣтили мѣста навѣсовъ столовыхъ, мѣста кухонь, коновязей, отхожихъ мѣстъ, все разбивали въ математически строгомъ военномъ порядкѣ.

На всемъ плоскогорьѣ, занятомъ нашимъ Джаркентскимъ гарнизономъ, расло всего пять раскидистыхъ старыхъ карагачей, сто-

явшихъ вдоль линейки 2-го Сибирскаго казачьяго полка.

Пока мы размѣряли, моя жена съ вѣстовыми и сотникомъ Анненковымъ приготовили намъ завтракъ и чай. Ѣсть намъ пришлось, сидя на полу и все, что было приготовлено стояло тоже на полу, потому что въ пустомъ баракѣ не было никакой мебели.

Съ крыльца барака, съ высоты болѣе 2.000 метровъ, открывался несказанно красивый видъ на всю ширь Илійской долины. Горизонтъ въ полтораста верстъ замыкался длиннымъ хребтомъ снѣговыхъ горъ Кунгей Алатау.

Работы по намѣткѣ лагеря были окончены. Весенній день догоралъ. Солнце склонялось къ пустынному плоскогорью. Было такъ тихо въ воздухѣ, что отчетливо было слышно, какъ шумѣла внизу рѣчка Тышканка и сверху изъ узкой долины доносилось далекое мычанье коровъ и блеянье овецъ.

Мы вышли садиться на лошадей и остановились зачарованные красотою вечера въ горахъ.

— Что это тамъ такое? — сказала моя жена, стикомъ указывая на небо, — какое странное облако.

Въ прозрачномъ зеленовато-синемъ небѣ, въ безконечной дали, за снѣговыми горами и много выше ихъ, точно висѣла въ воздухѣ громадная, опрокинутая розовая роза. Ея краски дрожали, становились ярче и ярче, точно внутри ея какой то огонь разгорался, потомъ вдругъ стали потухать, бѣлѣть, синѣть, и внезапно исчезла эта таинственная роза, точно растаяла, растворилась въ небѣ.

— Это вершина Хан-тен-Гри, — сказалъ Осиповъ. — Ее называютъ еще «Подножіемъ Божьяго Трона». По преданію, на ней остановился Ноевъ ковчегъ и здѣсь вѣрятъ, что онъ и понынѣ стоитъ тамъ съ хрустальными окнами, недостижимый для людей, никому не доступный.

И Анненковъ добавилъ:

— Хан-тен-Гри считаютъ едва-ли не самой высокой горой въ мірѣ, во всякомъ случаѣ, самой высокой изъ горъ Тянь-шаня, въ ней, мнѣ говорили 24.000 футовъ, то есть около 6.867 метровъ, почти семь верстъ. Никто еще не былъ на ея вершинѣ. Моя мечта взобраться на нее. Господинъ полковникъ, я буду просить васъ когда нибудь отпустить меня съ казаками и мы поднимемся на самую вершину.

Мы возвращались домой ночью при лунѣ.

Пять всадниковъ ѣхало по безпредѣльной Азіатской окраинѣ, вдоль Китайскаго рубежа: — дама, два офицера и два казака, собака бѣжала за ними. Они никого не встрѣтили, имъ никто и ничто не угрожало, самая мысль объ опасности такой поѣздки имъ и въ голову не приходила. Они ѣхали по **Россійской Имперіи.**

На другой день я, скрѣпя сердце, отобралъ отъ сотенъ пятьдесятъ казаковъ, плотниковъ и мастеровыхъ, и отправилъ ихъ съ инструментомъ и лѣснымъ матерьяломъ на Тышкань — строить лагерь.

Какъ въ Красномъ Селѣ!

43. Жизнь въ лагерѣ

Лагерь вышелъ на славу. Палатки были выравнены по фронту и въ затылокъ, дистанціи и интервалъ математически точны, основанія палатокъ покрашены бѣлой масляной краской, съ краснымъ узкимъ багетомъ по швамъ досокъ. По краямъ передней линейки поставлены «грибы» для дневальныхъ, тоже бѣлые съ красными кантами. Впереди выравнена по ватерпасу широкая линейка, обложенная дерномъ и усыпанная бѣлымъ пескомъ.

Сзади на широкомъ пологомъ скатѣ къ ущелью, подъ прямыми углами къ линейкѣ стали навѣсы столовыхъ, за ними кухни, далѣе закрытыя отхожія мѣста. Коновязи стали на флангѣ столовыхъ.

Къ отведенному отъ Тышканки рукаву вела раздѣланная, обрамленная камнями дорога, она подходила къ душу, съ деревяннымъ поломъ, скамьями и заборомъ кругомъ. Къ этому душу постоянно притекала согрѣтая солнцемъ вода и вѣчно лилась крупнымъ и частымъ дождикомъ.

Нашъ душъ сталъ предметомъ зависти всего лагеря.

За Ермаковцами потянулись и другіе полки. Когда Генералъ Калитинъ пріѣхалъ въ лагерь — онъ остался всѣмъ очень доволенъ. Покривился только на наши керосинокалильные фонари, поставленные — два по краямъ передней линейки, одинъ у полковой канцеляріи и одинъ на коновязяхъ.

— Обнаруживаете себя. На этой то высотѣ эти фонари будутъ изъ самаго Китая видны, какъ маяки стоятъ. Приползутъ на нихъ съ горъ киргизы и вырѣжутъ васъ, ей Богу, вырѣжутъ.

Не обошлось у иныхъ и не безъ нѣкотораго «кондитерства». Годъ былъ юбилейный. На нашихъ зимнихъ докладахъ въ гарнизонномъ собраніи и въ сотняхъ поминали мы и Смоленскъ, и Бородино, и Тарутино, и Березину.

2-ая батарея подполковника Никольскаго устроила передъ своей караульной палаткой громадный планъ Бородина съ показаніемъ всѣхъ частей, выложенный мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, собранныхъ въ руслѣ Тышканки. Вышло очень красиво и поучительно.

20-го мая мы выступили походомъ въ лагерь. Три дня устраивались въ немъ, а главное, привыкали къ высотѣ. Первое время у многихъ голова кружилась, шумѣло въ ушахъ и были среди казаковъ случаи обмороковъ. Двухъверстная высота давала себя знать.

Потомъ начались ученья по обычному, общему для всей Россійской кавалеріи росписанію. Конныя ученья по утрамъ, стрѣльба послѣ обѣда....

Солнце уходитъ за плоскогорье — «въ Россію»... Темнѣетъ въ лагерѣ. Безъ четверти въ девять часовъ заиграютъ на правомъ флангѣ горнисты, забьютъ барабанщики повѣстку къ зарѣ, имъ отвѣтятъ трубы въ артиллеріи и у казаковъ.

Ежедневная заря отправлялась у насъ всегда особо торжественно. Всѣ офицеры сходились на фланги своихъ частей. Ковыляя и опираясь на палку, спѣшилъ къ какому нибудь полку и «дѣдушка Калитинъ».

Перекличка кончена. Приказъ прочитанъ. Отъ дежурнаго по лагерю съ середины общей линейки четко слышна въ горномъ воздухѣ команда — «смир-р-рна!».

Наступаетъ мгновенная тишина. Слышнѣе ропотъ бурно несущейся Тышканки. Страшнѣе въ своей тишинѣ за спиною стоящія громадныя неприступныя горы. Впереди въ дымкѣ ночного тумана безпредѣльный просторъ пустыни. За нею — Китай, горы Тянь-Шань, Гималаи, Индія. Съ этой высоты все кажется близкимъ.

Плавно, въ двѣ трубы, а иногда всѣмъ хоромъ играютъ у Ермаковцевъ зарю.

Дежурный офицеръ командуетъ: — «на молитву, шапки долой»!

Особенно здѣсь, недалеко отъ подножія Трона Самого Господа Бога, звучитъ молитва казаковъ.

— Трубачи! Отбой! Накройсь! Караулъ, шай на кра-улъ!

Секунда тишины, какое то раздумье, сосредоточенность и.... гимнъ!

Какимъ величественнымъ, могучимъ, несокрушимымъ, в ѣ ч н ы м ъ казался нашъ великолѣпный гимнъ-молитва здѣсь на краю Имперіи, у китайскаго рубежа. Онъ несся, онъ плылъ съ высотъ отъ самого неба по пустынѣ, несся далеко, далеко, казалось, до самаго Китая. Въ серебряномъ туманѣ стлалась долина. Въ темнѣющемъ небѣ вдругъ показывалась опрокинутая роза. На ней еще сіяли отблески уже зашедшаго у насъ солнца. Точно слушали и тамъ «у подножія Божьяго Трона», нашу молитву вѣры и вѣрности.

— Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ!
Царь православный!

Кто разъ слыхалъ гимнъ въ т о й обстановкѣ, пустыни, горъ, тишины окраины — тотъ никогда его не забудетъ и не измѣнитъ ему.

— Караулъ! Шашки въ нож-ны! По палаткамъ маршъ!

Лагерный день конченъ.

44. Лагерныя ученья

Утромъ, въ лагерѣ — конныя ученья. Для сотенныхъ ученій нашъ плацъ былъ хорошъ, для полковыхъ, даже для трехъ сотенъ, а въ 1912 году ко мнѣ изъ Вѣрнаго пришла и четвертая сотня — маловатъ.

Развернешь всѣ три сотни, станешь заводить плечомъ — и уже попалъ какой нибудь флангъ на ручей, на обрывистые берега, на гальку. Потеряно равненіе, нѣтъ стройности движенія. Лава-же и разсыпные строи всегда захватывали оба берега ручья, пересѣкавшаго почти посерединѣ наше военное поле.

За то для ученій съ обозначеннымъ противникомъ, для тактическихъ ученій полка — какое раздолье! Кругомъ на версты, на десятки верстъ — «мѣстность». Никакихъ засѣянныхъ полей, никакой частной собственности, «чужого» мѣста, по которому нельзя скакать и ѣздить — все свое, вѣрнѣе — ничье — Божье! Пустыня!..

И какая мѣстность! Плоскогорье, поросшее чахлой травой прерывается оврагомъ съ крутыми берегами, перейдешь черезъ него и опять широкая на версты долина, а тамъ пойдутъ скалы, тѣснины, кручи. Какую «Итальянскую школу» ѣзды здѣсь можно продѣлывать, съ какихъ головокружительныхъ спусковъ спускаться, на какія отвѣсныя горы вскакивать. Суворовъ училъ: — «гдѣ олень пройдетъ — тамъ солдатъ пройдетъ»... Какъ же не пройти по этимъ горамъ сибирскому казаку?

Поставлю я обозначеннаго противника — батарею и роты прикрытія на плоскогорьѣ и уведу полкъ за десять верстъ отъ него. Потомъ иду походнымъ порядкомъ съ заставами и дозорами.

Дозоры донесутъ: — «видна батарея и пѣхотныя цѣпи».

Мы строимъ двойную взводную колонну и, какъ только построили, я объявляю — «артиллерія открыла огонь по насъ. За нами рвутся шрапнели».

На широкомъ наметѣ (полевомъ галопѣ) мы разворачиваемся, вытягиваемся въ «линію колоннъ по три разомкнуто» и продолжаемъ итти полевымъ галопомъ. До противника шесть верстъ. Мы спускаемся въ балку, тутъ огонь насъ не настигаетъ, мы переходимъ на рысь, если возможно, выгадываемъ флангъ противника, потомъ поднимаемся и разсыпаемся по эшелонно и съ пяти верстъ идемъ въ атаку непрерывнымъ полевымъ галопомъ.

Такія ученія я всегда повторялъ. Одинъ разъ я самъ велъ полкъ, давалъ указанія, другой я поручалъ вести полкъ одному изъ своихъ помощниковъ, а самъ становился съ биноклемъ на мѣстѣ противника и слѣдилъ за порядкомъ атаки.

Въ тѣ дни, увлекаясь защитнымъ цвѣтомъ послѣ войны, такъ много писали о вредѣ сѣрой масти въ кавалеріи... Въ Великую войну былъ одинъ гусарскій полкъ, который покрасилъ своихъ сѣрыхъ лошадей въ защитный цвѣтъ, а вотъ я смотрю съ горы въ бинокль на свой атакующій полкъ. Въ дрожащемъ маревѣ пустыни показалась вороная сотня, сейчасъ же за нею гнѣдая, рыжая и значительно позже — сѣрая. Сѣрая масть сама по себѣ и безъ всякой краски оказалась защитной.

Я писалъ тогда объ этомъ въ «Русскомъ.

Инвалидѣ», но мода на защитное оказалась сильнѣе здраваго смысла.

Послѣ такого маневра бывалъ разборъ. Шести-семиверстный пробѣгъ возбуждалъ. Лица раскраснѣлись, стали оживленными, каждый передаетъ свои впечатлѣнія. Являлась вѣра въ могущество конной атаки и сибирскіе казаки эту вѣру проявили въ безсмертной конной атакѣ на турецкую пѣхоту подъ Ардаганомъ.

Я дѣлалъ маневры на смѣшанный бой, одна или двѣ сотни дѣйствовали въ спѣшенномъ порядкѣ, остальныя атаковали на коняхъ, дѣлая обходъ.

Я наслаждался на этихъ ученьяхъ. Нигдѣ, даже подъ Краснымъ селомъ, не было такого простора. Тамъ было военное поле и полигонъ, а уйдешь за Кавелахты и пошли засѣянныя поля, огороды и туда не ходи, сюда не смѣй появляться. Дозоры идутъ обозначенные — засѣянныя поля мѣшаютъ, развернуться — нельзя.

Послѣ обѣда — стрѣльба.

Стрѣльба доставляла намъ всѣмъ не мало огорченій. Пока стрѣляли на двѣсти, четыреста, шестьсотъ шаговъ — все шло хорошо. Но какъ пошли стрѣлять на большія дистанціи — то и дѣло ерзаетъ по мишенямъ бѣлая указка — отмахиваетъ намъ промахи.

Унылы и злы казаки. Объ «отлично» и думать не приходится, лишь бы въ «хорошо» попасть.

Сердится, разноситъ, стыдитъ казаковъ генералъ Калитинъ. Язвитъ надъ ними, обижаетъ сравненіями съ кавказцами.

Винтовки у насъ отлично пристрѣляны, а на большія дистанціи идетъ непозволительное разсѣиваніе пуль. Причина для насъ проста — винтовки полкъ получилъ еще въ 1891 году и служатъ онѣ безъ замѣны стволовъ уже двадцать лѣтъ. Срокъ не такъ большой, да 18 лѣтъ казаки стояли по постамъ на границѣ, безъ надзора, жили въ хижинахъ, винтовки ржавѣли, ко дню смотровъ нещадно отдирались пескомъ и кирпичемъ, нарѣзы стирались, появлялись свищи, зазубрины и безподобная мѣткость великолѣпной нашей трехъ-линейки была утеряна.

Но вотъ докажи это «начальству», которое, знай, только ругаетъ сотенныхъ командировъ и казаковъ.

Совѣщался я съ сотенными командирами, а тѣ съ казаками, какъ намъ выйти изъ такого незаслуженно обиднаго, позорнаго положенія.

— Просите, господинъ полковникъ, разрѣшенія устроить намъ стрѣльбу изъ пѣхотныхъ винтовокъ, — горячо говорилъ мнѣ командиръ шестой сотни есаулъ Калмыковъ, самый строгій, вспыльчивый и обидчивый изъ моихъ сотенныхъ командировъ. — Я вамъ ручаюсь за прекрасные результаты.

Отношенія между родами войскъ въ Семирѣченской области, какъ и во всемъ Туркестанѣ были отличныя, дружескія, настоящія товарищескія. Стрѣлки охотно ссудили насъ на одну стрѣльбу своими винтовками.

Трогательно было наблюдать, какъ передавали казакамъ ружья стрѣлки. Каждый стрѣлокъ, передавая винтовку казаку, говорилъ объ особенностяхъ ея боя.

— Ты, паря, какъ стрѣлять будешь на большую дистанцію, скажемъ, на тысячу или больше шаговъ, чутокъ влѣво придержки мушку, потому она у меня вправо уноситъ. А ты влѣво придержи на вершокъ или два — такъ то ладно попадешь.

Стрѣляли 4-ая Волковская и 6-ая Калмыковская сотни.

Выше отличнаго!

Иначе оно и быть не могло. Казаки обладали великолѣпнымъ зрѣніемъ, были отлично развиты гимнастикой, много упражнялись прикладкой, были старательны, болѣзненно самолюбивы, они **должны** были отлично стрѣлять.

Въ Штабѣ бригады былъ составленъ объ этомъ актъ и начальникъ бригады усугубилъ свои хлопоты о замѣнѣ винтовокъ.

Каждый годъ въ концѣ іюля въ лагерь пріѣзжалъ генералъ Фольбаумъ. Къ этому времени на Тышканъ приходили всѣ полки 6-й Туркестанской стрѣлковой бригады, мортирная батарея и саперный батальонъ.

Лагерь оживалъ. Бывалъ объѣздъ лагеря

и заря съ церемоніей, смотры полковъ и батарей, маневры и боевыя стрѣльбы. Наше общество устраивало свои самыя интересныя состязанія.

Въ 1913 году генералъ Фольбаумъ пріѣхалъ въ лагерь недовольный мною и моимъ полкомъ. Много жалобъ поступило на меня и на чиновъ полка. По этимъ жалобамъ было назначено особое разслѣдованіе и для этого присланъ штабъ-офицеръ Генеральнаго Штаба изъ Вѣрнаго.

Но, увидалъ генералъ Фольбаумъ нашъ красивый, аккуратно разбитый, чистый лагерь, веселыя, бодрыя, смѣлыя лица казаковъ, побывалъ на ученьяхъ и маневрахъ, на скачкахъ и состязаніяхъ и началъ отходить.

Полку была назначена боевая стрѣльба съ маневрированіемъ. Мѣсто для нея было выбрано въ горахъ, выставлено оцѣпленіе и генералъ Фольбаумъ пріѣхалъ на нее съ только что назначеннымъ начальникомъ Штаба Семирѣченской области Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоромъ Кондратовичемъ, прибывшимъ къ намъ прямо изъ Варшавскаго округа.

Три сотни вели наступленіе, съ перебѣжками, четвертая была въ полковомъ резервѣ. Это была 6-ая сотня полка, «каторжная» сотня. Въ ней этимъ лѣтомъ вышла крупная непріятность съ сотеннымъ командиромъ, есауломъ Калмыковымъ, дѣло чуть не дошло до суда, но мнѣ удалось покончить дѣло полнымъ покаяніемъ казаковъ и наложеніемъ взысканій въ дисциплинарномъ порядкѣ на всѣхъ виновныхъ. Послѣ этого сотня эта необычайно старалась показать, что она совершенно исправилась.

Ведя наступленіе, цѣпи спустились съ крутого, почти отвѣснаго обрыва въ широкую долину, на которой были поставлены мишени. За цѣпями сошелъ генералъ Фольбаумъ со своимъ штабомъ. Теперь за нашими спинами была какъ бы стѣна саженей десять вышиной.

Генералъ Фольбаумъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— По ту сторону долины (это было примѣрно въ верстѣ разстоянія и тамъ на горахъ были заранѣе установлены восьми и двѣнадцати фигурныя мишени) показались колонны противника.

По телефону, слѣдовавшему за мною я передалъ приказаніе Калмыкову обстрѣлять колонны.

6-ая сотня разсыпалась въ цѣпь, бѣгомъ подошла къ краю обрыва и, не спускаясь внизъ, на «линію огня», залегла по краю обрыва и сейчасъ же открыла надъ нами огонь пачками. Пули запѣли и засвистали надъ нашими головами. Генералъ Кондратовичъ схватилъ меня за руку и воскликнулъ въ большомъ волненіи:

— Полковникъ, вы съ ума сошли!.. Что вы дѣлаете?!

— Обстрѣливаю колонны противника, ваше превосходительство, — совершенно спокойно сказалъ я.

— Да развѣ можно дѣлать это, когда все начальство находится впереди? Вѣдь они могутъ?!..

Онъ не договорилъ, я перебилъ его:

— Ваше Превосходительство, — сказалъ я, — это сибирскіе казаки и съ сибирскими казаками я могу рѣшать задачу такъ, какъ рѣшалъ бы ее и на войнѣ. Съ горы резерву гораздо удобнѣе обстрѣливать колонны противника, кромѣ того онъ не мѣшаетъ этимъ стрѣльбѣ цѣпей.

— Въ Варшавскомъ округѣ это было бы совершенно невозможно, — сказалъ потрясенный генералъ Кондратовичъ.

Генералъ Фольбаумъ былъ видимо очень доволенъ всѣмъ этимъ. Когда былъ поданъ «отбой», и полкъ собранъ въ резервную колонну, командующій войсками области горячо благодарилъ полкъ, сказалъ много лестнаго по адресу офицеровъ и казаковъ. Послѣ стрѣльбы Фольбаумъ обѣдалъ у меня и я понялъ, что мое «дѣло» рѣшилось въ мою пользу.

Послѣ обѣда, на дворѣ передъ нашей хижиной пѣли пѣсельники Учебной команды, моя жена запѣвала съ ними нѣкоторыя пѣсни, Фольбаумъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа.

— Полковникъ Х. допросилъ всѣхъ свидѣтелей, — сказалъ мнѣ Фольбаумъ, — ни одно обвиненіе противъ васъ не подтвердилось. Вы вездѣ дѣйствовали лойяльно и строго по закону. Все оказалось клеветою лѣвыхъ туземцевъ и нѣкоторыхъ нашихъ русачковъ, все не могущихъ забыть 1905 года. Виновные есаулъ Калмыковъ и сотникъ Артифексовъ вами своевременно наказаны, что и видно изъ полковыхъ приказовъ и штрафного журнала. Въ трудное время мы живемъ. Много доносчиковъ расплодилось тамъ, гдѣ казалось бы доносчикамъ и нѣтъ мѣста. Я видѣлъ вашъ полкъ и на немъ убѣдился лучше всего, что все на васъ писанное оказалось ложью и анонимною гадкою клеветою...

Что же это были за «преступленія», о которыхъ доносили въ Вѣрный?

45. Восемьдесятъ два пункта преступленій

19 февраля 1913 года вся Россія праздновала 300-лѣтіе со дня воцаренія Дома Романовыхъ. Праздновалъ этотъ день и русскій военный Джаркентъ. Утромъ было торжественное Богослуженіе въ городской церкви (соборѣ), а послѣ — парадъ всѣмъ частямъ гарнизона. Погода была теплая и великолѣпная, части были выведены въ мундирахъ, знамена безъ чехловъ. Все вышло очень красиво и величественно.

Отъ 2-хъ часовъ дня на той же площади были назначены игры и состязанія казаковъ бригады и солдатъ артиллеріи. Была рубка, уколы пиками, джигитовка съ различными фигурами (умыканіе невѣсты), офицерская гимнастика и общая всѣмъ моимъ полкомъ сокольская гимнастика.

Площадь кругомъ была заполнена таранчами и дунганами. Все населеніе уѣзда стеклось посмотрѣть на Русскій праздникъ. Играли трубачи, для этого случая одѣтые въ старую форму временъ завоеванія за-Илійскаго края, въ киверахъ съ алыми султанами, съ расшитыми бѣлою тесьмою рукавами.

Такъ какъ туземцы народъ очень впечатлительный, особенно женщины и дѣти, выбѣгають на линію скачки, чтобы лучше посмотрѣть, и перебѣгаютъ площадь во время состязаній, по распоряженію генерала Калитина были назначены казаки Учебныхъ командъ обоихъ казачьихъ полковъ, чтобы «осаживать» толпу во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Казаки эти были безъ оружія и **безъ плетей.**

Праздникъ прошелъ прекрасно. Всѣ, и участники и зрители, были очень довольны. Уже въ наступавшихъ зимнихъ сумеркахъ мы расходились съ площади, счастливые, что такъ хорошо и по военному отпраздновали этотъ историческій день.

Прошло мѣсяца два. Къ генералу Фольбауму поступилъ изъ Государственной Думы запросъ съ приложеніемъ анонимнаго доноса.

Доносъ начинался витіевато: — «торжественный день 300-лѣтняго юбилея воцаренія Дома Романовыхъ въ городѣ Джаркентѣ омрачился печальнымъ неистовствомъ. Пьяные казаки Краснова нагайками избивали несчастный таранчинскій народъ, въ наивной вѣрѣ въ справедливость собравшійся на праздникъ на площади и т. д. и т. п.» Я всего теперь не помню.

На праздникѣ былъ начальникъ уѣзда, были всѣ гражданскія русскія и туземныя власти, никто ничего никому не заявилъ и ни я и никто изъ офицеровъ не видалъ никакого насилія или безчинства. А пьяныхъ вообще въ этотъ день не было, всѣ были заняты состязаніями.

Но есть въ Россіи люди, которые казака трезвымъ и безъ нагайки представить себѣ не могутъ. Были въ Джаркентѣ люди, которыхъ коробило, что въ полку и въ сотняхъ послѣ зари поютъ «Боже Царя Храни», что по Джаркенту днемъ, а иногда и ночью звучатъ военные марши, что бравый казакъ сталъ хозяиномъ положенія и никому спу-

ска не даетъ, что казаки стали любимцами простого народа, падкаго на всякія зрѣлища. Вся наша «военщина» была противна полуинтеллигентнымъ туземцамъ. Тѣ видѣли въ ней усиленіе Русскаго вліянія въ пустынѣ, закрѣпленіе за нами края.

Городской Голова, гдѣ только могъ дѣлалъ мнѣ непріятности. Когда я какъ то проѣхалъ съ женой верхомъ по широкимъ аллеямъ городского сада, по которымъ ѣздятъ арбы, онъ подъ носомъ у меня заперъ ворота на замокъ. Ѣхавшій съ нами на третьей моей лошади казакъ Порохъ сбилъ замокъ и выпустилъ насъ. Городской Голова написалъ доносъ, что я взломалъ ворота и силою ворвался въ садъ. Кто то изъ офицеровъ, шутя, сказалъ Городскому Головѣ, что я взялъ хлыстъ и иду бить Голову, и тотъ убѣжалъ въ пустыню и скрывался тамъ три дня.

Все это было скучно и очень тяжело, потому что всѣ эти милыя «мелочи жизни» приходилось расхлебывать и разбирать.

Въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ насъ не любили и чѣмъ мы были лучше, чѣмъ выше поднимались, тѣмъ больше насъ ненавидѣли. Хорошо одѣтые казаки, полные сознанія собственнаго достоинства, фанфарные марши, наши конные праздники и состязанія, маневры, — имъ были поперекъ горла.

У Артифексова, вспыльчиваго и горячаго такія столкновенія доходили до драки.

На меня доносили врачи госпиталя, чиновники, таранчи, туземные учителя и, думаю, больше всѣхъ бай Юлдашевъ, которому я много досадилъ, сдавъ довольствіе полка Нурмаметову.

Всѣ эти дрязги и вылились въ обширное «дѣло» съ 82-мя пунктами обвиненія съ которыми былъ присланъ на Тышканъ полковникъ Х.

Все разсѣялось, какъ дымъ. Если у полка и у меня были враги, то еще болѣе оказалось друзей. Ни одно обвиненіе ни въ чемъ не подтвердилось. Нурмаметовъ и его туземцы славословили Ермаковцевъ. Нашъ уѣздный начальникъ — полковникъ Смирновъ, вскорѣ послѣ этого покончившій съ собою самоубійствомъ — сталъ цѣликомъ на нашу сторону, но, самое главное, внѣшній видъ Ермаковцевъ и отправленіе ими службы сказали Фольбауму, что этого **просто не могло быть!**

По всѣмъ 82 пунктамъ дѣло пошло на прекращеніе. Клеветники остались безнаказанными. Да большинство были анонимы, безымянны, а тѣ, кто выступалъ самъ, говорили всегда не отъ себя: — «мы слышали»... «намъ передавали»... «сами мы, конечно, ничего такого не видали»...

Это были тѣ шипы, безъ которыхъ нѣтъ розъ, это были терніи жизни. Жизнь и вообще не сладка, а въ томъ людскомъ, пестромъ по населенію муравейникѣ, какимъ былъ Джаркентъ, она и не могла быть сладкой.

46. Концерты въ Джаркентѣ и на Тышканѣ

Скрашивалась она для меня и для насъ всѣхъ пѣніемъ моей жены.

Когда наладились отношенія съ Ольгой Николаевной Никольской, жена моя стала устраивать музыкальные вечера у себя дома. Ее стали просить устроить въ гарнизонномъ собраніи настоящій концертъ для офицеровъ и ихъ семей Ермаковскаго полка.

На своихъ вечерахъ моя жена тщательно подбирала программу. Музыка была почти исключительно русская. Въ 1-ое отдѣленіе обыкновенно ставились — «Свадьба» Даргомыжскаго (отличная вещь, чтобы распѣться), его же «Пѣсня Ильинишны» — «Ходитъ вѣтеръ у воротъ» изъ оперы «Хованщина»; «Ночь» и «Отворите мнѣ темницу» Рубинштейна; «Степью иду я унылою» Гречанинова; «Сѣверная звѣзда» и «Венеціанская ночь» Глинки; «Погоди» Чайковскаго и т. п. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась почему то

«Свадьба» Даргомыжскаго, которую всегда просили еще и еще разъ повторять. Иногда въ это отдѣленіе романсовъ моя жена вставляла итальянскія вещи — Penso, Tosti и Mattinata, Leonkovallo. 2-ое отдѣленіе составлялось изъ народныхъ русскихъ пѣсенъ, по сборникамъ Балакирева, Римскаго-Корсакова и Лядова: — «Ахъ ты поле мое», «Во пиру была», «Заиграй моя волынка» и другихъ, третье — изъ тѣхъ ложно-народныхъ, полу-цыганскихъ пѣсенъ репертуара А. Д. Вяльцевой и Н. В. Плевицкой, которыя въ ту пору были въ модѣ въ Петербургѣ и явились совершенной новинкой для Джаркента: — «Забыты нѣжныя лобзанья», «Скажи, зачѣмъ тебя я встрѣтилъ», «Коробейники» и обожаемая казаками «Изъ за острова на стряжень».

Такую программу составила моя жена и для весенняго концерта въ 1913 году для Ермаковцевъ.

Вечеръ былъ теплый, окна собранскаго зала были раскрыты настежь. Подъ ними собралась толпа. Передъ третьимъ отдѣленіемъ въ окно протиснулся громадный букетъ прелестныхъ розъ и «буль-де-нежей» — «отъ благодарной галерки»...

Весь гарнизонъ былъ въ этой галеркѣ. Уѣздный врачъ, обладатель лучшаго въ Джаркентѣ цвѣточнаго сада, обожавшій музыку и пѣніе, такъ растрогался, что въ антрактѣ слеталъ къ себѣ домой и обобралъ всѣ свои парники, оранжереи и садъ.

Все это было такъ трогательно, что пришлось моей женѣ подумать объ устройствѣ концерта для всего гарнизона. Такой концертъ было рѣшено устроить въ лагерномъ собраніи, гдѣ помѣстительнѣе былъ залъ и лучше резонансъ.

Во время этого концерта произошло для насъ весьма насъ взволновавшее событіе, едва не перевернувшее всей нашей жизни.

Третье отдѣленіе приходило къ концу, когда полковой адъютантъ подалъ мнѣ только что привезенную съ геліографа телеграмму.

На Тышканѣ не было ни правительственнаго, ни военнаго телеграфа, но когда полки уходили въ лагерь устанавливались посты геліографа, одинъ на окраинѣ Джаркента, другой на краю нашего военнаго поля на Тышканѣ. Днемъ работали солнцемъ, ночью лампами Манжена.

Телеграмма была изъ Петербурга отъ начальника Офицерской Кавалерійской Школы генералъ-маіора Химеца:

...«Багратіонъ уходитъ коннозаводство телеграфируйте согласіи принять должность помощника начальника школы»...

Я едва могъ дождаться конца концерта, «бисовъ», овацій, цвѣточныхъ подношеній, — за ними посылали въ Джаркентъ — и ужина. Какъ только явилась возможность подъ предлогомъ усталости моей жены намъ уйти, мы ушли къ себѣ и я показалъ своей женѣ телеграмму.

Это было такое ни съ чѣмъ несравнимое счастье, такое, казалось, недостижимое для меня — казака — положеніе — быть помощникомъ начальника Офицерской Кавалерійской Школы! Служить въ Школѣ, которую я такъ горячо любилъ!! Быть опять при томъ конномъ дѣлѣ, которое было всегда самымъ моимъ любимымъ занятіемъ. Работать съ офицерами. Имѣть въ своемъ распоряженіи лошадей, лучшихъ изъ всего годичнаго ремонта, почти сплошь чистокровныхъ! Каждую осень принимать участіе въ королевской забавѣ — въ парфорсныхъ охотахъ въ Поставахъ!.. Наконецъ, жить въ Петербургѣ, на прекрасной квартирѣ, на Шпалерной улицѣ, въ Петербургѣ, гдѣ и я и моя жена родились, гдѣ жили моя мать и братъ и родственники и родные моей жены, гдѣ каждый камень мостовой былъ точно роднымъ.

Было отъ чего кружиться головѣ, было отъ чего не спать всю ночь.

Въ эту же ночь я отправилъ геліограмму о согласіи и написалъ Василію Александровичу письмо полное благодарностей.

Но предаваться мечтамъ не приходилось. Лагерная жизнь кипѣла. Со дня на день ожидался пріѣздъ генерала Фольбаума. Изъ Вѣрнаго и Пржевальска приходили полки и батареи. По обычаю ихъ встрѣчали, и офицеровъ и солдатъ, хлѣбомъ-солью. Гремѣла

музыка, въ собраніи произносились короткіе тосты.

А потомъ пріѣхалъ Фольбаумъ и съ нимъ штабъ-офицеръ съ «82 пунктами», начались смотры, состязанія, скачки, маневры, — предложеніе Химеца позабылось — некогда было думать о немъ. Больше мечтала о немъ моя жена, которую такъ естественно тянуло въ Петербургъ.

Въ самый разгаръ лагернаго сезона я получилъ письмо отъ Войскового Наказного Атамана Донского Войска Генералъ-Лейтенанта Покотило. Атаманъ писалъ мнѣ, что ему и Войску непріятно, что я командую Сибирскими казаками и спрашивалъ меня, согласенъ ли я принять освобождающійся осенью 10-й Донской казачій полкъ, въ 1-й Донской казачьей дивизіи, стоящей въ Замостьѣ?

Когда то ничего лучшаго и быть не могло. Теперь прекрасный этотъ, родной мнѣ полкъ заслоняла Школа. Я телеграфировалъ генералу Химецу и спрашивалъ его, какъ мнѣ надлежитъ поступить? Въ тотъ же день я получилъ отъ Василія Александровича отвѣтъ — «назначеніе затягивается, принимайте Замостье, лучше быть ближе».

Я отвѣтилъ генералу Покотило благодарностью и согласіемъ принять 10-й Донской казачій полкъ.

Назначеніе князя Багратіона откладывалось по пустому поводу. Князь Багратіонъ настаивалъ на томъ, чтобы при назначеніи его въ Государственное коннозаводство ему была сохранена Школьная (гусарская) форма. По закону этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ право сохраненія формы при уходѣ изъ Школы имѣлъ только ея начальникъ. Надо было или уломать князя Багратіона согласиться надѣть обще-генеральскую форму «по гвардейской кавалеріи», или какъ то обойти законъ. Этимъ и были заняты въ Петербургѣ.

Отбывъ большіе маневры и боевую стрѣльбу съ маневрированіемъ, я послѣ «отбоя» у селенія Илійскаго уѣхалъ въ разрѣшенный мнѣ отпускъ по болѣзни въ Кисловодскъ. Моя жена уѣзжала изъ Джаркента совсѣмъ, надѣясь скоро устраиваться въ Петербургѣ, я долженъ былъ вернуться, чтобы сдать полкъ.

Къ полку я вернулся въ октябрѣ.

Было томительно грустно разставаться съ такъ полюбившимися мнѣ Ермаковцами, съ которыми было столько пережито. Столько различныхъ дѣлъ было начато и не завершено. Въ Вѣрномъ, на участкѣ, отведенномъ для пастбища полкового коннаго завода, на плоскогорьѣ, поросшемъ высокими травами, цвѣтущими вторымъ осеннимъ цвѣтеніемъ, я смотрѣлъ нашихъ кобылъ. Прекрасными показались онѣ мнѣ, отъѣвшіяся на травѣ, выхоленныя и вычищенныя, какъ будто подросшія во время моего отсутствія.

Въ Джаркентѣ тополя, посаженные нами вокругъ манежа, разрослись. Еще годъ и они будутъ бросать тѣнь на дорожку манежа.

Всѣ сотни стали одномастными. На каждомъ шагу я видѣлъ работу полка — и свою тоже — такъ много было задумано на 1914-й годъ. Поговаривали, что полкъ переведутъ въ Ташкентъ на мѣсто 1-го Семирѣченскаго казачьяго полка. Сибирскимъ казакамъ надо было дать хотя одну хорошую полковую стоянку.

Да — шелъ на лучшее, болѣе родное, готовился уйти въ Школу, гдѣ столько было радостнаго, а больно было разставаться съ Сибиряками.

Въ ноябрѣ были проводы. Какъ я ни просилъ ничего не дѣлать, офицеры поднесли мнѣ прекрасно сдѣланную голову кабана своей охоты. Дѣлалъ ее нашъ дѣлопроизводитель по хозяйственной части, бывшій когда то препараторомъ чучелъ у самого Пржевальскаго. Въ головѣ этой, еще не отдѣланной, было полтора пуда вѣса. Клыки торчали длинными завитками, внизу была серебряная дощечка съ надписью и та трехлинейная пуля, которая сразила звѣря.

Провожалъ меня весь полкъ до Борохудзира-Голубевскаго. Я ѣхалъ на знаменитомъ Анненковскомъ «Султанѣ». Мои лошади уже ушли въ Замостье...

Въ Голубевскомъ у почтовой станціи была «стремянная», — простился я со своими

сотрудниками-офицерами, простился сердечно и съ казаками — «не поминайте лихомъ своего командира, который всегда и вездѣ желалъ только славы и чести полку».

Мнѣ подали полковой тарантасъ. Тотъ же Прокофьевъ, тѣ же сѣрые киргизы, которые и привезли меня сюда, подъѣхали къ полку.

Слезы наворачивались на глаза.

— Прощайте!

Залились колокольцы, зазвенѣли бубенцы, вихремъ подхватили лошади. Прощальное ура! раздалось сзади.

Кто зналъ, что ожидаетъ каждаго изъ насъ въ близкомъ будущемъ? Кто знаетъ, что ожидаетъ и теперь, завтра,черезъ годъ... черезъ одну минуту? У насъ нѣтъ настоящаго — есть только будущее и прошедшее... Въ этомъ прошедшемъ — моя служба на Рубежѣ Китая, у подножія суровыхъ Небесныхъ горъ — Тянь-Шаня.

...«Встаетъ изъ тьмы загадочный Тянь-Шань,
Смѣется небо ясно-бирюзово...
И пусть судьба протягиваетъ длань,
Грозя насъ сжать въ тискахъ своихъ суровыхъ!

Чѣмъ путь труднѣй — тѣмъ выше будетъ честь!
Пускай горька недопитая чаша!
При нашей бѣдности — у насъ богатство есть:—
То, что прошло—неотторжимо наше!»*)

---

*) Изъ ненапечатаннаго стихотворенія Маріи Эйхельбергеръ-Волковой, написаннаго въ 1935 году.

Декабрь 1936 г. — Февраль 1937 г.
Дер. Сантени. Франція.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

1. «Тетенькинъ хвостикъ» 7
2. На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся 10
3. Тяжелыя «ауспиціи» 14
4. Развѣдка 17
5. Въ путь дорогу 19
6. Ташкентъ 22
7. Почтовая станція 24
8. На перекладныхъ 27
9. Мое непосредственное начальство. Ген.-маіоръ М. А. Фольбаумъ. Пріемъ двухъ сотенъ полка 30
10. Бездомный командиръ 33
11. Генералъ-Лейтенантъ Петръ Петровичъ Калитинъ 36
12. Вспышки гнѣва и дружеская помощь 39
13. Джаркентъ 41
14. Пріемъ полка 44
15. «Разговоръ» съ господами офицерами 47
16. Разговоръ съ полковымъ адъютантомъ. Рѣшительный приказъ 50
17. Колебанія и сомнѣнія 52
18. Моя квартира 54
19. «Мошенники пришли» 55
20. Заботы о внѣшнемъ видѣ полка 57
21. Всѣ въ строй 61
22. Дѣла хозяйственныя 62
23. Бай Юлдашевъ — «Маркизъ де Карабасъ» нашихъ мѣстъ 64
24. Нурмаметовъ. — Сами у себя воруемъ 67
25. На занятіяхъ «одиночкой» 68

26. Полковыя охоты 70
27. Полковой праздникъ 73
28. Маневры 75
29. Занятія съ офицерами. «Дѣдовское оружіе» 78
30. Джаркентскія развлеченія 81
31. «Событія» 85
32. Джаркентское общество любителей спорта 87
33. «Конкуръ иппикъ» 89
34. Скачки и набѣги 90
35. Свой домъ. Пріемы 94
36. Вячеславъ Ивановичъ Волковъ 96
37. Борисъ Владимировичъ Анненковъ 99
38. Леонидъ Александровичъ Артифексовъ 102
39. А. Г. Грызовъ и А. Д. Баженовъ 104
40. Китай и Китайцы 106
41. Революція въ Китаѣ 108
42. Тышанскій лагерь 111
43. Жизнь въ лагерѣ 113
44. Лагерныя ученья 115
45. Восемьдесятъ два пункта преступленій 118
46. Концерты въ Джаркентѣ и на Тышканѣ 119

Того же автора:

1. **Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени.** Романъ въ четырехъ томахъ. Изданіе третье. Имѣется на: англійскомъ, болгарскомъ, голландскомъ, датскомъ, испанскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, финскомъ, французскомъ, хорватскомъ, чешскомъ (иллюстрированное изданіе) и шведскомъ языкахъ.
2. **Опавшіе листья.** Романъ. Имѣется на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.
3. **Понять — простить.** Романъ. Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и чешскомъ языкахъ.
4. **Единая-недѣлимая.** Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.
5. **Бѣлая свитка.** Романъ. Имѣется на англійскомъ, голландскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ.
6. **« Largo ». Романъ.** Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ.
7. **Выпашь. Романъ.**
8. **Подвигъ.** Романъ.
9. **Ненависть.** Романъ. Имѣется на итальянскомъ и нѣмецкомъ яз.
10. **За чертополохомъ.** Фантастическій романъ. 2-е изданіе. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.
11. **Амазонка пустыни.** Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, норвежскомъ, польскомъ, словенскомъ, французскомъ, хорватскомъ, чешскомъ и шведскомъ языкахъ.
12. **Все проходитъ.** Историческая повѣсть. Имѣется на англійскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.
13. **Съ нами Богъ.** Историческій романъ въ двухъ томахъ. Имѣется на англійскомъ, нѣмецкомъ и чешскомъ (иллюстрированное изданіе) языкахъ.
14. **Цесаревна.** Историческій романъ. Имѣется на нѣмецкомъ яз.
15. **Екатерина Великая.** Историческій романъ. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ (иллюстрированное изданіе).
16. **Мантыкъ — охотникъ на львовъ.** Повѣсть для юношества иллюстр. Имѣется на итальянскомъ (иллюстрированное изданіе) и французскомъ языкахъ.
17. **Съ Ермакомъ на Сибирь.** Иллюстр. изд. Имѣется на англійскомъ языкѣ (иллюстрированное изданіе).
18. **Домой.** Романъ.
19. **Терунешь** (Любовь абиссинки) и др. Разсказы.
20. **Поѣздка на Ай-Петри** и др. Разсказы.
21. **Степь. Восьмидесятый.** Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.
22. **Душа Арміи.** (Опытъ военной психологіи). Имѣется на болгарскомъ языкѣ.
23. **Тихіе подвижники.** Очеркъ.
24. **Казачья самостійность.** Очеркъ.
25. **Наканунѣ войны** (изъ жизни пограничнаго гарнизона).
26. **Цареубійцы** (1-го марта 1881 г.), романъ.

IMPRIMERIE
DE NAVARRE
5, rue des Gobelins
PARIS 13e

EDITION DE LA FEDERATION DES INVALIDES RUSSES.

3-bis, rue Adolphe Cherioux.

Issy-les-Moulineaux (S.).

FRANCE.